

**СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
ИНСТИТУТА ИУДАИКИ
ВЫПУСК III**

Кишинев 2013

**CZU 94(=411.16)(082)=111=161.1
И 71**

Сборник рекомендован к изданию решением Ученого совета Института иудаики (протокол № 2 от 27 февраля 2013 года)

Редакционная коллегия:

Аникин В., доктор хабилитат политологии, доктор философии, конференциар

Арони С., доктор философии, профессор Калифорнийского университета (США)

Костаки Г., доктор хабилитат права, профессор

Назария С., доктор хабилитат политических наук, доктор истории, конференциар

Степанов В., доктор хабилитат истории, и.о. профессора

Червенков Н., доктор хабилитат истории, и.о. профессора

Шевелёв Д., кандидат исторических наук (Беларусь)

Редактор выпуска:

Брик Е., доктор экономики

В третьем выпуске «Сборника научных трудов Института иудаики» представлен широкий круг тем, в том числе: описание традиционных занятий евреев Поднестровья в «Очерках Днестра» А. Афанасьева-Чужбинского; участие еврейского населения в фабрично-заводской промышленности Бессарабии; новелла Ф. Кафки в аспектах гуманизации мифа; массовое уничтожение евреев подразделением СС в Дубоссарах (1941 год); биографии евреев-юристов, чья жизнь в XIX – XX веках была связана с нашим краем, позиция князя Урусова в связи с еврейским вопросом; этнокультурный феномен бессарабской синагоги. Материалы публикуются в авторской редакции и представляют точку зрения их авторов.

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cărții

Институт Иудаики. Сборник научных трудов Института иудаики / Ин-т Иудаики; ред. кол.: Аникин В., Арони С., Костаки Г. [и др.]; ред. вып.: Брик Е. – Кишинев: Ин-т Иудаики, 2013 (Tipograf. "Elan Poligraf" SRL). – ISBN 978-9975-66-228-4.

Вып. 3. – 2013. – 120 p. – Texte: lb. engl., rusă. – Bibliogr. în subsol. – 1500 ex. – ISBN 978-9975-66-331-1.

94(=411.16)(082)=111=161.1
И 71

THIS BOOK WAS FUNDED BY A GRANT FROM THE DUTCH JEWISH HUMANITARIAN FUND. THE OPINIONS, FINDINGS AND CONCLUSIONS STATED HEREIN ARE THOSE OF THE AUTHORS AND DO NOT NECESSARILY REFLECT THOSE OF THE DUTCH JEWISH HUMANITARIAN FUND

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
<i>DE GROOF ROBERT. OPENING ADDRESS.....</i>	5
<i>ARONI SAMUEL. HISTORY OF THE JEWS OF MOLDOVA: DESTINY AND PROFESSION. MY EXPERIENCE OF SIX DECADES.....</i>	6
<i>СТЕПАНОВ ВЯЧЕСЛАВ. ОПИСАНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЗАНЯТИЙ ЕВРЕЕВ ПОДНЕСТРОВЬЯ В БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИХ «ОЧЕРКАХ ДНЕСТРА» АЛЕКСАНДРА АФАНАСЬЕВА-ЧУЖБИНСКОГО.....</i>	28
<i>АНИКИН ВЛАДИМИР. УЧАСТИЕ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕССАРАБИИ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ: ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ (XIX - НАЧ. XX ВВ.).....</i>	37
<i>КУШНИР ЖОЗЕФИНА. КОНЦЕПЦИЯ ГУМАНИЗАЦИИ МИФА В ПРИЛОЖЕНИИ К АНАЛИЗУ ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА: «ПРАВДА О САНЧО ПАНСЕ» Ф. КАФКИ.....</i>	55
<i>ШОРНИКОВ ИГОРЬ. ЗОНДЕРКОМАНДА В ДУБОССАРАХ.....</i>	72
<i>БОРШЕВСКИЙ АНДРЕЙ. МЕСТНЫЕ ЕВРЕИ-ЮРИСТЫ: XIX – XX ВЕКА.....</i>	83
<i>АЛЕНИН ИГОРЬ. КНЯЗЬ СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ УРУСОВ И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС.....</i>	94
<i>БРИК ЕВГЕНИЙ. СИНАГОГА КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН В БЕССАРАБИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.....</i>	110

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель, перед Вами третий выпуск «Сборника научных трудов Института иудаики».

Институт иудаики (Республика Молдова) представляет собой общественную некоммерческую организацию, созданную для защиты прав еврейского населения Молдовы, проведения исследований в области еврейской истории, этнографии, филологии и права.

Институт иудаики стремится предоставить возможность высказать и научно обосновать свою точку зрения широкому кругу ученых Молдовы и других стран. Поэтому в «Сборнике» публикуются как статьи сотрудников Института иудаики, так и работы ученых из других научных учреждений, в том числе Академии наук Молдовы.

В редакционную коллегию «Сборника» входят не только отечественные, но и зарубежные ученые: С. Арони – доктор философии, профессор Калифорнийского университета (США); Д. Шевелев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси, академический директор Центра изучения истории и культуры еврейства Беларуси Европейского гуманитарного университета (Литва).

Сборник открывается приветственным словом консула Королевства Нидерландов в Молдове доктора Роберта де Гроофа.

В этом выпуске представлен широкий круг тем, исследуемых и молдавскими, и зарубежными специалистами. Например, профессор Калифорнийского университета и уроженец Бессарабии С. Арони осмысливает судьбы своей семьи и родины на фоне исторических событий XX века; доктор хабилитат политологии, доктор философии, конференциар В. Аникин рассматривает участие евреев в местной промышленности; доктор филологии Ж. Кушнир анализирует новеллу Ф. Кафки; кандидат исторических наук, заместитель министра иностранных дел Приднестровья И. Шорников исследует акцию массового уничтожения, осуществленную в 1941 году в Дубоссарах подразделением СС; кандидат филологических наук И. Аленин (Россия) пишет о позиции губернатора Бессарабии князя Урусова в связи с еврейским вопросом; доктор экономики Е. Брик исследует этнокультурный феномен бессарабской синагоги.

---

*Dr. de Groof Robert,
Consul of the Kingdom of the Netherlands in Moldova*

OPENING ADDRESS

I am pleased to greet the publication of the Collection of scholarly works of the Judaica Institute, which is aimed at comprehending the current issues of Jewish studies. I find it all the more gratifying because there is a large Jewish community in the Netherlands, where I have many friends and good acquaintances. Therefore, I am especially pleased to learn that Collection of the Judaica Institute has been supported by the Dutch Jewish Humanitarian Fund.

I believe that Anti-Semitism, which, unfortunately, still exists in the territories of many countries, will not be able to hold its positions if people understand each other. Besides, Collections of scholarly works of the Judaica Institute like this one will undoubtedly contribute to improving mutual understanding.

I have thoroughly studied clinical psychology; yet I find that it does not completely account for the tragedy of the Holocaust: I do not quite understand the psychological “mechanisms” which make the cultural population of a civilized country agree to start large-scale atrocities against innocent people on the ground that the victims are Jews.

I visited the museum founded in Auschwitz, in the territory of the concentration camp, and the incredible cruelty that prevailed in the camp of death shocked me to the core.

I had a very vivid impression from seeing the Anne Frank House. *The Diary of Anne Frank* is one of the most widely read books in the world. It gives hope that mankind has learned at least one lesson from this terrible past.

The clarity of consciousness is the best cure for xenophobia. Without it, even culture is hardly efficient.

---

*Aroni Samuel,
Ph.D., Professor Emeritus (USA)*

**HISTORY OF THE JEWS OF MOLDOVA:
DESTINY AND PROFESSION.
MY EXPERIENCE OF SIX DECADES**

It happened during the week of the first solo flight over the Atlantic Ocean, on May 26, 1927, that Samuel Cervinschi was born in Kishinev, Bessarabia, at the time part of Romania. My parents, David and Clara Cervinschi, as well as their parents, were Russian Jews, and this was my language for at least the first five years of life. Due to various circumstances and to various degrees, other languages were added later (Romanian, Hebrew, Yiddish, French, German, and English). In Israel, my father changed his family name to Aharoni, and I, in Australia, to Aroni, both in the memory of my paternal grandfather Aron-Iosef Cervinschi, who perished in the Holocaust.

My childhood was a very happy one, with the first major event happening on June 28, 1940, with the annexation of Bessarabia by the Soviet Union. The Soviet Stalinist year that followed was a combination of happy schooling, in the native Russian language, with the suffering of my family. My maternal grandfather, Leib Aptekar, a very rich man, was arrested, sentenced to eight years, and died after his release from prison, in 1948, in Uhta, Komi SSR, and my father had a heart attack, while waiting to be arrested each night.

Our own Holocaust started on July 18, 1941, when German and Romanian armies occupied Kishinev. Many tens of thousands of Jews were murdered in Bessarabia, on the death march to Transnistria, and in that territory, the southernmost part of the Ukraine. We immediately found ourselves in the Kishinev Ghetto, which according to two Romanian reports had a population of 11,525. According to these reports, 37 persons escaped from the Ghetto, including my family, most of who were captured. This happened just as the death march deportations started. We owe our lives to my uncle Monia Aptekar, who remained in Bucharest, and paid three Romanian police agents to assist out escape by train. My

---

grandfather, Aron-Iosef, a religious Hasid of the Skvere Rabbi, would not consider shaving his beard or leaving the Rabbi¹. My estimate is that only some 200 to 300 of the Ghetto prisoners survived the Holocaust.

Our family was arrested in Bucharest at the end of November 1941². As children, 6 and 14 years old, my brother and I were able to escape the arrest and went into hiding with relatives for the next two and a half years, sometimes in different places. We were reunited with our parents in Bucharest. They managed to escape from Transnistria in April 1944, ahead of the advancing Soviet troops, and we all left three months later for Palestine on the refugee ship Kazbek.

Obviously, during my years of hiding in Romania, I was unable to continue my interrupted formal education. To have some identification papers, which saved me twice from arrest, I enrolled part-time in a textile trade course offered by the Jewish Community, and also started studying English with a private teacher. Arriving as refugees in Palestine, in 1944, required going to work, first as a textile weaver and later as a successful works manager in a transport office. Nevertheless, the strong desire to study persisted. It expressed itself, while working shifts, in pursuing private and correspondence studies with the British Institute, and finally passing the London University Matriculation (LUM), an external exam available anywhere in the British Empire. Unfortunately, my application to the Technion in Haifa, which did not recognize the LUM, was frustrated by their requirements of special exams in Hebrew Language and Literature, and the Old Testament, in addition to financial problems.

A couple of my best friends “discovered” Australia, and the possibility of recognition of the LUM, as well as identifying favorable financial circumstances. After the War of Independence, in 1950, I was accepted as a foreign student at the Gordon Institute of Technology in Geelong, and left for Australia. Resuming formal studies after a gap of nine years,

---

¹ In 1995, I published my “Memories of the Holocaust: Kishinev (Chisinau) 1941-1944” University of California, Los Angeles (UCLA). My testimony has also been recorded as part of the Survivors of the Shoah – Visual History Foundation.

² Eighteen days after our arrest, the refugee ship Struma sailed from Constanta to Istanbul, on its way to Palestine. Two months later, it was sunk outside the Bosphorus, with only one survivor. Were we not arrested, we may have been on the Struma. In 2003, I contributed a chapter on “Who Perished on the Struma and How Many”, in the book “Death on the Black Sea”, by Douglas Frantz and Catherine Collins (Harper Collins Publishers).

---

having arrived during the middle of the academic year, I completed the first year of the Civil Engineering diploma. At the end of that year, I was able to transfer to the degree course at the University of Melbourne. With the premature death of my father in Israel, four hard years followed, during which I had to support myself working part time and at the end of 1954 I graduated Bachelor of Civil Engineering with high honors, and the award of the John & Ann Gibson Prize. As a result, I was appointed Senior Demonstrator in Hydraulic Engineering at the University of Melbourne.

The next seven years of teaching at the University saw a promotion to lecturer in structures, with tenure, and a few publications on concrete construction and ultimate strength, and structural theory of folded plate roofs. I also undertook experimental work on prestressed concrete columns, and on concrete technology. The first published co-authored paper dealt with full-scale testing of a precast concrete multi-story construction. With the high demand of housing after the war, and increased immigration to Australia, a tank factory was transformed into an industrialized facility making large precast elements for single story apartments, built with minimum connections. The desire to proceed with additional stories required full-scale testing under simulated high wind loads, in order to identify needed design changes.

On the personal side, in 1956, I married Malca Corenfeld, an Israeli sabra who came to Australia as a Hebrew teacher, and our two daughters, Ruth and Miriam, were born in Melbourne. In terms of continuing part-time education at the University, I undertook Town and Regional Planning (obtaining the Australian Town Planning Institute Prize in 1955), and a course on the theory of statistics and probability. However, it became obvious that further graduate studies were essential.

At the beginning of 1963, our young family arrived in Berkeley, California, my having been accepted into the Structural Engineering and Structural Mechanics Ph.D. program at the University of California (UCB), and having been given the part-time position of a Teaching Fellow. It was an exiting research environment, and I also got involved briefly in the development of the first successful finite element program for plate bending. Ongoing work at Berkeley on the K-type of expansive cement (named after Alex Klein) was an important innovation in concrete technology. A problem arose for significant chemical prestressing

---

of large structural members: non-uniform rates of expansion were causing cracking. The suggested solution was the use of saturated porous lightweight aggregates providing an internal reservoir of water and more uniform curing. The success of this idea was demonstrated in the testing of uniaxially and triaxially restrained specimens, which resulted in a thesis for a Master of Science degree (1965), a joint paper with Milos Polivka, presented at the 1967 RILEM (International Union of Testing and Research Laboratories for Materials and Structures) Symposium in Budapest, Hungary, and a number of other papers and publications, in the general area of chemical prestressing, during the following few years.

The subject of my Ph.D. dissertation was “Slender Prestressed Concrete Columns”; the degree was awarded in 1966. At the time, no comprehensive theory of such members was available to determine their behavior during loading, predict the type of failure, by instability or material failure, and confirm it by testing. In addition, it was not exactly clear why adding prestress (compression) to columns loaded in compression may be beneficial. My work first involved two years of testing, at the University of Melbourne, of 36 columns, representing a significant range of prestress and slenderness, and subjected to various eccentricities of loading. The loading was by applied axial deformations, thus allowing the determination of the full range of post-buckling behavior, if it occurred before material failure. The work at Berkeley represented the development of a special finite element computer analysis of this nonlinear problem. Using increasingly smaller circular finite elements, satisfying compatibility, and suitably changing the points where equilibrium was also satisfied, it was possible to obtain both upper and lower bounds for the critical loads. Very good agreement was found between the theoretical results and the experimental values, for stresses, deflections and critical loads. This work was reported in a number of publications and papers.

During the academic year of 1966-1967, I served as an Associate Professor at the San Francisco State College, developing their first undergraduate minor in structural engineering.

The next three years, the only time outside of academia, were spent as Concrete Group Leader at the Research and Development Technical Center of the American Cement Corporation, in Riverside, California. This unusual interdisciplinary center was concerned with the development of

---

new materials, new products, and industrialized housing systems. Various projects were undertaken on fiber reinforcement, high strength concrete by means of artificial aggregates, size effects in material systems, and others. One national imperative of the time was the great need for housing, and the large Operation Breakthrough was established by the Department of Housing and Urban Development (HUD) with the aim of encouraging volume production of housing, including industrialization and innovation in all related fields. In response to a national request for research proposals, I initiated, organized, and was chosen as project manager for a joint proposal by American Cement Corporation and the architectural firm of Daniel, Mann, Johnson and Mendenhall. It dealt with Aerated Autoclaved Concrete (AAC), fully industrialized and unique lightweight concrete products, developed in Sweden at the end of the 1920's by the YTONG Corporation and unknown in the United States. We proposed a comprehensive study of the feasibility of its introduction into the United States, as an incentive for industrial investments. Unfortunately, HUD funded none of the hundreds of such research proposals. However, ten years later, this effort served as a catalyst for a large project at UCLA on AAC, and for much research, many publications and consulting work continuing to this day.

At the R&D Center, I was also put in charge of the American Cement Corporation's project in the Art and Technology program of the Los Angeles County Museum of Art, attempting to enlarge and construct one of the monumental edifices of Jean Dubuffet, the famous French artist. It was an interesting project that, unfortunately, did not succeed¹. At about the same time, I translated a technical book from Russian, which was apparently the first publication on the subject in the English language². During the summer of 1970, I served as a Consultant to the Advisory Committee to HUD of the National Academies of Sciences and Engineering. The Advisory Committee was concerned with the various programs of HUD in the area of housing, including Operation Breakthrough. My work involved examining these programs and advising the Academies on their policies towards them.

---

¹ "Size and Culture – An Attempt that Failed", Art and Technology Program, Maurice Tuchman (ed.), P. 86-94, Los Angeles County Museum of Art, May 1971.

² Statistical Methods in Structural Mechanics, V.V. Bolotin, Holden-Day, Inc., 240 pp., 1969 (Translation from Russian by S. Aroni).

With the closing of the R&D Center, in 1970, I returned to academic work with the appointment as a Professor of Architecture and Urban Design, at the new Graduate School of Architecture and Urban Planning (GSAUP) at the University of California in Los Angeles (UCLA), under the leadership of the eminent Dean Harvey Perloff. Our main program in architecture was a three-years long Master of Architecture, offered as a first professional degree, and I started teaching the very first small incoming class. My teaching responsibilities over the following twenty-one years included the required courses in structures, earthquakes and materials, and courses dealing with housing policies and technology.

During my first year at UCLA, the San Fernando earthquake of February 9, 1971, stimulated much research on the subject, also involving students. I published papers on aspects of fires during earthquakes, and on the behavior of elevators. I also served as a consultant to the National Bureau of Standards on their investigation of the earthquake, and a member of the subcommittee on instrumented earthquake resisting buildings of the Earthquake Engineering Research Institute / National Oceanic and Atmospheric Administration (EEPRI/NOAA). This was probably the first major earthquake with a significant number of buildings providing records of their shaking.

In December 1970, I was invited to participate in the Second World Congress of Engineers and Architects held in Tel-Aviv, Israel, and presented a paper on housing developments in the United States. The International Technical Cooperation Centre (ITCC), of the Israeli Association of Engineers and Architects, organized this congress, as well as three others that followed (1973, 1974, and 1976). I was elected to the Executive Committee of ITCC, served for five years, and took part in seven of their meetings in Israel and overseas (Turkey, Belgium, and Brazil). I was also a member of the International Advisory Committee on the Planning of Jerusalem (1974-1976).

Participation in the above Second Congress began my professional work in Israel. I met Mr. Ze'ev Sharef, the Israeli Minister of Housing, and he invited me to spend the summer of 1971 at The Building Centre of Israel (BCI), and also act as his personal adviser on housing. It was a very productive summer, with lectures organized by BCI in three Israeli cities on new building methods and materials, and on the observations and lessons of the San Fernando earthquake, participation in a RILEM sympo-

---

sium on concrete in hot countries, and the publication of a long paper on “Systems Building – Methods, Materials, Management” in the BCI Quarterly.

Before long, on my return to UCLA at the end of the summer, two significant events occurred, both on the recommendation of Minister Sharef. First, I was contacted by Mr. Julius Stulman, a visionary businessman from New York, who established the World Institute (WI) in Jerusalem one year earlier, as an innovative think tank along the model of the RAND Institute, to undertake various projects as policy advice to the Israeli Government. He wanted me to establish and direct, for the Ministry of Housing, a Housing Systems Project (HSP) at the WI.

After appropriate meetings and discussions, it was agreed that I undertake the project, with a Deputy Director in Jerusalem, a number of trips during the academic year and summers in Israel. At the time, Israel was experiencing increased immigration and an acute shortage of housing. The HSP was meant to analyze comprehensively the Israeli housing system and to recommend desired actions and national policy changes and directions. The emphasis here was on the “process of housing” rather than its products. The projects started in the summer of 1972, with the hiring of an interdisciplinary team of about a dozen professionals, and the analysis of various sectors and problems of housing in Israel, such as planning, maintenance and deterioration, land and zoning, public and rental housing, self help, finances, and the prediction of future demand. In addition, we undertook to develop a computerized simulator of the Israeli housing system, using past census data, to allow various man-machine interactions. The project lasted two years (1972-1974), and was unfortunately disrupted by the traumatic events of the 1973 Yom Kippur War. A number of significant final reports, on all major aspects, were submitted to the Housing Ministry, and a number of papers were published.

The second “event” after December 1970 was the invitation to serve on the Technological Advisory Committee of the Ministry of Housing and the Jewish Agency Committee on Housing (TACH), chaired by Mr. Jack Weiler, of New York, a well-known developer and supporter of Israel. This important committee, with the participation of the Minister of Housing, included both international and Israeli members, representing all segments of the industry. The objectives of TACH were advancing the industrialization of building in Israel, and shortening and expediting the

---

building processes. It also served as a very useful forum for discussions between the various groups. It was well organized and its recommendations were carefully followed up. I served on it for three years, and chaired the Education Committee, which resulted in the establishment of the Israeli National Building Education Council, concerned with all levels of education in the construction industry.

At UCLA, within GSAUP, there was also a great need to promote student research in building and housing, at the same time as providing financial support. In 1972, I established the System Building and Housing Research Fellowships, supported by a few leaders among the local building industry. Between three to five such fellowships were awarded yearly, for about twenty years, to students of both architecture and urban planning. They were selected on merit, and each resulted in a thesis or publication dealing with various aspects of the systematic development of the built environment, including issues of policy, methods, as well as the development of physical building systems.

Outside involvement also included service on various committees of professional organizations, such as the American Society of Civil Engineers, the American Concrete Institute, and the Prestressed Concrete Institute, including chairing its columns committee (1969-1972).

During the early 1970's, there was a lot of excitement and high expectations that earthquakes will be able to be reasonably predicted before long. Questions and concerns arose of the impact that such predictions may have on the economy and society in general. The National Academies of Science and Engineering established a special Committee on the Socioeconomic Effects of Earthquake Predictions, and I was invited to serve as a member (1976-1978).

Within the University of California (UC), since about 1920, there exists a system of "shared governance" between the members of the faculty, organized into an Academic Senate on each campus, as well as statewide for all the nine campuses, and the administration of each independent campus and the whole UC System. The educational decisions are in the hands of the Academic Senate, and the financial management in those of the Administration, with close consultation between them. The UCLA Academic Senate is organized into many committees and councils, working under a Senate Chair, elected for one year by all the Senate members on campus. Faculty members are expected to participate in the work of the Senate and,

---

each year, about 15% of them are appointed to various positions. Over the years, I served in many capacities. The important ones have been as chair of the Academic Freedom Committee (1974-1975), of the Graduate Council (1977-1978), which is responsible for all graduate programs, and as the elected Chair of the Academic Senate (1981-82).

During the sabbatical leave of Dean Harvey Perloff, in 1974-1975, the Chancellor appointed me to serve as Acting Dean of our School. Unfortunately, Dean Perloff passed away prematurely in 1983, and I followed him for two years as Acting Dean of GSAUP. During his fifteen years as Dean, Harvey Perloff succeeded in achieving a very successful School, and his death was a great loss for all of us. My task was to maintain the momentum of growth and development, and I am proud that during the two years of my leadership we established the S. Charles Lee Chair in Architecture, and organized a significant Computer Laboratory.

One of the important new contributions brought by Dean Perloff to GSAUP was the establishment of the Urban Innovations Group (UIG). This was a non-profit independent professional office, located off campus but nearby, performing architectural and planning work for outside clients, aimed at serving the students and faculty of GSAUP, although legally independent of it. The traditional situation in schools of architecture and urban planning is that full-time faculty members usually have their own professional offices, leading to time conflicts and not really benefiting very much their own students. The model that Harvey Perloff had was that of a teaching hospital affiliated with a medical school, and simultaneously providing medical care for the community, doing research, and allowing clinical training for the students. UIG was an innovation in architecture and planning, and a very difficult institution to establish. We had to compete with other professional firms, but not unfairly. Students were selected to work on real-world projects, but compensated financially in a fair way. Other students were appointed as "interns" on projects, for experience and educational credit. Eventually, UIG generated a profit, which was used for pro-bono architectural and planning projects for the community, and for specific practical research projects. Fitting within the academic calendar and demands, and satisfying the timetable of real projects, was always a challenge for faculty and students.

A number of faculty members of GSAUP undertook various projects and leadership positions at UIG. In addition to a number of projects, and a

---

large one described later, I served at various times as a member of the Executive Committee of UIG, made up of elected representatives of students, staff, and faculty, as the Treasurer, the Vice-President, and the Chair of the Board, an ex-officio position of the Dean of GSAUP.

The Asian Institute of Technology (AIT), in Bangkok, Thailand, organized an international conference, in June 1977, on “Low Income Housing: Technology and Policy”. It brought together scholars and practitioners from various disciplines and from about thirty countries. I was invited to present one of the keynote lectures. It represented a broad analysis of housing in developing countries, within the perspective of many problems and constraints, such as population growth and urbanization, food needs and economic development. No clear solutions were proposed, only preferred directions. These included the preparation of comprehensive housing policies, emphasis on rural development, urban policies and housing services and support for the informal sector, and appropriate technological developments. A similar lecture was presented in Japan, at the Department of Architecture, Tokyo Institute of Technology.

Academic cooperation with Brazil started in 1976, with a number of visits, lectures and seminars, as well as some joint research projects on housing and the technology of building materials, with the Federal University of Sao Carlos, in the State of Sao Paulo. Later, two weeks were also spent lecturing at the University of Rio Grande del Sul, in Porto Alegre. This led to an agreement of cooperation between UCLA and the National Housing Bank of Brazil (BNH), in the organization of an international symposium in Salvador, the State of Bahia, and I undertook to present the keynote address. In Brazil, BNH is a very important institution that, through compulsory payroll deductions, is responsible for providing financial support for housing nationally, both for middle class mortgages and housing for lower income groups.

The “Symposium on Reduction of Housing Costs” was held in March 1978 in Bahia, with the international participation of over one thousand people. In addition, BNH organized a large exhibition in conjunction with the symposium, and dealing with various technologies and materials associated with housing. Many international companies participated, stimulated by potential future contracts with BNH.

Independently, I was invited to serve as an External Examiner, for three years (1978-1981), for the School of Housing, Building and Planning at

---

the Universiti Sains Malaysia, in Penang, and visited them twice. This was a relatively new School, established in 1972, based on a UN program to develop both professional and semi-professional courses in the three disciplines. The School progressed quickly and well, and it was a pity to see the beginning of its deterioration under nationalistically motivated policies of the Malayan Government. These included the substitution of English with the Malayan language (Bahasa Melayu), something that even the Malayan students were deficient in, as well as the lack of appropriate educational material, and the removal of expatriate faculty.

Among the participants at the symposium in Bahia, was the Director of the international Swedish company marketing the YTONG technology and specialized machinery, producing the unique industrialized Aerated Autoclaved Concrete (AAC) products. First developed in Sweden, YTONG franchised the technology to many countries after World War II, but not to the United States. The US market is potentially very profitable, but the required investment in an AAC factory is large, and careful considerations are needed, before such a decision can be made. As described above, the American Cement Corporation team, as part of Operation Breakthrough, proposed such a public feasibility study ten years earlier. Now, in Bahia, I repeated the suggestion of the study, as confidential company work for YTONG. After negotiations in Sweden, an agreement was reached for this research to be done at the Urban Innovations Group (UIG) of our GSAUP.

The comprehensive feasibility study “YTONG Into America”, was conducted at UIG over a period of two years, under my direction, by a large interdisciplinary team of faculty and graduate students. We produced a confidential report of over five hundred pages, containing twelve chapters and six appendices. The basic YTONG products and properties were described and presented, as well as the previous international experience, which required field investigations in a number of countries. We considered all aspects of the US market, including potential volumes for various products and types of buildings, comparisons with competitive products, transportation, labor unions, and the important question of code approvals. The advantages of AAC in terms of energy considerations were a special focus. We examined manufacturing needs, possible plant locations, product cost estimates, various geographic factors, and conducted comparative design studies, also with estimates of costs. Finally, we made an analysis

of financial feasibility and predicted rates of return for such factory investments. Generally, our conclusions were positive.

After the study was completed, on a consulting basis, I proceeded to obtain, in 1982, the first code approval in the US for an AAC material, blocks and reinforced elements. My consulting relationship with YTONG lasted for another ten years, followed with a couple of other companies manufacturing similar AAC material. At this time, 2004, there are a couple of AAC factories in the United States; market penetration has not been easy. A new development, with which I am also associated, is the production of similar aerated concrete products, without autoclaving. Such products would require much smaller investments, and have cost advantages.

In 1982, I was invited to join the new RILEM Technical Committee 78-MCA, aimed at summarizing the existing knowledge and developing a Model Code for AAC. It worked in cooperation with RILEM Technical Committee 51-ALC, developing test methods for AAC. The RILEM Committee had an international membership from ten countries, involving both academics and industry representatives, and continued to work and meet for a period of ten years. This long joint effort resulted in the publication of a comprehensive RILEM book, sometimes referred to as the “AAC Bible”, of which I was a co-editor¹. After the book was published, I organized a one-day seminar on AAC, at the National Institute of Standards and Technology (NIST), in Gaithersburg, Maryland, with the participation of committee members, who summarized their work. The seminar was sponsored by RILEM, the Electric Power Research Institute (EPRI) and NIST, and was the first in the United States on the subject. Later, EPRI invested much effort, with which I was also associated as a consultant, in manufacturing AAC products using fly ash, as a source of silica and a substitute for sand. This makes an important environmental contribution, since fly ash is a waste material in coal burning power plants, and otherwise requires costly disposal.

During the years of work of the RILEM Committee, I published three papers on the subject, the most important of which dealt with the energy characteristics of AAC. Old design philosophy, emphasizing thermal comfort provided by means of space heating and cooling equipment, evolved to envelope insulation, and to the more recent concerns of energy con-

---

¹ Autoclaved Aerated Concrete Properties, Testing and Design: RILEM Recommended Practice, Aroni, S., et al., ed., E & FN Spon, New York, 1993.

---

sumption. Better thermal inertia is usually ascribed to heavier materials. However, it was shown that it actually depends on thermal conductivity and specific heat, as well as density, and this accounts for the superior thermal inertia of the lighter AAC material in comparison with the heavier regular concrete. On the important issue of energy conservation, the better thermal inertia of AAC was shown to make a significant difference. With our efforts, this was first recognized by the new California Energy Standards of July 1982, which included a beneficial “light mass”, defined to have similar basic material properties as AAC.

My interest in housing issues also focused on our local Los Angeles area. Public housing in LA County was built during the early 1940’s until the middle of 1950’s, as a result of a severe shortage of housing for low income families during and following the war years. There were twenty-four projects, which at the end of the 1970’s housed about 40,000 persons. In collaboration with Dr. Shlomo Hasson, we undertook a study of these housing estates, focusing on their social aspects, and using census data and fieldwork. As described in a number of publications, we found large differences between the projects, generally characterized by high physical standards and level of maintenance, but also with a large array of social problems. Nevertheless, this public housing continued to play a significant role for the low-income population and recent immigrants. The major provision for low and moderate-income families in the Housing and Community Act of 1974 was the Section 8 Housing Assistance program, financed by the U.S. Department of Housing and Urban Development (HUD), which allowed for direct subsidies to qualified persons to rent in the private market. Working with Dr. Fred Lazin, of the Ben Gurion University in Israel, who spent two years at UCLA, we investigated the Section 8 experience in Los Angeles, operated by the Housing Authority of the City of Los Angeles (HACLA), from its beginning in 1975 until 1980. Our published report documented its many problems and shortcomings, despite a seeming numerical success. There were too many applicants; difficulties existed for large families, and many of the leased units were below standard.

The California Aqueduct was developed as a very large and important project, bringing water from the North to the southern parts of the state. At the southern end, past the Devil Canyon Power Plant, the San Bernardino Valley Municipal Water District (SBVMWD) constructed the Foothill

---

Pipeline, of a total length of 15.6 miles, to provide water for local agriculture. The project was constructed in two phases, and completed in May 1976. For corrosion protection, the large steel pipeline, most of it of an internal diameter of 78 inches, had a cement mortar lining, applied in-place with a special machine and process.

After the completion of the first phase, less than 25% of the total, a small water hammer event resulted in the discovery of localized cracking and deficient thickness of some of the lining, undermining the protection that it was meant to provide. I was called in for a few days of consulting dealing with the quality of the lining material.

The few consulting days led to the development and implementation of a thorough quality control program, for the construction of phase two, including systematic measurements of material properties, lining thickness, and various other environmental and physical conditions. After the completion of construction, full pressure testing and dewatering, an inspection was performed of the full pipeline. Two types of cracks, circumferential and longitudinal, were observed and their details fully recorded. The project lasted about four years.

A comprehensive statistical analysis was performed, relating the observed cracking with the applicable variables. The work resulted in a rational explanation of the observations and the publication of a co-authored paper, in the *Transportation Engineering Journal* of the American Society of Civil Engineering (ASCE). It presented one of the first comprehensive field investigations of mortar lining of steel pipelines, and is expected to contribute to a more accurate and realistic design of such construction. The paper was awarded the ASCE J. James R. Croes Gold Medal for research for the year 1981.

The Ben-Gurion University of the Negev (BGU) was founded in 1969, with the main campus in the city of Beersheba in the northern Negev, which is the southern, predominantly desert region of Israel. Although it has developed greatly since that time, the Negev represents about 70% of Israel's territory, excluding the West Bank, but contains only some 8% of its population.

Mr. Leonard Shane, the founder and President of Mercury Savings, established in Los Angeles, in the mid-1970's, the BGU Western Region Associates, a chapter of the national organization of supporters and donors to BGU. He approached Dr. Charles Wilson, at the time Vice-Chancellor

---

for Academic Programs at UCLA, and accompanied him on a visit to BGU. Dr. Wilson was impressed with BGU, particularly with its pre-academic program for disadvantaged students and its outreach programs in Beersheba and nearby development towns. He returned to BGU in 1979, with an invited group of four UCLA faculty members, of which I was one. At the time, BGU had about 4000 students, and was not really comparable to UCLA. Nevertheless, we were impressed by its commitment to serve the development of the Negev, which was the stated reason for its establishment, and saw a number of mutual advantages that could result from our cooperation. In February 1980, during an invited visit to UCLA of the BGU Rector and three of its four Deans, an agreement of academic cooperation was signed, and I was asked to direct the project and chair our local UCLA-BGU Committee. Now, after 24 years, the project continues and has been one of the most active such international activities at UCLA. More details will be discussed below. In 1983, I was appointed a member of the BGU Board of Governors, and continue to serve on it.

Royce Hall, the visual symbol of UCLA, together with a number of other early buildings of the campus, was designed and constructed before the 1933 Long Beach earthquake, when expert opinion held that southern California is not subject to earthquakes. In fact, many of the buildings constructed before the 1970's, including our residential buildings for students, were also not really safe in serious tremors. In 1983, the UCLA Administration undertook the renovation and expansion of Royce Hall, with significant private funding but without any seismic upgrading, for which no funds were available. We were concerned, and I brought the issue before the Executive Committee of the Academic Senate. The reaction of the Chancellor was to appoint an Ad Hoc Senate-Administration Earthquake Safety Committee of eight members, and I was asked to chair it.

Over the next two years, the Committee conducted many meetings and investigations and, on September 19, 1985, completed a long report, entitled "A Campus at Risk", which examined the many seismic issues facing the campus, and made seven substantive recommendations. We pointed out that, "A major earthquake on the San Andreas Fault or one of the earthquake faults in the vicinity of UCLA, could cause from 1500 to 2000 deaths on campus, if it were to occur during normal classroom / working hours." Fate decided that on the same day that we finished our report, and even before we could formally present it, a terrible earthquake occurred in

---

Mexico City, which caused great destruction and killed about 20,000 people. Our report was somehow leaked to the press, and became local and national news, at the time when, for days, our media was flooded with tragic pictures of death and destruction. The Chancellor announced, at a public press conference, the acceptance of all our recommendations, and this was the beginning of seismic upgrading of UCLA, which is continuing to this day.

The Committee remained active for a total of seven years. Since 1985, UCLA has spent hundreds of millions of dollars on seismic upgrading and, although the program suffered from many delays, we are much better prepared now. During the Northridge earthquake of 1994, we did suffer some damage, including to buildings undergoing upgrading, but no collapses. Our report had earlier identified the large UCLA Medical Center as needing seismic attention. It was damaged in 1994, and a decision was taken to replace it. The completely new UCLA Medical Center is presently under construction, at a cost of over one billion dollars, and is due to open in 2005.

Our earthquake work at UCLA attracted international attention. In October 1995, after their Kobe earthquake, the Japanese University-City Organization decided to hold the large 4th Annual Conference in Nishinomiya, near Kobe, and deal exclusively with the subject of earthquakes, and the responses of both universities and municipalities to such disasters. I was invited to present the keynote paper, the only person from outside Japan, and spoke on "Earthquakes and the University of California (UCLA)".

Architectural education generally focuses on creativity and design. For a long time, I have been a strong advocate of the role of research in architectural education, and the great need for the integration of research in the design studio. I became active in the Architectural Research Centers Consortium (ARCC), a national organization representing academic faculty from some forty Schools of Architecture, in the United States and Canada, and was elected its Vice President in 1985. In the same year, I was appointed to the Advisory Committee of the National Science Foundation (NSF), of the Division of Mechanics, Structures and Materials Engineering (MSME) in the Engineering Directorate, and served on it for five years.

Understanding how casualties, injuries and deaths happen during earthquakes is an important area of research, aimed principally at preventing them, and also at better planning for the response to such disasters. The reasons are many and varied, including aspects of the physical environment and human behavior, requiring epidemiological studies. We first started work on this subject after the Coalinga, California, earthquake in May 1983. In 1984, we obtained a research grant from NSF, of which I was the Principal Investigator (PI). During the three years of the grant, we investigated five previous earthquakes in California, and two much larger ones overseas (Chile, in March 1995, and Mexico City, on September 19, 1985), and collected some 1,600 comprehensive questionnaires about fatalities, injuries and control groups. Among our many observations was that age presents a special vulnerability at both ends of the spectrum. The old are much more vulnerable to falls. On the other hand, the young, and particularly young men, tend to use their energy to move and exit quickly and violently, and injure themselves in the process. Exiting buildings during an earthquake is one of the most dangerous things to do and, unfortunately, one of the most common tendencies. My strongest recommendation was for “individual scenarios”, for individual planning of one’s behavior during the critical seconds of the shaking, in the usual environments of home or work. Education and training should result in safer outcomes, and reduce the feelings of helplessness and panic during the event. At a July 1989 meeting of the U.S. Ad Hoc Working Group on Earthquake Casualties, of which I was a member, I presented a paper on a proposed interdisciplinary conceptual framework for thinking and researching such casualties. During 1993-1995, I also served on the Task Force on Earthquake Casualties of the Earthquake Engineering Research Institute (EERI).

The Joint U.S. – Romanian Seminar on Earthquakes and Energy was held in Bucharest, Romania, at their Building Research Station (INCERC) September 2-9, 1985. I proposed the event, and organized it together with Dr. Romulus Constantinescu, Deputy Scientific Director of INCERC. NSF and the Romanian National Council for Science and Technology jointly supported it, under the U.S.-Romanian Cooperative Science Program. The combination of earthquakes and energy, both subjects of interesting work in Romania, was in order to obtain a critical mass of participants. The seminar was held with the cooperation of ARCC, and we in-

---

vited a total of nine American academics to participate, from seven different universities. The event was very successful, with the publication and wide distribution of three large volumes, representing an introduction and summary, forty-one papers on the subject of earthquakes, and twenty-one papers on topics of energy.

We have earlier described the beginning of the UCLA-BGU project of academic cooperation. Since 1979, it continued to be very active and, notwithstanding many other commitments and obligations, my involvement became much more than chairing a committee. During the first three years, BGU awarded significant year-long financial support to a few of its young faculty members to spend sabbaticals at UCLA, even over two year periods. The main objective was faculty development for promising mid-career academics, some of whom later became very successful senior BGU members. Our initial work at UCLA was to find for them appropriate hosts and colleagues. After three years, we obtained a generous financial contribution from our UCLA Chancellor. The subsequent challenge, requiring much effort, was to find outside supporters and donors to continue the project, even if at a more modest level.

In 1990, a long paper was published, describing the project, its background, and its experience over the previous ten years of existence¹. The UCLA-BGU project had become one of the most active international cooperation activities on campus, with a total of over two hundred participants, most on short term exchanges, from twenty-eight disciplines, and also including some graduate students. We held a dozen joint workshops, seminars, and conferences, eight of them at BGU, on a wide range of areas and subjects. These included topics of regional development, education in a multicultural society, desert research and ecology, project renewal and housing, higher education, social work, teaching English and foreign languages, and Jewish history. UCLA and BGU faculty members, with many published papers and two published books, also undertook joint research projects.

---

¹ "International Cooperation – The Ben-Gurion University and the University of California, Los Angeles: A Case Study", Samuel Aroni, Higher Education Policy Journal. Vol.3. No.3. P. 49-55. 1990.

Because of the special role of BGU in the development of the Negev region, we organized in 1983, at BGU, an International Symposium on the Role of Universities in Developing Areas. It was a great success, with the participation of over 200 people from many countries. This was apparently the first such international academic event focusing on the important subject, and we discovered interested academics in various parts of the world. Because of this interest, we followed up, six years later in 1989, with a Second International Symposium on this topic, also at BGU.

At the end of the Second Symposium, which had in attendance many senior academics from the United States and overseas, quite a number having returned after the first event, I realized the importance of maintaining the continuity of this community, and suggested a grass-root organization, to be called INRUDA (International, and also “informal”, Network on the Role of Universities in Developing Areas), which was accepted and established. We emphasized that “developing areas” are meant to signify both “developing countries”, as well as areas of developed countries, and also the development of population groups, or “areas”, such as the elderly. INRUDA has no formal membership or fees. Every participant in an INRUDA event becomes a “member”. It has a three-member Secretariat, initially made up of Professors Fred Lazin and Yehuda Gradus, of BGU, and myself, and a large Steering Committee, made up of twenty-seven members from eighteen countries.

So far, INRUDA has proceeded to hold four additional successful international symposia, some smaller and others very large: the Third, at the University of the Azores (July 1993), which was established by Portugal to assist in the development of the Azores Islands; the Fourth, at the Royal Melbourne Institute of Technology (RMIT) in Melbourne, Australia (July 1995); the Fifth, at Lulea University, Lulea, Sweden (June 1997), serving the important role of developing the northern Lapland region of Sweden; and the Sixth, at the Ecole Speciale des Travaux Publics (ESTP) in Paris, France (June 1999). In Paris, at the INRUDA conference, I was surprised by being awarded the Medal of the City of Paris (Medaille de Vermeil), in recognition of my international work. All INRUDA conferences resulted in significant publications, either as conference proceedings, or as guest-edited editions of Higher Education Policy, the quarterly journal of the International Association of Universities (IAU). These conferences have progressed from participants originating mainly from social sciences, to

---

include also academics from health sciences and humanities. At present, INRUDA is beginning to plan its next conference.

The decade of the 1990's had been designated by the United Nations as the International Decade for Natural Disaster Reduction (IDNDR). Working with earthquakes, it became clear that various natural disasters have much in common in terms of their impact on human life, property, and the environment, and that the means of reducing social vulnerability and susceptibility to disasters also have significant similarities. This led to my proposing a rather ambitious international conference at UCLA on the "Impact of Natural Disasters – Agenda of Future Action". It was proposed as an ISOP (the International Studies and Overseas Program at UCLA) conference, for which a post-doctoral assistant and a small financial support were provided. Additional finances had to be solicited and collected.

The large conference was held at UCLA in July 1991, as I was just retiring from active teaching. It had over one hundred papers, and about 180 participants from thirty countries. One of its significant characteristics was the involvement of seventeen local, state, national, and international co-sponsors, each making a small financial contribution. These included the City of Los Angeles, NSF, the United States Geological Survey, UNESCO, the United Nations Economic Commission for Latin America, World Meteorological Organization, the World Health Organization, various insurance companies and organizations, and others. Socioeconomic, medical, legal, technical, cultural, preparedness, emergency response, insurance, and policy-related aspects of the impact of a diversity of natural disasters, such as droughts, floods, earthquakes, storms and hurricanes, were discussed and examined. The focus was on learning from each other, and translating various experiences to potential new applications. The proceedings of the conference were published and distributed.

My successful work with the UCLA-BGU project led to other similar international involvements. In particular, after my retirement from active teaching, I was appointed part time as the UCLA Director of Special Academic Cooperative Projects, which was part of ISOP, that later became the UCLA International Institute. In addition to the continuing UCLA-BGU activity, I directed our UCLA academic cooperation with the University of New South Wales (UNSW), Sydney, Australia (1986-2002), the Technical University of Budapest, Hungary (1989-1992), RMIT, Melbourne, Australia (1990-present), ESTP, Paris, France (1990-present), and Victo-

---

ria University, Melbourne, Australia (1997-present). The exchanges, and joint events, workshops, symposia and conferences, which took place over the years, are too many and diverse to enumerate here. In an appropriate few, I took part academically. Generally, I developed my own style of an “academic matchmaker”, searching out, and proposing, at UCLA and at the cooperating institutions, the people and topics that could represent significant mutual interest and benefit. In a few cases these became three-way connections. Also, in each case, finding appropriate funding was a prerequisite. Overall, many academic publications have resulted, as well as some research projects.

The cooperation with BGU flourished with a couple of significant donors. The subjects continued to be many and diverse, for example from brain research to the Crusaders, from ancient archeology to indigenous people, and many others. A small endowment ensured the survival of the project, and the personal interest of a major donor resulted in significant support of research in the field of plant biology, including an externally supported joint research project. A recent bequest will continue and expand this cooperation. Professor Fred Lazin, who had initially spent two years at UCLA, and who has become over the years both a research collaborator and a close friend, held my parallel role at BGU.

The only collaborating university that has a significant student involvement is ESTP in Paris. Their engineering students, almost fifty by now, continue to come to UCLA, about 2-3 per year, for our one-year Master of Science degree in Civil and Environmental Engineering. They are usually excellent students, having completed four years of their five-year long Engineering Diploma. Once they successfully finish the M.Sc., they are automatically awarded the ESTP Diploma.

My international work also allowed me to organize a couple of events of Jewish significance. Having visited Prague, and having met Professor Vladimir Sadek, the Head of Jewish Studies at Charles University, I suggested a three-way conference, Charles University, UCLA and BGU, on the Jewish Presence In Europe: The Prague Experience. It took place in July 1993, with the majority of papers presented by BGU faculty, four by UCLA members, and a couple by Charles University academics. Unfortunately, the audience was very small, but the participants were impressed by the historic importance of the event.

After the collapse of the Soviet Union, I returned twice to my native Kishinev. The first visit was in 1994, when I met a number of historians, headed by Professor Iziaslav Levit and Professor Yacob Kopanski. I suggested that we hold jointly an International Symposium on “History, Language and Culture of the Jewish People”, with the important help and assistance from the American Jewish Joint Distribution Committee (the JOINT). This took place in September 1995, with the participation of some 400 locals and guests, from UCLA, BGU, and a large delegation of academics from the Former Soviet Union (FSU). It was organized by the Institute of National Minorities of the Academy of Sciences of Moldova, the State University of Moldova, the World Federation of Bessarabian Jews in Israel, UCLA, SEFER (the Moscow Center for University Teaching of Jewish Civilization), the JOINT and others. Professor Yacob Kopanski and I co-chaired the symposium. There were 33 academic papers presented, and there were also important community events, such as a communal concert, various visits and the opening of the University of Jewish Culture in Moldova. After over 50 years of Jewish cultural deprivation, this was an historic event. For me, its emotional significance cannot be adequately described!

Over the years, I held membership in various professional organizations and institutes, and have been honored with listings in American Men of Science, various Who’s Who publications, and the International Directory of Distinguished Leadership. So far, I have authored and co-authored 81 articles, papers, and books.

In conclusion, my life on four continents reflects the lucky experience of Holocaust survivors and their struggles. Without the revolutions and upheavals of the 20th Century, it would have been different. We bear witness to the perseverance and tenacity of Russian Jews during this critical period.

*Степанов Вячеслав,
доктор хабилитат истории, и.о. профессора*

ОПИСАНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЗАНЯТИЙ ЕВРЕЕВ ПОДНЕСТРОВЬЯ В БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИХ «ОЧЕРКАХ ДНЕСТРА» АЛЕКСАНДРА АФАНАСЬЕВА-ЧУЖБИНСКОГО

В 1856 году Правительством Российской империи был основан специальный комитет для изучения морей и речных артерий государства, проведения топографических исследований и описания положения и быта исследуемых побережий. В состав данного комитета вошли писатели А. Ф. Писемский, А. Н. Островский, М. Л. Михайлов и многие другие, среди которых был и Александр Степанович Афанасьев, известный под псевдонимом Чужбинский.

Родился А. С. Афанасьев-Чужбинский в 1817 году в Лубянском уезде Полтавской губернии. Учился в Нежинском лицее. После продолжительной военной службы ушел в отставку и занялся редакционной, писательской и краеведческой деятельностью¹. Был активным членом РГО и Комиссии для описания губерний Киевского учебного округа². По заданию вышеуказанного комитета он исследовал бассейны рек Днепра и Днестра. В результате появилось двухтомное произведение А. С. Афанасьева-Чужбинского «Поездка в Южную Россию»: «Очерки Днепра», т. 1; «Очерки Днестра», т. 2. (СПб., 1861), которое, наряду с трудами других литераторов, задействованных в данном проекте, С. В. Максимова, Г. П. Данилевского, А. Н. Островского, произвело сильное впечатление на русское образованное общество, как вкладом в науку, так, а может даже сильнее, самим замыслом – привлечь литературные силы к той работе, которую обычно выполняли чиновники и военные. Это был один из маячков новой эпохи либерализации³.

¹ Абрамов И. С. Из биографии наших краеведов. Памяти забытого краеведа А. С. Афанасьева-Чужбинского // Краеведение. 1926. Т. 3. № 2. С. 263-264.

² Горленко В. Ф. Становление украинской этнографии конца XVIII – первой половины XIX столетия. Киев, 1988. С. 153, 155.

³ Токарев С. А. История русской этнографии. Москва, 1966. С. 233.

После окончания экспедиционной работы Афанасьев-Чужбинский вернулся в Петербург, где занимался в основном литературой и журналистской деятельностью. В последние годы своей жизни он работал смотрителем Петропавловского музея. Умер в Петербурге 6 сентября 1875 года.

Книга Афанасьева-Чужбинского «Очерки Днестра» представляет собой путевые записки, подготовленные отточенным писательским пером. В ней прослеживается определенная схема – автор интересуется жизнью и бытом Поднепровья. Потому картина поднепровской жизни выглядит у А. Афанасьева-Чужбинского многоликой, освещающей разные стороны жизни и быта полиэтничного населения региона. Критический подход профессионального этнографа может справедливо обратить внимание на некоторую поверхностность и бессистемность в освещении автором увиденного. Но, с другой стороны, мы встречаемся с эмоционально насыщенным текстом, наполненным живыми впечатлениями автора.

В одной из работ мы уже обращали внимание читателя на важность изучения литературного наследия, подчеркнув факт того, что именно очерковый жанр наиболее ярко освещает этнографические элементы¹. Безусловно, писатель более субъективен, нежели исследователь-этнограф, но вот что подчеркивает автор «Поездки в Южную Россию»: «для чиновника не существует этнографии, и от этого сословия менее, нежели от другого, можно ожидать точных сведений о крае, даже числовых данных. Чиновник считает обязанностью держать себя на неприступной высоте, и весьма многие из них в разговоре с простолюдином употребляют одни лишь ругательства»².

Сам автор, говоря о своем труде, подчеркивал, «что преимущественно жил я по правому бессарабскому берегу, а левый, или подольский, и херсонский посещал по временам, рассчитывал пожить подольше и там в свою очередь, но вскоре был отозван для исполнения другой обязанности»³.

¹ Степанов В. П. Грани идентичностей. Кишинев, 2010. С. 113.

² Собрание сочинений А. С. Афанасьева (Чужбинского). Под ред. П. В. Быкова. Поездка в Южную Россию. Очерки Днестра. Т. VIII. Второе, вновь просмотренное и исправленное издание. СПб., 1893. С. 74.

³ Там же. С. 118.

Говоря о произведении Афанасьева-Чужбинского, необходимо подчеркнуть, что он не задавался целью выделить какой-либо этнос в своем описании, которое также насыщено информацией о руснаках, русских старообрядцах, представителях других этнических сообществ, проживавших в Поднестровье. Не обошел своим вниманием он и евреев.

Еврейское население, представленное в «Очерках Днестра» Афанасьева-Чужбинского, гармонично вписывается в целостную картину поднестровской повседневности.

Напомним, что евреи в Поднестровье стали массово расселяться еще в раннем средневековье¹. В XVI веке их число особенно увеличилось из Польши и Германии². В XIX веке, когда земли Бессарабии и Поднестровья находились уже в составе Российской империи, названная территория вошла в полосу так называемой «черты оседлости» (полное название – черта постоянной еврейской оседлости)³.

¹ Боршевский А. П. Защита прав еврейского населения Бессарабии во второй половине XIX века: мировой суд. Кишинев, 2011. С. 33 (с ссылкой на: Берг Л. С. Бессарабия. Страна. Люди. Хозяйство. Кишинев, 1993. С.119; Зеленчук В. С. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. (этнические и социально-демографические процессы). Кишинев, 1979. С. 64; Табак И. В. Особенности расселения евреев в Бессарабии и на Левобережье Днестра в XIX – начале XX в. // Евреи в духовной жизни Молдовы. Страницы истории и современность. Кишинев, 1997. С. 157). По мнению исследователей Е. Брика и М. Брик, еврейское население на территории Днестровско-Прутского междуречья может рассматриваться еще с античности – с начала новой эры и заканчивая падением Римской империи. В доказательство авторы приводят примеры захоронений в Тире (ныне территория Одесской обл. Украины), захоронения на территории центра и юга Молдовы римских легионеров с надписями на иврите и т. п. См.: Брик Е., Брик М. Исторические этапы проживания евреев на территории Пруто-Днестровского междуречья // Сборник научных трудов института иудаики. Кишинев, Институт иудаики, Вып. 2. 2011. С. 103. Однако, тема нашей публикации касается несколько иной проблематики, а этот небольшой экскурс в историю проживания еврейского населения на территории Пруто-Днестровского междуречья и Левобережного Поднестровья, свидетельствующий о наличии разных точек зрения на проблему, прежде всего говорит о давности проживания этой этносоциальной группы в указанных границах.

² Зеленчук В. С. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. (этнические и социально-демографические процессы). Кишинев, 1979. С. 63.

³ Боршевский А. П. Характеристика правового положения еврейского населения Бессарабии в первой половине XIX века // Сборник научных трудов института иудаики. Кишинев, Институт иудаики. Вып. 2. 2011. С. 115; он же. Защита прав еврейского населения Бессарабии во второй половине XIX века: мировой суд. Кишинев, 2011. С. 45-55.

Этот факт послужил дополнительным аргументом для концентрации еврейского населения в регионе.

Литературный талант писателя и острый глаз путешественника-этнографа позволили Афанасьеву-Чужбинскому сделать многочисленные меткие зарисовки повседневной народной жизни.

А. С. Афанасьев-Чужбинский обратил внимание на факт того, что в России «торговля и промышленность вошли в плоть и кровь этого племени... где ему не представляется другой деятельности»¹.

Вот, например, как выглядит в его описании еврейская лавка: «В лавках, по большей части, сидят женщины и девушки и усердно запрашивают. По предметам, выставленным и вывешенным для показа, трудно предполагать в лавке что-нибудь особенное, но стоит вам спросить, например, тонкого полотна, изящных кружев, самой щегольской шелковой материи, английского фаянса – вас подхватят, поведут, и перед вами целые груды дорогих товаров. Разумеется, с вас запросят чудовищную цену, но, если вы знакомы с местностью, и вам нужно купить, хладнокровно поторговавшись, вы можете приобрести желаемое за весьма сходную цену»².

Говоря о торгующих в лавках женщинах-еврейках, он подчеркнул их особое умение показать товар лицом. «Сидите вы, положим, в лавочке, где среди разного хлама нашлось несколько штук дорогого полотна, торгуя которое, вы изъявили желание приобрести хорошие чашки; через две-три минуты является откуда-то еврейка и расставляет перед вами посуду. Заикнулись вы о галстуках – какая-нибудь хорошенькая продовица явилась уже с целыми коробами французских и английских произведений. И все они показывают, примеряют вам товар. Божатся, уверяют в своем бескорыстии, лепечут между собою, и в то же время хозяйка лавки зазывает нового прохожего или приезжее семейство»³. Не обошел автор своим вниманием и торговцев-мужчин. «Мужчин-евреев тоже довольно сидит в лавках, но они как-то больше группируются где-нибудь на улице и ведут оживленные разговоры, которые, когда я познако-

---

¹ Собрание сочинений А. С. Афанасьева (Чужбинского). Под ред. П. В. Быкова. Поездка в Южную Россию. Очерки Днестра. Т. VIII. Второе, вновь просмотренное и исправленное издание. СПб., 1893. С. 253.

² Там же. С. 98.

³ Там же.

мился с бытом города, не казались мне уже странными. Мало ли о чем им толковать между собою: в лавках могут поседеть жены и дети, а у них важнее интересы и более важная торговля, потому, что в Хотин поминутно приезжают евреи из окрестности»¹. Одновременно важно подчеркнуть, что, бывая в других местечках Поднепровья, Афанасьев-Чужбинский имел возможность видеть активную торговлю, осуществляемую мужчиной-евреем, который выступал в качестве зазывалы и продавца, в то время как его юная дочь дежурила в лавке².

Еще одним занятием, распространенным среди еврейства Поднепровья, была аренда переправ и перевозка грузов и пассажиров с берега на берег. Характеризуя этот род деятельности евреев, автор отмечает царящие в крае вседозволенность и злоупотребления: «Больно видеть их проделки с простонародьем, и становится не постижимым – как на большой почтовой дороге произвол откупщика может доходить до подобных размеров. Еврей, снявший переправу, рассчитывающий на большие барыши и неизвестно на что уповающий, употребляет все способы не только выдрать последний грош у крестьянина, но заставляет последнего терять иногда несколько часов времени, – и все это совершенно безнаказанно»³. При этом А. Афанасьев-Чужбинский метко отмечает, что в данной проблеме «главную роль играет не еврейская раса (термин, часто, как в данном случае, ошибочно используемый в литературе XIX века – В. С.), а просто неизлечимые откупщицьи наклонности, которые готовы обуть каждого, кто прикоснулся бы к откупу и поотведал его сладости в каких бы то ни было формах. Мне кажется посадить на переправе не только бессарабского еврея, но и какого-нибудь мужа..., – и тот не преминет извлечь, что можно, и притеснить безголосую и беззащитную личность»⁴.

Говоря о речных промыслах, Афанасьев-Чужбинский констатировал еще одно занятие, которое контролировали евреи, – это сплав леса по Днестру⁵.

---

¹ Там же. С. 99.

² Там же. С. 185-187.

³ Там же. С. 113.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 218.

Подчеркивая исполнительность евреев, автор остановил внимание на описании еще одного вида традиционных еврейских занятий: «Во всяком случае большинство читателей не знает, что такое фактор, особенно в западных губерниях, в торговом городе. Это существо (необходимо напомнить, что многие выражения, используемые в XIX столетии, сейчас приобретают несколько иной смысл и значение – В. С.), всегда готовое к вашим услугам, нечто вроде хозяйского приказчика, хотя и не связанного с первым отношениями, обыкновенно существующими между этими обоими классами. Когда бы Вы не спросили – он готов, редко бывает, что дожидаетесь несколько минут, а по большей части во всякое время дня и ночи он является с улыбкой и ожидает приказания. Какое ни изобрели бы вы поручение, фактор выполнит его, знает подноготную в городе, даже в окрестности, расскажет, чью угодно биографии, передаст новейшие сплетни, все отыщет, обделаает... иной мишуриис содержит большое семейство, и все это на счет приезжающих. Но спросите вы, разве он получает порядочное вознаграждение за свои хлопоты? Весьма небольшое: злот или двухгривенный – все, чего может ожидать фактор...»¹.

Помимо вышеназванных занятий, евреи были традиционно известны, в том числе и в Поднестровье, в качестве искусных мастеровых. Ниже, знакомясь с текстом, читатель будет иметь возможность прочесть зарисовки автора и комментарии к ним, о евреях-мастеровых, которых он не просто представил в виде скупого описания, но через диалоги и отражение деталей быта сумел перенести колорит и своеобразие образа еврея-ремесленника.

Уже в «русское» время, в частности, на границе с Австрией, одной из статей доходов была контрабанда. «Собственно в больших размерах контрабанда идет в Бессарабию по сухой границе и через Прут или по границе Подольской губернии, следуя по двум направлениям: через Хотин, где большие ее склады, и через местечко Бричаны, откуда уже развозится внутри империи. Занимаются этим делом преимущественно евреи...»², пишет Афанасьев-Чужбинский.

---

¹ Там же. С. 208-211.

² Там же. С. 11.

В Хотине, по замечанию писателя, контрабандой занимались евреи и русские раскольники¹. Одной из распространенных статей этого подпольного бизнеса был кантонский чай. Этнограф сам побывал в образе контрабандиста, упросив своего знакомого еврея Янкеля показать ему, как осуществляется этот тайный бизнес: «... Янкель, схватив меня за руку повел в ужасную чащу, рекомендуя молчание. Мы шли не менее десяти минут и остановились... Янкель шепотом ответил мне, что ожидали из-за границы большой партии чая, которая к рассвету, может быть будет уже далеко. Это был последний риск одного еврея, начавшего торговлю официально мелочным товаром, а неофициально спичками и в несколько лет составившего порядочный капитал, так, что мог уже заниматься и более ценной контрабандой. В ожидаемую партию чая он вложил все деньги и дал зарок, если дело удастся, бросить запрещенную торговлю и заняться подрядами, а если нужно, то и переехать в другое место. Прошло еще с пол часа... У меня екнуло сердце. Я начал тревожно прислушиваться. До слуха моего долетел человеческий говор, но какой-то странный, который, чем далее, тем становился явственнее.

– Янкель!

– Тсс! – молчите, ради Бога.

К нам приближался кто-то по направлению из Хотина и бормотал себе под нос, должно быть разный вздор, как это бывает с подгулявшим человеком. По временам срывался у него куплет, пропетый глухим голосом. Веселый малый приблизился значительно.

– Гей! Кто тут? – прокричал он: – а выведите меня на дорогу. Я у ночи ничего не бачу и ся напив трохи. И опять пропел музыку бойкого казачка без слов...

– Слышали? – шепнул Янкель.

– Слышал. Это пьяный руснак, сбившийся с дороги.

– Он и пьяный не заблудится по всей Буковине, а теперь ручаюсь, что не выпил ни одной литры водки.

– Не понимаю.

– Это передовой. Товар уже на этой стороне. Руснак прошел весь лес, притворившись пьяным, и возвращается. Ходил он на разведки – не встретит ли кого.

---

¹ Там же. С. 81.

– Так это хитрость?

– Тсс!

Полчаса пролежали мы, не шевельнувшись. Наконец Янкель дотронулся слегка до моего плеча. Я весь превратился во внимание. Почти напротив нас послышались тихие шаги, и я различил высокого человека с большой ношей на спине, который осторожно пробирался между кустарником. В нескольких шагах он остановился, перевел дух и исчез за деревьями. Снова шорох и снова человек с ношей прошел теми же осторожными кошачьими шагами, и таким образом прокрались шестнадцать контрабандистов на известном расстоянии друг от друга. Каждый был навьючен, казалось, сверх сил, но ни один не произнес ни слова, даже не кашлянул, не вздохнул громко, и если бы я не знал, в чем дело то лежа в нескольких шагах, не заметил бы этой интересной процессии. В заключение прошелестело еще три человека, из отрывистого шепота которых можно было заключить, что проходили евреи»¹.

Путешествуя по Днестровским населенным пунктам, писатель даже выявил определенную специфику в контрабандном нелегальном бизнесе. Например, описывая ситуацию в Могилеве, автор констатировал, что она лишена той таинственности, «какая соблюдается в Хотине и Каменце». «Фуры проходят прямо, сваливают товар, если он сюда адресован, или едут дальше по назначению отправителя. Не употребляется никаких предосторожностей...»². Причину подобных различий в поведении дает в определенном смысле сам автор, подчеркивая мысль о том, что Могилев относился уже к «внутренним городам империи»³.

Афанасьев-Чужбинский побывал и в одной из еврейских колоний – в местечке Калюс. Говоря о занятиях колонистов, автор констатировал факт того, «земледелие у них в плохом состоянии, а развиты промышленность, мелочная торговля и разные спекуляции, чему служат подспорьем близлежащие местечки, наполненные евреями. Мужчин почти никогда нет в колонии, за исключением дней, когда ожидают ревизора и когда съезжаются, чтобы показать свою земледельческую деятельность. Заблаговременно у окрестных ца-

---

¹ Там же. С. 92-95.

² Там же. С. 254.

³ Там же.

ран добывают они себе и скот, и орудия напрокат, чтобы блеснуть перед начальством. Поля их, конечно, обработаны, но чужими руками и в чужую пользу, потому, что еврею необходимо представлять свой участок возделанным. Тогда, говорят, – я, к сожалению, не видел этих смотров – колония представляет довольно оживленный вид и колонисты выходят в поле, где и занимают на некоторое время роль земледельцев. С отъездом ревизора, не успел еще след простыть, запрягаются еврейские тележки и колонисты исчезают на продолжительное время, кто – куда попало»¹.

Автор приводит слова одного разоткровенничавшегося колониста, который поначалу принял писателя за ревизора:

«– Правду сказать, еврей не может быть хорошим хлебопашцем... Мы больше народ мастеровой, торговый. Может быть, вам что-нибудь требуется из товаров?»². Далее осматривая колонию, писатель еще раз подчеркнул – «Действительно поля обрабатывались, но, как я уже сказал выше, труд этот принадлежал царанам, и только один старичок показывал мне с гордостью на продукты, добытые собственными руками»³.

Описывая еврейскую колонию, Афанасьев-Чужбинский обратил внимание на то, что она располагалась над самым Днестром и состояла из белых домиков с кирпичными трубами, и некоторые из этих строений находились за оградой. Автор обратил внимание на отсутствие взрослых на улице и наличие большого количества играющих детей возле домов. Он также подчеркнул «необыкновенную плодовитость евреев»⁴.

Описывая бессарабских евреев Сорок, автор одновременно отметил, что «есть, впрочем, евреи, которые покупают все, что подвертывается под руку, особенно не усвоившие еще специальной торговли, но почувствовавшие силы и возможность нажать копейку»⁵. Автор приводит подробные описания поведения евреев на базаре, демонстрируя опыт включенного наблюдения и навыки опытного путешественника-этнографа⁶.

¹ Там же. С. 193.

² Там же. С. 194.

³ Там же. С. 196.

⁴ Там же. С. 195.

⁵ Там же. С. 283.

⁶ Там же. С. 283-286.

*Аникин Владимир,
доктор хабилитат политологии,
доктор философии, конференц-ар*

УЧАСТИЕ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕССАРАБИИ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ: ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ (XIX – НАЧ. XX ВВ.)

О существовании мало-мальски развитой промышленности в феодальной Молдавии и присоединенной Бессарабии не может идти и речи. Таковой попросту не существовало. Отмечаемая исследователями хроническая слабость местной промышленности в сравнении, скажем, с промышленными районами империи имеет, разумеется, более глубокие причины, что связано прежде всего с отсутствием необходимых для развития промышленного производства природных ресурсов и топлива, развернутой системы кредита, наконец, нехваткой высококвалифицированных специалистов¹.

Присоединение к России ознаменовалось для Бессарабии вступлением в более передовую социально-экономическую систему.

Специфический характер зарождающейся в крае промышленности заключается в том, что последняя основывалась, главным образом, на переработке продуктов земледелия и животноводства. Благо для этого существовало более чем достаточное обилие сырья. Прологом первых промышленных предприятий стали первые шерстомойки, оборудованные в Кишиневе в тридцатых годах XIX века. Одна из немногих шерстомоек принадлежала кишиневскому мещанину Рабиновичу (на земле вотчины Дурлешты). В начале 40-х годов все шерстомойки выпускали продукцию стоимостью в 45 тыс. рублей серебром. В 1861 году здесь было занято более двухсот рабочих, а стоимость выделанной продукции составляла 88,2 тыс. рублей серебром².

¹ См.: Будак И. Г. Буржуазные реформы 60-70-х годов в Бессарабии. Кишинев, 1961. С. 7; Гросул Я. С., Будак И. Г. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии. 1812-1861. Кишинев, 1967. С. 275 и др.

² Национальный архив РМ (далее НА РМ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 5552. Л. 5; Д. 7191. ЛЛ. 181-183, 197, 219-220.

В городской промышленности края значительное место принадлежало скотобойням и салотопням. Самые крупные из них со временем превращались в мануфактуры, являющиеся первичной формой промышленности. Последние отличались некоторым разделением труда, к примеру, между мастером-резчиком скота и чернорабочими. Если в мастерской было занято, как правило, от двух до десяти работников, то на предприятии мануфактурного типа их число достигало пятидесяти и даже больше. Так, в 1852 году, только на двух кишиневских скотобойнях, принадлежавших мещанам Гервицу и Файерману, было обработано до 35 тыс. пудов говядины на сумму в 45 тыс. рублей серебром¹.

Следует однако, признать, что большинство «предприятий» по переработке продуктов животноводства в дореформенный период (до 1861 года) находились на уровне домашнего ремесленно-кустарного производства. Показательны в этом смысле мастерские купца М. Выводцова, еврея по происхождению. В его мастерской по изготовлению воска в 1860 году работали один мастер, два подмастерья и двое рабочих. Они выработали 970 пудов воска на сумму около 25 тыс. рублей серебром. В принадлежащей ему же свечной мастерской трудились два мастера, два подмастерья и шесть рабочих. Изготовленная здесь продукция в годовом исчислении оценивалась в 40 тыс. рублей серебром².

К сожалению, в связи с отсутствием систематических данных, трудно определить и назвать точную долю производимой продукции в ремесленно-кустарных мастерских и мануфактурах, принадлежавших евреям, но определенно можно утверждать, что она была довольно значительной.

Определенная роль в развитии городского хозяйства Бессарабии принадлежала кирпично-черепичным, гончарным, красильным (текстильным) «предприятиям» и каменоломням. В 40-50-х годах XIX столетия в промышленности городов, особенно Кишинева, произошли структурные изменения, обусловленные возрастанием удельного веса земледелия и падения удельного веса скотоводства в сельскохозяйственном производстве края, а также ростом городского населения и городского строительства. Это привело к сокра-

¹ Там же. Д. 6020. Лл. 43, 107, 109.

² Там же. Д. 7191. Л. 59.

щению переработки некоторых видов продуктов животноводства и, наоборот, увеличению количества предприятий по переработке зерна (мукомольное дело), винограда (винокурение), табака, а также производства кирпича, черепицы и увеличения добычи строительного камня, песка, извести и т. д. Так, если в 1832 году в Кишиневе действовало лишь четыре мельницы, то в 1865 г. – 133, из которых две паровые, 42 конные и 88 ветряных¹.

Как известно, первый спиртоводочный завод в крае был построен в 1831 году, а в 1859-ом только в Кишиневе действовало восемь заводов с объемом производства свыше 38 тыс. рублей серебром². Приоритетное положение в перестройке городской промышленности края, в частности, в Кишиневе и других городах, принадлежала купцам и мещанам еврейской национальности.

В целом же, например, в 1859 году по сравнению с 1842 годом только в главном городе области количество винокуренных и пивоваренных заводов увеличилось в 8 раз, шерстомоек в 2 раза, гончарных и кирпично-черепичных заводов – в 8 раз, красилен – в 2,5 раза, табачных производств в 9 раз³.

Развитие Бессарабии в пореформенный период (после 1861 г.) характеризуется дальнейшим расширением и качественным ростом промышленного производства. Признанными центрами развивающейся промышленности остаются города края и в особенности Кишинев.

В Бессарабии в течение всего пореформенного периода существовали все три формы промышленности: мелкое товарное производство (мелкие, преимущественно крестьянские промыслы, капиталистическая мануфактура и фабрика (крупная машинная индустрия)). Хотя первые две формы производства и не выдерживали конкуренции фабрично-заводской промышленности, однако роль их, особенно ремесленничества, продолжала оставаться весьма значительной, поскольку они удовлетворяли, в основном, специфически местные потребности хозяйства и быта.

Не удивительно поэтому, что для обеспечения средств существования для своих семей, особенно при отсутствии земельного надела,

---

¹ Записки Бессарабского статистического комитета. Т. III. С. 75.

² История Кишинева. Кишинев, 1966. С. 44.

³ Там же. С. 44.

ограничения в праве передвижения и т. д., ремеслом, наряду с представителями других национальностей, проживающих в Бессарабии, занимались и евреи.

Необходимо заметить, что в 60-90-е годы ремесленное и промышленное производство в крае продолжало характеризоваться наличием большого количества мелких «предприятий» и заведений. Их общее количество увеличивалось, особенно в мукомольном, винодельческом, табачном, маслобойном, суконном, кирпично-черепичном, гончарном, а также в отрасли по переработке продуктов животноводства и других. Так, в 1861 году статистика зафиксировала в крае 109 предприятий, в 1865 – 219, а в 1870 – уже 668. В последующие два десятилетия количество предприятий превысило 700, а к концу XIX столетия достигло 1252, то есть увеличилось по сравнению с 1861 годом более чем в 11 раз¹.

Устойчиво увеличивалось число наемных работников. В 1870 году на мелких предприятиях края было занято 2126 рабочих, а в 1899 году – 3857. Значительно возрос объем производства, углублялась специализация среди мелких предприятий, появлялись новые перспективные отрасли – токарное, слесарное, чугунолитейное, механическое и другие производства, удельный вес которых в общей массе промышленной продукции неуклонно возрастал. В последней четверти XIX – начале XX века происходило укрупнение предприятий, что благотворно сказалось на среднегодовом стоимостном уровне изготовленной продукции. Укреплялась связь с общероссийским рынком, как в целях сбыта, так и для приобретения некоторых видов сырья и полуфабрикатов, а также инструментов, станков и оборудования. Особенно нуждались в последнем предприятия чугунолитейные, токарные, слесарные, кузнечные, лесопильные, красильные. Во многих отраслях продолжали возникать предприятия мануфактурного типа. Совершенствовался инвентарь, применялись новые материалы, росла производительность труда. Повысилась роль скупщиков, оттеснявших ремесленников от рынка и превративших свой капитал из торгового в промышленный².

Свойственные капиталистической мануфактуре черты проявлялись в ряде производств. На крупных шерстомойках применялось

¹ Гросул Я. С., Будаг И. Г. Указ. соч. С. 447.

² Там же. С. 451-453.

разделение труда. Оплата зависела от выполняемой операции и квалификации рабочего. Капиталистические мануфактуры и фабрики имелись в табачном, салотопенном и кирпично-черепичном производствах. Часть продукции мануфактур (шерстомоек, салотопен и других) сбывалась на всероссийском рынке и вывозилась за рубеж. И здесь вклад ремесленников и предпринимателей-евреев являлся существенным.

Как видно, в пореформенной Бессарабии существовали и находились в тесной взаимосвязи все формы промышленности, соответствовавшие первым стадиям развития капитализма. В целом мелкая промышленность края эволюционировала в сторону капиталистического производства. Часть ремесленных мастерских укрупнялись, совершенствовались, эволюционировали к простой капиталистической кооперации, а через нее к капиталистической мануфактуре, с переходом и к крупному машинному производству.

В условиях Бессарабии принадлежность того или иного предприятия к крупной машинной промышленности, условно именовавшихся «фабрика» или «завод», непосредственно связывается с наличием в производственной цепочке парового двигателя. Как уже отмечалось, большая часть промышленных предприятий была занята переработкой сельскохозяйственных продуктов и сырья. Здесь, в свою очередь, преобладали предприятия пищевой промышленности.

Главное место в пищевой промышленности Бессарабии занимало мукомольное производство. В 1905 г. по сравнению с 1870 г. производственная мощность мельниц в крае возросла в 2,5 раза; сократилось, в основном в последние полтора десятилетия, количество водяных и конных мельниц; в 6 раз увеличилось число паровых мельниц¹.

Так, более крупные и технически оснащенные мукомольные предприятия находились в Кишиневе, Бельцах, Сороках, Измаиле, Бендерах, Комрате. Переработанная здесь продукция обеспечивала городское население края и вывозилась за его пределы. Большинство мельниц функционировало в сельской местности, удовлетворяя потребности крестьянства. Часть из них содержали евреи, как собственники и арендаторы. Городские мельницы перерабатывали от

---

¹ Источник: Гросул Я.С., Будак И. Г. Указ. соч. С. 460.

4,4 до 25,3 процента общего помола зерна и от 8,9 до 62,5 процента производства крупы¹. Городские мельницы были более крупные и гораздо технически оснащенные, чем сельские. В 1871 году в городах края действовало 295 мельниц, в том числе 9 паровых, а в 1905 году уже насчитывалось 213 мельниц, в том числе 41 паровая.

С конца 50-х – начала 60-х годов XIX в. расширяется специализация существующих мастерских в мукомольной отрасли края. В частности, с 1866 года в Кишиневе действовали макаронные мастерские Суриса и Грипперга «при паровых мельницах». На последней в 1895 году тринадцать человек изготавливали макароны и вермишель на 41,2 тыс. рублей. У Суриса в 1902-1903 годах трудилось 22 человека². По примеру Кишинева, прогрессивные изменения в мукомольном производстве края происходили в городах Аккермане, Оргееве, Бельцах и в большинстве уездах.

Весомый вклад в развитие мукомольного производства в пореформенный период особенно в городах и местечках внесли предприниматели-евреи. К началу 80-х годов XIX в. наиболее крупным предприятием мукомольной промышленности Бессарабии являлась мельница Шварцберга в Кишиневе. В 1880 году здесь было переработано 350 тысяч пудов зерна. В Бельцах на мельнице, принадлежащей Липсону, в 80-х годах перерабатывалось более 200 тысяч пудов зерна ежегодно. Как предприятия с наиболее мощной производительностью указанные мельницыполнили почетный список «Указатель фабрик и заводов Европейской России» (1881, 1896 гг.)³. Говоря о важности применения паровых двигателей, нельзя не согласиться с выводом классика, подчеркнувшего, что «паровые мельницы – характерный спутник эпохи крупной машинной индустрии»⁴. В целом к началу XX в. именно паровые мельницы играли главенствующую роль в мукомольном производстве.

Характерная эволюция, как в организационном плане, так и в техническом переоснащении, принадлежащего ему мельничного производства, связана с деятельностью известного кишиневского купца Товия Моисеевича Когана. Предпринимательская судьба его

---

¹ Гросул Я.С., Будак И. Г. Указ. соч. С. 461.

² См.: Жуков В. И. Города Бессарабии (1861-1900). С. 86.

³ См.: Гросул Я. С., Будак И. Г. Указ. соч. С. 464.

⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 3. С. 480.

во многом типична. На протяжении более полувека с уст многих бессарабцев не сходило это словосочетание «мельница Когана», ставшее почти нарицательным.

На предпринимательскую стезю Товий Коган вступил двадцатилетним. В 1833 году он основывает большое предприятие, войдя совладельцем в одну из действовавших в то время в Кишиневе мельниц. Незаурядные организаторские и коммерческие способности не замедлили проявиться: уже через несколько лет он приобретает эту мельницу в собственность. Причем конкурентов у него было предостаточно: крупная мельница Зоти, макаронная мануфактура купца П. Касерта, макаронные мастерские при паровых мельницах Суриса и Грипперга. Постепенно он расширяет свою мельницу, устанавливает более мощные паровые машины, что позволяет практически механизировать все виды основных работ. Это принципиально отличало организацию и, разумеется, производительность труда от мукомолен конкурентов, где тяжелый труд преобладал над машинным.

Некоторое время спустя предприниматель затевает новую реконструкцию своего предприятия, надстраивает новый этаж. К началу XX столетия мельница Когана превращается в одно из самых мощных мукомольных предприятий не только края, но и всего юго-запада империи. Здесь были задействованы современные паровые машины общей мощностью в 345 лошадиных сил, несколько паровых котлов, паровой насос, различные новейшие станки и механизмы, динамо-машина. Ежедневно тут размалывалось до шести тысяч пудов пшеницы. Обслуживали мельницу более пятидесяти работников. При мельнице с 1901 года стала действовать макаронная фабрика с 23 рабочими, официально занесенная в почетный список заводов и фабрик Российской империи. На этой фабрике ежегодно вырабатывалось до 35 тысяч пудов макарон и вермишели трех сортов. Общая сумма годового оборота «фирмы Когана» превышала миллион рублей.

Значение мукомольно-макаронной фирмы Т.М. Когана неизмеримо возросло в годы первой мировой войны, особенно в период острого продовольственного кризиса. Как «надежный контрагент» городской управы, он был освобожден от привычных в военное время реквизиций большого количества принадлежащей ему пше-

ницы. В 1917 году ежедневно на мельнице Когана перерабатывалось до семи тысяч пудов зерна¹.

Предприниматели-евреи были одними из первых, кто осознал преимущества технического перевооружения мельниц с помощью паровых двигателей. Среди наиболее значительных мельниц и круподерок, действовавших в разных местах края и принадлежащих владельцам-евреям, можно назвать: мукомольню и круподерку купца Э. Мейлихзона в Бельцах (с годовой производительностью 340 тыс. руб., 28 рабочих); мукомольню купца Моисея Берштейна в селениях Санкуцы (1885 г.) (41 тыс. руб., 8 рабочих) и Комнежаны Хотинского уезда (162,2 тыс. руб., 21 рабочий); мельницу купца-выкреста А. Рафаловича – Зарожанское промышленное общество, с. Ставчаны Хотинского уезда (159 тыс. руб., 27 рабочих); мельницу купца А. Шмингера в с. Борчаг Измаильского уезда (105 тыс. руб., 10 рабочих); мукомольни купцов В. Шварцберга (224 тыс. руб., 15 рабочих) и Я. Гендриха (131 тыс. руб., 24 рабочих) в Кишиневе и др.².

Существенным можно признать вклад предпринимателей-евреев в развитие второго по значению в крае и объему переработанного сельскохозяйственного сырья – винокуренного и водочно-коньячного производств. Известно, что выделка виноградных водок началась на мелких предприятиях Аккерманского, Кишиневского и Оргеевского уездов еще в 40-х годах XIX века. Однако объем производства этой продукции был незначителен: выкуривалось ежегодно по несколько сотен ведер водки³.

Значительное расширение этой отрасли промышленности произошло в конце 60-х – начале 70-х годов XIX столетия. Сырьем для производства «вина» служили мука, зерно, солод, картофель, свеклосахарные остатки, а с 1890 года и виноградное вино. Большая часть винокуренных заводов была сосредоточена в сельской местности, в уездах – Кишиневском, Хотинском и Сорокском. Из действовавших в крае в 1870 году 46 винокуренных и шести пивова-

---

¹ История Кишинева. Кишинев, 1966. С. 86.

² Жуков В. И. Указ. соч. С. 96.

³ Анцупов И. А. Сельскохозяйственный рынок Бессарабии в XIX в. Кишинев, 1981. С. 81.

ренных заводов, по-видимому, ни один не принадлежали лицам еврейской национальности.

Начиная со второй половины XIX века наметилась тенденция сокращения количества заводов и увеличение их производственной мощности. Это происходило благодаря последовательному использованию в производстве количества паровых котлов и паровых машин, улучшению технологии. В 1885 году таких паровых машин использовалось 29. Другая тенденция заключалась в том, что в пореформенное время винокуренные предприятия, до этого принадлежавшие землевладельцам, постепенно переходят в руки предпринимательских элементов, в том числе и евреев, вначале – в аренду, а затем и в собственность. В результате уже к началу XX века торговцам и промышленникам принадлежало три четверти общего количества винокуренных заводов.

Предпринимательская хватка деловых евреев находила все большее применение в этой ведущей отрасли хозяйства края. Крупные землевладельцы и дворяне привлекали евреев в качестве управляющих винокурнями и даже винокурами. Таковыми, в частности (по данным за 1885 год), являлись мещане: Ихиль Прель (управляющий) и Шимон Сандлер (винокур) (Секурянский винокурный завод, Хотинский уезд, владелец – генерал-майор Н.П. Лишин); Михель Лейбович Калихман (управляющий) и Абрам Майоркович Горбман (винокур) (Ломачинский винокурный завод, Хотинский уезд, владелица – помещица С.Н. Крупенская); Лейзер Васерман (управляющий) (Мендыкский винокурный завод, Сорокский уезд), хозяин – землевладелец И.К. Оганович); Фишель Шор (винокур) (Дрокиевский винокурный завод, Сорокский уезд, владелица – помещица Е. Дониц)¹.

Как мы уже отмечали, многие хозяева сдавали принадлежащие им винокурни в аренду и нашим людям. Так, Атакский винокурный завод (Сорокский уезд, владелец – помещик, князь М.А. Кантакузен) находился в аренде у местного мещанина Михеля Голденберга, в свою очередь управляющим заведения состоял Ицко Штейнман. Оргеевские второй гильдии купцы Аврам и Пинхас Берлацкие поочередно арендовали Чинешеуцкий винокурный завод (Оргеевский уезд), принадлежащий наследникам помещика В. Зи-

¹ НА РМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8728, ЛЛ. 306 об., 307, 515, 515 об., 526, 526 об.

лоти¹. Ганчештский винокуренный завод (Кишиневский уезд), владелец – дворянин И. Манук-бей) арендовал кишиневский купец Иойна Рейдель, который, в свою очередь, являлся хозяином винокуренного завода, расположенного в его же вотчине в с. Перены (Кишиневский уезд). По состоянию на 1886 год в Кишиневе действовал лишь один из четырех винокуренных заводов, принадлежащих предпринимателям-евреям (не действовали с 1883 года). Хозяином этого предприятия являлся Берко Гершкович Зельцерман².

Сбыт бессарабского «хлебного вина» в основном осуществлялся в крае, часть его отправлялась в другие губернии империи и за границу. Пик производства винограда и спроса на виноградный спирт (крепости 83,7 %) приходится на середину 80-х годов (в 1886 году было выкурено 321 тыс. ведер спирта).

В конце 80-х – начале 90-х годов XIX века в крае появились сначала мастерские, а затем и более крупные предприятия комплексного использования виноматериалов: производство спирта и винной кислоты или «виннокислой извести». В 1890 г. в Кишиневе действовали четыре мастерские, принадлежащие местным купцам. Здесь трудилось 27 рабочих и приготавливалось кислоты на 28 тысяч рублей. Работа велась вручную. В 1893 году купец Е. Рейдель открыл завод винно-каменной кислоты, который по техническому оснащению и объему производства продукции по праву занял место в престижном списке фабрик и заводов России. Здесь применялся паровой двигатель мощностью в 22 л. с.³. В основном владельцами мастерских и заводов по производству винной кислоты являлись предприниматели-евреи.

Коньячное производство пустило прочные корни в Бессарабии с 1901 года. Необходимым предшествующим звеном стали действующие с 1896 года т. н. фруктово-виноградно-водочные заводы, выкуривавшие виноградный спирт из дрожжей, который употреблялся для сдобривания вина. В этот период в Кишиневе действова-

¹ Там же. Ф.136, Оп. 1, Ед. хр. 56. Л. 3 об.; Ед. хр. 57, Л. 1, 2, 10 об.

² Там же. Ф 2. Оп. 1. Д. 8728. ЛЛ. 400-402, 403; Ф. 78. Оп. 1. Д. 142. Л. 2 об.

³ Жуков В. И. Указ. соч. С. 90, 260.

ли подобные заводы, принадлежавшие Липовецкому, Мазуру, Зонису, Е. Рейделю и Литваку¹.

Одним из первых среди предпринимателей-евреев, сумевших оценить выгоды перекурки вина на коньяк, стал кишиневский купец Е. Рейдель, приступивший в 1897 году на своем фруктово-виноградно-водочном заводе к выкурке коньячного спирта. С 1901 года начали действовать крупные заводы Т-ва Шустовых в Кишиневе и Сараджева в м. Калараше.

Что касается производства коньяка, то действовавшие в Кишиневе с начала XX столетия коньячные заводы, особенно Е. Рейделя, Зониса и Литвака², составляли солидную конкуренцию мощному предприятию Т-ва Шустова, которое в свою очередь практически ни в чем не уступало самым крупным французским фирмам, как по объему и качеству производимой продукции, так и по техническому оснащению производства. По мнению специалистов, функционирование коньячных заводов оказало в целом благотворное влияние на развитие бессарабского, особенно крестьянского виноделия. Коньячное производство прежде всего позволило ликвидировать господство оптовиков-скупщиков вина и засилье мелких виноторговцев. Значительно возросли цены на вино, как на местах (в крестьянских хозяйствах), так и на базарах, поскольку владельцы коньячных заводов при скупке вина у местных производителей руководствовались его крепостью, оплачивая за градус фиксированную цену³.

К сожалению, дальнейшему развитию коньячного производства в крае помешали такие грозные болезни виноградной лозы, как филлоксера и милдью, буквально опустошившие значительные площади плантаций виноградников. В прежние времена, до 1904 года, дворы заводов в Кишиневе ломались от привоза крестьянами вин на заводы, а теперь с трудом собирали на местах и то далеко не достаточное количество вина для годового производства.

---

¹ См.: Труды Кишиневского Отдела Императорского Российского Общества плодоводства. Виноградарство и виноделие. Т. II. Вып. 1. Кишинев, 1912. С. 32.

² См.: Там же.

³ Петров С. П. Коньячное производство в Бессарабии. Труды Кишиневского Отдела Императорского Российского Общества плодоводства: Виноградарство и виноделие. Т. 2. Вып. 1. Кишинев, 1912. С. 31-34.

В 90-х годах в крае функционировали восемь предприятий по выработке спирта из вина и фруктов. Виноградно-водочные и коньячные заводы в тот период перерабатывали в год до 825 тыс. ведер вина, закупаемого в уездах. Коньяк и водка большей частью вывозились в Петербург, Москву и Варшаву¹. Уместно заметить, что действовавшие в конце XIX – начале XX столетия заводы, особенно коньячные, были крупными современными капиталистическими предприятиями, прочно и правильно организовавшие производство золотистого напитка по образцу крупных французских производителей. Можно сказать, что коньячное производство в Бессарабии установилось прочно, но развитие его всецело зависело от развития виноградарства.

Не обходя вопроса о действовавшем в России законодательстве, следовало бы сказать, что на протяжении практически всего девятнадцатого столетия как участие, так и неучастие евреев в винокурении непосредственно связано с существовавшими законами на этот счет, которые в общем были скорее запретительными, чем разрешительными. Законодательство чаще касалось отдельных регионов империи, да и толковалось противоречиво. В 1845 году были введены, к примеру, «Правила о выделке и продаже горячих напитков евреями в черте постоянной их оседлости», впрочем, мало затронувшие Бессарабию, которой была предоставлена льгота. Зато Временные правила 3 мая 1882 года крайне стеснили евреев в отношении винокурения, воспретив евреям вообще вновь селиться вне городов и местечек и владеть недвижимостью. На земле Бессарабии, в черте оседлости, купцы и предприниматели-евреи не использовали право заниматься винокурением, пиво – и медоварением, а также арендой винокуренных заводов. Это право было закреплено в Уставе об акцизных сборах (т. V, Св. Закон., изд. 1901 г.). Однако еще действовало ограничение (согласно Циркуляру министра внутренних дел от 8 декабря 1892 года), запрещавшее евреям питейную торговлю – «не иначе, как в собственных домах». Зато разрешалась выкурка крепких напитков, но только в городах².

¹ Обзор Бессарабской губернии за 1902 год. Кишинев, 1903. С. 19; НА РМ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 232. Л. 9.

² Еврейская Энциклопедия. Т. V. С. 610.

В условиях преимущественно земледельческого характера производительных сил в крае все возрастающее значение, особенно в пореформенный период приобретала деятельность слесарно-механических мастерских, часть которых постепенно превращалась в небольшие мануфактуры. Поначалу это были небольшие ремесленные заведения и многие из них оставались таковыми к началу XX столетия. Слесарно-механические заведения сосредоточены были в основном в Кишиневе и Аккерманском уезде (в селениях немецких колонистов). В Кишиневе и других городах губернии слесарно-механические заведения принадлежали в основном ремесленникам-евреям: в Кишиневе – Р. Гикишу, Н. Вакумскому и Р. Хамудису, в селе Тарасауцы Хотинского уезда И. Перельману. Наряду с крупными заведениями, официально причислявшимися к машиностроительным «заводам», принадлежащим С. Сербову, И. Ланге, И. Кримаржевскому и др., в большинстве из них производился ремонт и изготовление несложных сельскохозяйственных орудий. Литейно-механические заведения Хамудиса и Гикиша объединяли по 20-27 человек работающих каждое и выполняли небольшие подрядные работы, в том числе и ремонт сельскохозяйственных орудий¹.

Созданное в 1898 году предприятие И. Перельмана специализировалось на изготовлении проволочных гвоздей и проволоки. Это заведение было пионером в выпуске столь необходимой продукции для нужд строительства. Здесь трудились 23 рабочих и использовался паровой двигатель в 30 лошадиных сил, а продукции выпускалось до 150 тыс. рублей. Все остальные не крупные слесарно-механические заведения, как уже отмечалось, занимались изготовлением и ремонтом земледельческих механизмов, починкой паровых молотилок, локомотивов, изготовлением различных чугунных и медных отливок, виноградных и маслобойных прессов, мельничных жерновов, плугов, веялок, а также другими слесарно-кузнечными работами².

Следует заметить, что использование паровых двигателей на предприятиях, принадлежащих предпринимателям-евреям носило устойчивый характер. К таким заведениям можно отнести бочарный заводик купца А. Бланка, завод винно-каменной кислоты купца

¹ Жуков В. И. Города Бессарабии (1861-1900). Кишинев, 1975. С. 86.

² Там же. С. 86-87.

Е. Рейделя в Кишиневе, маслобойный завод братьев Флакман в Аккермане. В городской промышленности г. Бендеры в начале XX в. видное место занимали действующие пивоваренный завод Марка Лазаревича Гольденфельда, кафельный и черепичный завод мещанина Мошко Шапошника, хлебопекарни Симхи Креля, Шимона Грайсмана и Исаака Павлоцкого, скотобойни мясопромышленников Аврума Паскаря, Шмуля Касапа¹, переплетная мастерская Зейделя Гофмана².

В целом ряде производств с самого начала предприниматели-евреи испытывали сильную конкуренцию. Например, до 1847 года, в частности в Кишиневе, в кирпично-черепичном деле не было ни одного заводчика-еврея. Первым из соплеменников открыл кирпичное производство некто Берко Голдман, в следующем году его сменил Овсий Каушанский, завод которого был по счету восьмым в городе³. Лишь одной из трех действующих шерстомоек владел Ицко Хасилев. Более успешно в этот период предприниматели-евреи конкурировали в свечном деле. Здесь уже семь из 18 свечных «заводов» принадлежали предпринимателям-евреям. Вот имена владельцев: Герш Геревиц, Шапса Вайншенкер, Сруль Ройзман, Арон Коган, Лузер Пекерман, Абрам Раппопорт и Фишель Фрухтман⁴. Здесь наблюдался несомненный прогресс, поскольку в 1843-1844 гг. действовали лишь два завода (Аврама и Вайншенкера)⁵. В 1848 году уже 10 свечных заводов из действовавших 19-ти принадлежали евреям⁶.

Если в большинстве ремесленных мастерских в дореформенные годы хозяева являлись непосредственными участниками производственного процесса, то в пореформенное время (1880-1890 годы) обнаруживается и существование капиталистических мануфактур, в которых их владельцы уже не принимают непосредственного участия в производстве, являясь только владельцем. Так, в кожевенной мастерской хотинского купца М. Эйдельмана работало четыре человека, из которых один мастер-австриец и три рабочих. Они занима-

¹ НА РМ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 27. ЛЛ. 134 об., 213, 267 об., 358. 1911 г.

² Там же. ЛЛ. 254 об., 255.

³ Там же. Ф. 75. Оп. 1. Д. 1378. ЛЛ. 26, 47; Д. 1457. Л. 31.

⁴ Там же. Д. 1457. ЛЛ. 35 об, 36.

⁵ НА РМ. Д. 1446. Л. 3 об.

⁶ Там же. Д. 1378. Л. 8 об.

лись обработкой коровьих кож. Стоимость выделанной кожи составляла шесть рублей. Всего за сезон обрабатывалось 1400 штук на 8400 рублей¹. Оборудование оставалось самым примитивным. Кожу выдерживали в деревянных кадках, обрабатывались в одном чугунном котле. Для выделки кож использовались известь, зола, дубовая кора. Мануфактура, как правило, размещалась в небольшой пристройке к дому. Четыре рабочих и один мастер трудились в мастерской мещанина из Новоселицы Овсия Маркуса. Здесь за сезон выделывали кож на 8250 рублей².

К концу пореформенного периода возросло промышленное значение города Сороки. Как и большинство населения, промышленное «лицо» этого города, также имело характерные еврейские черты. В этом уездном центре по переписи 1897 года насчитывалось два кирпичных, два мыловаренных заводов, маслобойный, сыроваренный и три завода искусственной минеральной воды, а также семь мельниц и четыре каменоломни³. Большинство из предприятий принадлежали купцам-евреям.

По официальной версии в период последнего десятилетия XIX и первого десятилетия XX столетия, участие евреев в фабрично-заводской промышленности юга России, принявшей крупнокапиталистические размеры и форму, было «незначительным». Резонно подчеркивалось, что «ограничения в праве передвижения, в возможности учиться и заниматься известными профессиями заставляют евреев держаться отживающих ремесел и торговли»⁴.

И все же на начало XX в. в Бессарабии насчитывалось всего 377 фабрик, из которых еврейских – 106 (28,1 процента) и на них ежегодно вырабатывалось продукции на четыре миллиона рублей или около 30 процентов всего производства в крае. На этих предприятиях, по данным Еврейского колонизационного общества, евреев-рабочих числилось 1045, из которых взрослых мужчин – 979, женщин – 30, малолетних 36 человек⁵. По данным статистики в конце XIX – начале XX в. в обрабатывающей промышленности было за-

¹ НА РМ. Ф.2. Оп. 1. Д. 848. Л. 148.

² Там же. Д. 8728. Л. 299.

³ Большая Энциклопедия. Т. XVII. СПб., 1904. С. 675.

⁴ Е. Э. Т. IV. С. 383.

⁵ Там же.

нято 23 процента, а в добывающей промышленности 8 процентов от всей численности еврейского населения Бессарабской губернии¹.

Для всякого рода производства, будь оно связано с ремесленничеством или промышленностью, возникала нужда в обмене опытом, в заимствовании технологий, практических навыков и приемов труда. В этой связи можно сказать, что предприниматели-евреи наравне с другими владельцами предприятий активно участвовали в Бессарабских губернских сельскохозяйственных и промышленных выставках, экспонируя на них свою лучшую продукцию, выработанную на принадлежащих им производствах. В частности, среди более чем сотни экспонентов на выставке, состоявшейся в 1889 году в Кишиневе, фигурировали по «группе виноделие»: Дувид Алтерович Гринберг (с. Ниспорены, Кишиневского уезда, фруктово-виноградный спирт); Абрам Шимонович Гринберг (с. Мындра, Оргеевского уезда, красное и белое вино); Яков Израилевич Зонис (г. Кишинев, спирт из виноградного вина); Элиазарий Иойнович Рейдель (с. Перены, Кишиневского уезда, виноградный спирт, виннокислая известь, прессованная винная барда); Алтер Срулевич Шеркер (с. Варзарешты, Кишиневского уезда, спирт из виноградного вина). Среди пяти участников выставки по отделу «лесоводство» упоминаемый нами Абрам Шимонович Гринберг представил «обрубок букового дерева, материалы и поделки, выделяемые из бука»².

Довольно солидно был представлен лучшей продукцией так называемый «промышленно-заводской» отдел выставки, конкретно «продукты технической переработки произведений» растительного и животноводческого характера, виннокислая жидкости из барды от фруктово-водочного производства (Я.И. Зонис, г. Кишинев); хлебный спирт неочищенный (от 90 до 95°), очищенный спирт, мука-крупчатка от № 5 до № 000 (Э.И. Рейдель, с. Перены, Кишиневского у.); мука из собственной паровой вальцевой мельницы (Г.С. Фирштенберг, г. Бендеры); мыло семи сортов (И.Л. Фельдман, г. Кишинев); «мыло: желтоватое, розовое, белое мраморное, белое и серое мраморное, разноцветное, черное» (Г.Л. Шварцман, г. Киши-

¹ Е. Э. Ч. IV. СПб. С. 381.

² См.: Каталог Бессарабской сельскохозяйственной и промышленной выставки 1889 года в Кишиневе. Кишинев, 1889. С. 15, 16, 18, 20.

нев). В классе «ремесленные производства» внимание посетителей выставки привлекли «предметы лесопильного производства» (Г.С. Фирштенберг, г. Бендеры); кирпичная печь (А.М. Голд, г. Кишинев). Среди экспонатов, представленных в самом массовом отделе «кустарная промышленность и домашние изделия», можно выделить следующие изделия из дерева, металла и кожи: ажурные работы из бука; ваза для цветов, столовый судок, корзина для фруктов, стенной подсвечник (Г.М. Хаскилович, г. Бельцы); деревянный бочонок (Шлема Хусет, г. Кишинев); садовые инструменты, хирургические инструменты, электрические машины и звонки, гальванические элементы (Р.О. Гикиш, г. Кишинев); браслеты, серьги, кольца, цепочки, часы и другие вещи серебряные, золотые, алмазные, бриллиантовые и мельхиоровые (Ц.А. Гробдрук, Кишинев); пара английских хомутов (Моисей Вайнштейн, г. Кишинев).

Вторая (после 1889 г.) общегубернская сельскохозяйственная и промышленная выставка состоялась в Кишиневе с 10 по 25 сентября 1903 года. Этот год, как известно, был трагичным для кишиневских евреев. В целом (задолго до погрома) кишиневские еврейкупцы и торговцы активно участвовали в обеспечении необходимых строительных работах будущей выставки. Свое отрицательное отношение к официальному мероприятию земства (а, значит, и власти) в связи с погромом, еврейское население, в частности, Кишинев, которое было довольно внушительное (свыше 50 тыс. человек, или 46, 3% всего населения), фактически бойкотировало посещение выставки и она закрылась раньше намеченного срока.

Вместе с тем в отделе «промышленно-технические производства» были сконцентрированы образцы продукции растительного, животноводческого и минераловодческого характера, а именно: мука разных сортов из собственной мельницы (Я.М. Гольденфельд, с. Кошерница, Сорокского у.); продукты вальцевой мельницы и хлебопекарни (Берко Каменецкий, м. Тирасполь, Херсонской губ.); продукты мукомольного производства и макаронной фабрики (Т.М. Коган, г. Кишинев); коньячный спирт, фруктово-виноградно-водочный спирт (Я.С. Зонис, г. Кишинев); мука разных сортов и мукомольные отбросы (М.Л. Фукельман, г. Кишинев); продукты производства собственной мельницы (Я.В. Шварцберг, г. Кишинев);

оптические и технические приборы (Р.О. Гикиш, г. Кишинев); продукты мыловаренного завода (Я.И. Тайхман, г. Кишинев)¹.

Из ремесленно-кустарных изделий отметим сортировку для зерна собственного изобретения (А.М. Фрейман, г. Кишинев); рукодельные работы (М.Д. Авербух, г. Кишинев); мебель (Кишиневское Общественное Еврейское училище «Талмуд-Тора»); шорные изделия (В.Г. Эрлих, г. Кишинев) и др.².

По окончании выставки эксперты назвали экспонентов, в том числе и евреев, удостоенных наград (золотой, большой и малой серебряной медали, похвального листа)³.

Одно из ведущих мест купцам и предпринимателям из евреев принадлежало в свеклосахарном (крещеные евреи Рафаловичи), лесопильном (купцы Бланк, Герш Фирштенберг, Шполянский и др.) и кирпично-черепичном отраслях, в производстве «шипучих напитков», в разработке строительного камня (владельцы каменоломен). Примечательно, что на единственном спиртоочистительном заводе в Кишиневе была налажена и выделка так называемой «пейсаховой водки», предназначавшейся для сбыта как бессарабским евреям, так и их соплеменникам в других местах России⁴. Производство пейсаховой водки, как отмечается в ежегодных губернских обзорах, продолжалось в 1910 и последующих годах⁵.

Итак, характеристика еврейского участия в хозяйственной жизни края, как всеохватывающего явления, по крайней мере, в сфере фабрично-заводской промышленности, как видно, оправдывает себя.

Известно, что по числу промышленных предприятий по данным на 1910 год Бессарабия занимала 26 место, а по объему их годовой продукции – 55 место среди 96 губерний и областей России⁶. Конечно же, достигнутое является результатом самоотверженного труда и усилий представителей многих народов, проживающих в крае, в том числе и представителей еврейской национальности.

¹ Каталог. С. 29, 30, 31.

² Там же. С. 21, 23, 28.

³ Там же. С. 162, 163.

⁴ Обзор Бессарабской губернии за 1909 год. С. 6, 20.

⁵ См.: Обзоры Бессарабской губернии за 1910, 1911, 1912 и пр. годы.

⁶ Лашков Н. В. Бессарабия к столетию присоединения к России. 1812-1912 гг. Кишинев, 1912. С. 152.

*Кушнир Жозефина,
доктор филологии*

КОНЦЕПЦИЯ ГУМАНИЗАЦИИ МИФА В ПРИЛОЖЕНИИ К АНАЛИЗУ ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА: «ПРАВДА О САНЧО ПАНСЕ» Ф. КАФКИ

Концепция гуманизации мифа¹ представляет собой часть авторской концепции эстетического смысла, связанную с закономерностями мифологического сознания. (Напомним, что сам феномен гуманизации мифа был выявлен и обозначен Томасом Манном).

Авторская концепция гуманизации мифа может быть использована и используется для анализа литературных и фольклорных текстов.

В данной работе мы демонстрируем ее возможности на примере анализа кафкианской новеллы «Правда о Санчо Пансе», затрагивающего весьма глубокие культурологические пласты: мифологемы о библейском Иове, гетевском Фаусте, манновских Иакове и

---

¹ Авторская концепция гуманизации мифа базируется на достижениях ряда выдающихся исследователей. См., напр.: Hutchins Kennan. *Returning myth to humanity: Thomas Mann and Joseph*. California State University, 2005; Апт С. Двойное благословение (заметки о стиле Томаса Манна) // *Вопросы литературы*, 1970. № 1. С. 133-150; Jäger Christoph. *Humanisierung des Mythos, Vergegenwärtigung der Tradition: Theologisch-hermeneutische Aspekte in den Josephsromanen von Thomas Mann* (German Edition). M & P, Verlag für Wissenschaft und Forschung, 1992; Winklhofer Alois. *Die Humanisierung des Mythos bei Thomas Mann: zu seinem neuen Buch "Der Erwählte"*. Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft, 1951; Regehly Thomas. *Buddha und Kamadamana oder die Realisierung des Mythischen in Thomas Manns Novelle Die vertauschten Köpfe* // *Schopenhauer und die Philosophien Asiens*. Wiesbaden, 2008. P. 91-105; Hughes K. *Hesse's Use of Gilgamesh-Motifs in the Humanization of Siddhartha and Harry Haller* // *A Journal of Germanic Studies*, 1969. V. 5. Nr. 2. P. 129-140; Winkler, Markus. *Von Iphigenie zu Medea: Semantik und Dramaturgie des Barbarischen bei Goethe und Grillparzer (Untersuchungen Zur Deutschen Literaturgeschichte)* (German Edition). Tübingen, 2009. P. 15; Turk Horst. *Philologische Grenzgänge: zum Cultural Turn in der Literatur*. Königshausen und Neumann Verlag, Würzburg. 2003. P. 282-295; Grabner-Haider Anton. *Strukturen des Mythos: Theorie einer Lebenswelt*. Frankfurt am Main; New York, 1989.

Иосифе etc. Впоследствии, базируясь на той же концепции, мы продолжим их исследование.

Предварим анализ новеллы пояснением ряда теоретических аспектов.

Прежде всего отметим: концепция гуманизации мифа как инструмент исследования предполагает **максимально целостное «включение» исследователя в упомянутый процесс.**

Поясним эту мысль, сославшись на идеи, сформулированные многими из выдающихся мыслителей XX века.

По К. Ясперу, «в области духовных явлений фактической данностью может быть только понимание смысла. <...> Поэтому **органом исторического исследования является человек в целом**»¹.

Н. Бердяев по-смеховому – как «человекоубийственное стремление» – характеризует попытки «создать философию, в которой философствовать будет сама философия, а не человек»².

По мнению этого выдающегося философа, подобные попытки порождены специфической интеллектуальной «стыдливостью», которая онтологически глубоко ошибочна: ведь именно **«человек – предпосылка всякого философского познания.** Этого философы нередко стесняются и стыдятся <...>. Философам как бы неловко, что человек, который для философии есть еще проблема, так очевидно предшествует философии и командует ею»³.

Н. Бердяев постулирует, что предназначение «творческой философии» (философии истинной, не изменяющей себе самой) есть **«творческое преодоление творящим человеком мировой необходимости»**⁴.

Сходные идеи разрабатывались М. Бахтиным, сформулировавшим ряд принципов, следование которым необходимо для адекватного гуманитарного познания.

Таковыми, по М. Бахтину, являются:

1. Одновременность научного изучения и художественного переживания произведения искусства.

---

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. Москва, 1991. С. 38.

² Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х т. Т. 1. Москва, 1994. С. 71.

³ Там же.

⁴ Там же.

Бахтин – явно не случайно – располагает «художественное переживание» на первом месте по отношению к «научному изучению»: «Одновременность художественного переживания и научного изучения»¹. Другими словами, изучающий произведение непременно обязан совершать при этом особый художественный акт.

2. Высокая степень совершенства и подлинность художественного переживания.

«Степень совершенства этой данности (подлинного переживания искусства). При низкой степени научный анализ будет неизбежно носить поверхностный или даже ложный характер»².

В противном случае возникает лишь следующее: «**Ложная наука**, основанная на непережитом общении, то есть **без первичной данности подлинного объекта**»³.

3. «**Включение слушателя (читателя, созерцателя) в систему (структуру) произведения**»⁴.

4. «**Осмысление как открытие наличного путем узрения (созерцания) и прибавления путем творческого созидания**»⁵.

Аналогичный взгляд на проблему мы находим у Х. Г. Гадамера, обозначающего подобные процессы как «**собственно познание произведения**», которое, с его точки зрения, несравненно важнее любой литературоведческой «рефлексии» (например о происхождении фавулы), которая «содержит эстетическое различие самого произведения и его исполнения» и «для содержания данного в опыте познания <...> скорее безразлична»⁶.

В. Пропп, один из предшественников структурализма, подчеркивает:

«<...> **применение точных методов только тогда даст положительные результаты, если изучение повторимости будет сочетаться с изучением единственности**, перед которым мы пока стоим как перед проявлением непостижимого чуда. <...> гений Данте и гений Шекспира неповторим, и **ограничиваться в их изу-**

¹ Там же. С. 369.

² См.: Бахтин М. Эстетика словесного творчества. Москва, 1986. С. 369.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 388.

⁵ Там же. С. 382.

⁶ Гадамер Х. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. Москва, 1988. С. 163.

чении точными методами нельзя. И если в начале этого предисловия указывалось на сходство, которое имеется между закономерностями, изучаемыми точными науками и науками гуманитарными, то закончить хотелось бы указанием на их принципиальное специфическое отличие»¹.

Подход, исходно опирающийся на целостное и личное восприятие исследователем анализируемого материала, неизменно практиковал, настоятельно рекомендуя его своим ученикам, и Р. О. Якобсон².

Разрабатываемая нами концепция эстетического смысла³ базируется на сходных идеях.

А именно: суть искусства есть выявление эстетического смысла (это частица смысла как такового, с которой человек вступает в контакт при создании или восприятии произведения искусства); проявление эстетического смысла – это мимезис, а его гармонизирующе-преображающее воздействие – катарсис (он же «искупление в искусстве»⁴, по меткому выражению О. Мандельштама).

Природа эстетического смысла такова, что он постигается интуитивно (через пережитый катарсис), на уровне спонтанного контакта с бесконечностью и лишь затем подключается интеллектуальный анализ полученной информации, когда аналитически выявляются элементы поэтики произведения, которые формируют его эстетический смысл.

---

¹ Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. Москва, 1976. С. 152.

² «Такого типа оценки, как правило, представляют собой часть его (Якобсона – Ж. К.) устного учения или же присутствуют имплицитно в его выборе предметов для научного исследования, который всегда начинался у него с ценностного суждения, с восторженного интереса к исследуемому тексту – попросту говоря, с любви к материалу. <...> Его совет был такой: “Никогда не занимайтесь произведениями, которые вам не нравятся. Либо вы их просто не понимаете – тогда вам не следует о них писать, либо они и в самом деле нехороши – тогда подробного изучения они не заслуживают <...> за этими охотиться только чутье испортить”». См.: Ронен О. Литературная синхрония и вопрос оценки и выбора в научном и педагогическом творчестве Р. О. Якобсона // Тыняновский сборник. Вып. 10. Москва, 1998. С. 410-411.

³ Подробнее см.: Кушнир Ж. Еврейская тема и авторы-евреи в мировой литературе XX века: аспекты эстетического смысла. Кишинев, 2010.

⁴ Мандельштам О. Сочинения. В 2-х т. Москва, 1990. Т. 2. С. 158.

Поскольку эти элементы всегда корреспондируют с основными закономерностями мифологического сознания, то в ходе указанного анализа весьма эффективным оказывается использование аксиологических и динамических констант гуманизации мифа¹, в том числе дихотомии *тотем/не-тотем*, мифа о смехе, мифа об отмене *не-тотема-смерти*.

Напомним, что в рамках фрейденбергской дихотомии ***тотем* есть все, единосущностное индивидуальному началу** (жизнь, любовь, благородство, великодушие, чувственные радости, вселенская гармония, добро, истинная этика и т.д.), ***не-тотем* – все, противосущностное индивидуальному началу** (смерть, предательство, пытки, ощущение богооставленности, вечная разлука с любимыми, физические и нравственные муки etc.).

Напомним также, что **миф о смехе и миф об отмене *не-тотема-смерти* представляют собой константы, посредством которых мифологическое сознание осуществляет гармонизацию Универсума.**

В мифе о смехе это происходит посредством формирования смехового пространства, где *не-тотем-зло-смерть* самоаннигилирует. Смеховое пространство формирует вокруг себя смеховой герой (шут-плут-дурак, по М. Бахтину²). В предельном случае этот смеховой герой есть благодетельный трикстер, т.е. протагонист, который под видом плутовства (обмана, воровства, парадоксального поведения) совершает благодеяния, типологически корреспондирующие с благодеяниями вселенского характера.

Миф об отмене *не-тотема-смерти* структурно предписывает:

а) успешность и праведность максимальной устремленности к отмене *не-тотема-смерти* (праведный протагонист спасен от гибели и награжден приростом бытия);

б) неправедность и наказуемость отказа от упомянутой устремленности, выражающегося в попытках коллаборационизма с *не-*

¹ Подробнее см.: Кушнир Ж. Аспекты гуманизации мифа в компаративистском исследовании интеллектуальной прозы: теоретические предпосылки // Le comparatisme linguistique et littéraire – parcours et perspectives. In honorem Ion Manoli. Chişinău: ULIM, 2012. P. 236-253.

² «Плут, шут и дурак создают вокруг себя особые мирки, особые хронотопы». См.: Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб., 2000. С 88.

тотемом-смертью (неправедный протагонист гибнет, а его корыстные надежды обмануты).

Итак, для анализа кафкианской «Правды о Санчо Пансе» необходимо, прежде всего, осуществить упомянутое М. Бахтиным художественное переживание новеллы, причем оно должно обладать такой степенью подлинности и совершенства, чтобы произведение в определенном смысле составило единое целое с «созерцателем», после чего может воспоследовать открытие наличного путем узрения и прибавления путем творческого созидания.

Приводим маленький шедевр Кафки целиком (перевод С. Апта):

«Занимая его в вечерние и ночные часы романами о рыцарях и разбойниках, Санчо Панса, хоть он никогда этим не хвастался, умудрился с годами настолько отвлечь от себя своего беса, которого он позднее назвал Дон Кихотом, что тот стал совершать один за другим безумнейшие поступки, каковые, однако, благодаря отсутствию облюбованного объекта – а им-то как раз и должен был стать Санчо Панса – никому не причиняли вреда. Человек свободный, Санчо Панса, по-видимому, из какого-то чувства ответственности хладнокровно сопровождал Дон Кихота в его странствиях, до конца его дней находя в этом увлекательное и полезное занятие»¹.

Постараемся проникнуться текстом. Далее, оставаясь в его «поле», предпримем осмысление.

Прежде всего, обращает на себя внимание карнавальный перевертыш. А именно: в паре «Дон Кихот – Санчо Панса», где традиционно «ведущую» роль занимает рыцарь, «главным» оказывается Санчо. И не просто главным, а фактически единственным. Дон Кихот здесь даже не человек, а лишь личный бес Пансы, приставленный к герою, дабы принуждать к разрушительным действиям.

Возникает аллюзия на мифологему о протагонисте, которого дьяволу дозволили испытывать.

Такова, как известно, мифологема об Иове.

Но такова – благодаря Гете – и мифологема о Фаусте.

Перечислим основные составляющие мифологемы о Фаусте:

¹ Кафка Ф. Замок: Роман; Новеллы и притчи; Письмо отцу; Письма Милене. Москва, 1991. С. 411.

1. Дьявол-*не-тотем* предлагает Богу испытать протагониста на его приверженность *тотему*-добру-Богу.

2. Бог сообщает дьяволу, что в испытании нет нужды: ведь садовник, глядя на зазеленевшее деревце, предвидит и цветение, и плоды (в контексте этой прозрачной метафоры садовник есть Бог, а деревце – человек).

3. Бог не считает нужным препятствовать дьяволу-*не-тотему* вступить с человеком в контакт: это лишь даст человеку дополнительный опыт отмены *не-тотема*-зла.

4. Дьявол-*не-тотем*, пользуясь разрешением, вступает с человеком в контакт.

5. Несмотря на очень драматические перипетии – следствия контакта с *не-тотемом* – протагонист (он единсущностен Богу-*тотему*, являясь образом Его и подобием) спасен, а дьявол-*не-тотем* предстает обманутым обманщиком.

Напомним: «спор о человеке» Бога и сатаны, сегодня представляющий собой неотъемлемую часть фаустианы, был творческим нововведением Гете, его отважным заимствованием из мифологемы об Иове.

До Гете дьявол в мифологеме о продаже души всегда и везде обходился без специального разрешения со стороны Господа.

М. Бахтин отмечает: «Образ Фауста народного романа родился (как чертенок Пантагрюэль) из неофициальной, фамильярной, чертыхающейся, всепрофанирующей (амбивалентно-кощунственной) стихии средневековой студенческой богемы, это – верный бурш с головы до ног, кутила-сквернослов (вроде брата Жана), внеиерархическая личность фамильярного общения, для которой нет ничего святого и заветного, порождение карнавально-масленичных шуток и мистификаций, и космизм его – карнавально-масленичный. В основе образа и сюжета лежит реализованное ругательство – “черт побери!” (христианизованная однотонная форма благословляющего проклятия, пожелания обновляющей смерти)»¹.

Мы полагаем, Гете не «придумал», а выявил глубинное, исходное родство двух мифологем: об Иове и о человеке, продавшем душу дьяволу. Причем, «объединив» мифологемы, Гете их гуманизировал.

¹ Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб., 2000. С. 235.

Поясним эту мысль.

Мифологемы, будучи жизненно важной информацией, имплицитно присутствуют в мифологическом сознании человека, воссоздаваясь там вновь и вновь. (По мнению К. Г. Юнга, они «могут спонтанно воспроизводиться где угодно, в какую угодно эпоху и у какого угодно индивида, совершенно независимо от какой-либо традиции»¹).

А мифологическое сознание – в процессе литературного творчества в том числе – продолжает их осмысливать, уточнять и прорабатывать. Причем «приоритетным» является направление, при котором происходит гармонизация Универсума (гармонизация картины мира). Ведь гармонизация Универсума – одна из функций мифологического сознания².

Мифологема об Иове есть одна из наиболее ранних попыток исследовать проблему теодицеи.

В истории об Иове, по сути, «испытывается» – т.е. творчески осмысливается мифологическим сознанием – не праведник, а божество. Катарсическим и ключевым для мифологического сознания древних евреев здесь был факт, что Бог не покарал возроптавшего протагониста, а, напротив, **все и всех** ему вернул, подтвердив этим Свою благость и гармонизирующую устремленность.

В аспектах гуманизации мифа история об Иове есть вариация истории о праведном выборе в мифе об отмене *не-тотема*-смерти. Иов перед лицом *зла-не-тотема* продолжает настаивать на своей верности *тотему*-Богу-добру и в результате награжден сохранением жизни (своей и близких), а также приростом бытия (контактом с Богом).

Поясним: история об Иове очень древняя. Для тогдашнего мифологического сознания речь, несомненно, шла – если «перевести» мифологему на более поздний «язык» – фактически о воскрешении детей Иова, а вовсе не о циничной их «замене» новыми детьми.

---

¹ Юнг К. Г. Философское древо. Москва, 2008. С. 85.

² Е. Мелетинский отмечает: «Высшая реальность мифа – источник и модель всякой гармонии»; «<...> мифология служит гармонизации представлений об окружающем мире и месте в нем человека <...>. Как миф, так и научное мышление стремится превратить Хаос в Космос». См.: Мелетинский Е. М. От мифа к литературе. Москва: РГГУ, 2000. С. 31; он же. Избранные статьи. Воспоминания. Москва, 1998. С. 426, 537.

Ведь для древнего мифологического сознания с его абсолютным синкретизмом «неразличимы» между собой не только разные дети протагониста, но даже дети и он сам. (Следы этих исходных представлений есть, например, в народных сказках).

С течением времени, однако, мифологическое сознание выявило и осмыслило существование индивидуального начала как такового.

И тогда древняя неразличимость объектов сменилась концептом вселенской любви и космической симпатии. А теодицея об Иове потребовала доосмысления – этической доработки.

Упомянем три из ее литературных осуществлений: пьесу Гете «Фауст», тетралогию Т. Манна «Иосиф и его братья», новеллу Ф. Кафки «Правда о Санчо Пансе». (Первые два из них в дальнейшем будут темой отдельного рассмотрения, подготавливаемого данной статьей).

В сюжете каждого из этих произведений присутствует типологически близкая мифологеме об Иове история о том, как Бог позволяет злу-*не-тотему* «испытывать» протагониста, т.е. позволяет опасный и мучительный для человека контакт с *не-тотемом-злом*.

В манновском «Иосифе» прорабатывается проблема теодицеи, причем осуществляется дальнейшая – по отношению к библейской истории об Иове и к гетевской трактовке спора на небесах о человеке – гармонизация Унверсума.

Т. Манн формирует две мифологические «формулы»: «серьезную» и смеховую.

Первую озвучивает, говоря со своим другом о Боге, Иаков-Иов: «Называя его вечно великим, ты просто болтаешь языком, если ты не знаешь, что **бог и над богом**, что он еще более вечен, чем он сам, и он покарает тебя оттуда, где он мое благо и мое упование и где тебя нет, когда ты выбираешь между ним и мной!»¹. Центральную часть этого мифологического утверждения – независимо от Т. Манна, ранее, чем Манн, и в иной связи, нежели Манн – озвучивает Осип Мандельштам в эссе «Франсуа Виллон»: «<...> и в душе его смутно бродило <...> ощущение, что **есть Бог и над Богом...**»².

Вторую, смеховую «формулу» теодицеи озвучивает отцу чудом возвращенный ему Иосиф:

¹ Манн Т. Иосиф и его братья: В 2-х т. Т. 1. С. 512.

² Мандельштам О. Сочинения. В 2-х т. Москва, 1990. Т. 2. С. 141.

«— Его можно понять, — словоохотливо заметил Иосиф, — если в своем величии он не способен держаться какой-то меры и, не имея себе подобных, не в силах представить себя на нашем месте. Возможно, что у Него несколько тяжелая рука, отчего даже Его прикосновение уже сокрушительно, хотя у Него вовсе нет таких жестоких намерений и **Он просто хотел дать шлепка.**

Иаков не мог удержаться от **улыбки.**

— Я вижу, — сказал он, — что мой сын даже среди чужих богов сохранил очаровательную тонкость своих суждений о боге»¹.

Обратимся к гетевской теодицее о Фаусте.

На первый взгляд, Фауст, в отличие от Иова, связался с нечистой силой по доброй воле и собственной инициативе.

Но, если отследить побуждения героя, становится очевидным: он изначально погружен в экзистенциальное страдание-*не-тотем* — в ощущение отъединенности от смысла. Другими словами, еще до контакта с Мефистофелем Фауст, подобно Иову, мучим *не-тотемом*.

И действия Фауста — отнюдь не бездумно-корыстное заигрывание со злом, а попытка, отчаянная и с негодными средствами, отменить *не-тотем* посредством *не-тотема* же, вышибить клин клином. (Такую же попытку предпринимает манновский Фаустус).

Именно устремленность Фауста к единению с высшим смыслом позволяет Богу говорить о его благородстве, уподобляя Себя садовнику, который заранее знает, какими будут цветение и плоды деревца². Бог уверен, что усилия Мефистофеля не собьют Фауста с этого праведного пути.

Но формально Фауст — не более, чем грешник, продавший дьяволу душу. Этим предопределена его посмертная судьба, равнозначная формальному «проигрышу» Бога в Его споре о человеке, признанию имманентной низости самого протагониста и человека как такового.

¹ Манн Т. Иосиф и его братья: В 2-х т. Т. 2. С. 638.

² В аспектах общих закономерностей мифологического сознания нам представляется интересным следующий факт, который выявлен И. Казаковой: «Подобный образ встречается также и у Беме, когда он пишет о том, что Бог “удобрил и возделал дикое дерево, чтобы оно могло приносить лучшие плоды”» См.: Казакова И. Б. Космология Якоба Беме и художественный мир «Фауста» // Гетевские чтения. Москва, 2003. С. 64.

Гете нелинейно, карнавально, по-смеховому решает эту проблему. Прекрасные ангелы танцуют перед умыкающим душу Мефистофелем, что возбуждает в бедной нечистой силе нечистые желания, для нее, видимо, неизбежные. Расчувствовавшийся черт утрачивает бдительность. Ангелы крадут и возносят в небеса душу Фауста. Слышен классический вопль обманутого обманщика-*нетотема*: «А где душа?»

Учитывая синкретизм мифологического сознания, можно утверждать: посредством творческих трудов Гете «серьезная», требующая этического доосмысления **история о мучениях праведника (Иова) катарсисально преобразилась в смеховую историю о спасении грешника (Фауста).**

Справедливо и следующее утверждение.

Мифологема о Фаусте есть смеховое «дополнение» мифологемы об Иове, а мифологема о кафкианском Санчо – смеховое «дополнение» мифологемы о Фаусте.

Отметим, однако: смеховое начало, играющее столь значимую роль в гетевском «Фаусте», представлено там только сверхъестественными существами. Сам Фауст – персонаж трагический, «серьезный»¹.

Франц Кафка приступает к действию, находясь уже в «гетевском», по-гетевски гуманизованном мифологическом пространстве.

И продолжает его смеховую гуманизацию: распространяет смеховое начало и на протагониста, причем в максимально возможной степени. Ведь его Санчо – не просто смеховой герой, а благодетельный трикстер.

Генезис кафкианской мифологемы о Санчо допускает две формулировки:

1. «Правда о Санчо Пансе» есть фаустиана, где протагонист – благодетельный трикстер.

2. «Правда о Санчо Пансе» есть мифологема об Иове, «помещенная» в пространство мифа о смехе.

¹ Фауст, тем не менее, составляет с Мефистофелем единый «двутелый образ». М. Бахтин выявляет не только этот соответствующий генезису феномен двутелости («Пережиток парности (двутелости) образа»), но и его реликты в тексте Гете. См.: Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб., 2000. С. 235.

Подчеркнем: мифологема о кафкианском Санчо задействует не только миф о смехе, но и миф об отмене *не-тотема*-смерти.

Ведь Санчо совершает праведный выбор (устремлен к максимальной отмене *не-тотема*) перед лицом *не-тотема*, представляющимся неодолимым: к протагонисту приставлен бес, долженствующий его погубить и натворить через него много бед.

Это могло бы быть зачином трагедии.

Но Санчо карнавально умудряется не стать ни жертвой, ни палачом. Он по-смеховому ведет себя так, что освобождает от ужасного предопределения и себя, и Универсум, и даже беса.

Смеховая природа этого праведника, сумевшего искутить служением добру самого беса, искушавшего героя злом, подчеркнута карнавальным авторским заверением: Санчо вдобавок «никогда этим не хвастался».

Франц Кафка формирует следующую смеховую картину мира.

Зло само по себе бессильно. Чтобы проявиться, оно безапелляционно навязывает себя человеку, «облюбовав» его как свой объект.

Человеку, однако, нет в этом бесчестья. Нет, как ни странно, и фатума.

Универсум, напротив, исполнен максимально позитивных «мифологических ожиданий» по отношению к протагонисту.

Ведь герой – «человек свободный», а это значит: он «хладнокровно» найдет самый смеховой и катарсально-карнавальный вариант гармонизации событий. В выигрыше окажутся все индивидуальные существа.

Мы полагаем, именно эта картина мира и есть та «правда» о человеке, которую автор столь карнавально стремится поведать.

Рассмотрим подробнее, как Франц Кафка осуществил эту вариацию разрешения спора о человеке и проблемы теодицеи.

В новелле широко используются как прямые аллюзии на сервантесовский текст, так и разнообразные составляющие концепта «Дон Кихот», присутствующие в ноосфере XX века.

Действия Санчо, как уже говорилось, суть действия благодетельного трикстера.

Поступки благодетельного трикстера отмечены, как правило, рядом следующих особенностей.

Поступки трикстера:

- нелинейны и выглядят как плутовство;
- типологически корреспондируют с благодеяниями вселенского характера;
- поддержаны – явно или неявно – высшим божеством¹, что нередко равнозначно скрытой эпифании.

Отследим, как эти особенности проявляются в действиях Санчо.

Линейной попыткой героя избавиться от одержимости бесом явилось бы обращение к помощи церкви с просьбой осуществить экзорцизм. Эта возможность в новелле даже не рассматривается, как если бы ее вообще не было.

Тем самым косвенно подтверждается тесная соотнесенность кафкианской новеллы с мифологемой Иова, в концептосфере которой такой возможности действительно нет.

Санчо, чтобы «отвлечь от себя своего беса», действует нелинейно и плутовски, стремясь обмануть бдительность нечистой силы, а именно: «Занимая его в вечерние и ночные часы романами о рыцарях и разбойниках».

Санчо преуспел в этой своей характерной для трикстера устремленности к удовлетворению первичных жизненных потребностей.

Но последствия – как бы случайно – оказываются несравненно шире, чем элементарное благополучие Санчо (что тоже характерно для действий трикстеров).

Происходит смеховое чудо. Вдохновившись рыцарскими романами, бес не выдерживает «искушения добром» и превращается в его вдохновенного и страстного поборника².

В ноосфере, которая уже преображена Сервантесом, это чудесное событие воспринимается как вполне «естественное».

Другими словами, чудо «обеспечено» тем, что существует концепт «Дон Кихот», нерасторжимо связывающий увлеченность рыцарскими романами с превращением в поборника добра.

---

¹ По отношению к высшему божеству трикстер нередко – божество младшее. (Упомянем Зевса и Гермеса в мифологеме о похищении коров Аполлона и дарованиях ему лиры).

² Напомним о сходном мотиве неодолимого искушения добром в таких произведениях смеховой интеллектуальной прозы, как «Мистер Ч. в отпуске» Ф. Дюрренматта и «Вор времени» Т. Пратчетта.

Неявно означенным при этом оказывается и благостное присутствие Бога, Его предустановленная помощь человеку-трикстеру (Санчо), гармонизирующему Универсум.

Ведь из-за наличия указанного концепта нашему мифологическому сознанию заранее «известно», что Дон Кихот стал именно высокоэтичным, благородным рыцарем, защитником угнетенной невинности, чем бы или кем бы он ни был раньше.

А значит, победа трикстера Санчо над злом и разрушением предустановлена.

Предустанавливает же чудесную победу добра – согласно имеющимся в ноосфере концептам – именно благость Господня.

«Вселенский» уровень благодетельно-трикстерской устремленности Санчо выявляется в новелле через благородное отношение героя к вконец замороченному им – посредством рыцарских романов – бесу¹.

Герой по-смеховому не довольствуется тем, что сам счастливо избег сетей сатаны и избавил от опасности других людей.

Универсум не вполне гармонизирован и космическая симпатия страждет, если покинувшее пути зла инфернальное существо брошено на произвол судьбы.

Благородный Санчо «из какого-то чувства ответственности» ведет себя с бесом как с доверившимся человеку животным: дает ему человеческое имя и не покидает в течение всей его жизни.

Это смеховое благородство, как бы «перешедшее» на протагониста с сервантесовского Дон Кихота, постулируется кафкианским текстом как исходное достояние Санчо². А поскольку он смеховой герой, т.е. «образ фамильярного контакта» в «сфере фамильярного

---

¹ Налицо карнавальный перевертыш: не бес заморочил человека, а человек – беса.

² Отметим, однако, что непосредственное – т.е. не через Дон Кихота, а прямое – вербальное соотнесение Санчо с концептом «благородство» осуществлено и в романе Сервантеса. Смеховой герой Панса говорит Дон Кихоту, увещевая своего господина скрыться от опасности, грозящей им от Святого братства: «Скрыться не значит бежать <...>. И знайте, что хотя я человек неотесанный и темный, однако ж я имею некоторое понятие о том, что такое благородное поведение, а потому не раскаивайтесь вы, что воспользовались моим советом <...>». См.: Сервантес Сааведра М. де. Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский: В 2-х ч. Москва, 1963. Ч. 1. С. 217.

контакта»¹, то в лице Пансы благородство предстает имманентной принадлежностью каждого индивидуального начала.

«Вселенский» уровень возникшей гармонии подтверждается еще и тем, что этический трикстер Панса сам не остается внакладе: герой не жертвует собой, а, напротив, находит в сопровождении Дон Кихота «увлекательное и полезное занятие».

Но этим дело с трикстерскими (благодетельно-плутовскими) аспектами новеллы не ограничивается.

Сам автор – в рамках созданного им текста – осуществляет трикстерское поведение.

Так, он задействует плутовство, заверяя, что расскажет о Санчо Пансе именно «правду». Причем читатель знает, что Панса – не человек, о котором можно узнать и неизвестную правду, а персонаж Серантеса.

Следствием этого плутовства, которым нельзя никого обмануть, является благодеяние, типологически близкое к «вселенскому».

А именно: сформирована новая смеховая мифологема, осуществляющая дальнейшую смеховую гармонизацию мифологем о Фаусте и Иове, гармонизацию Универсума.

При формировании мифологемы трикстерски используются те составляющие концепта «Дон Кихот – Санчо Панса», которые как бы подтверждают ее правдивость.

Например, в указанном концепте присутствует некоторая непроясненность: житейски опытный Санчо едва ли может всерьез верить обещаниям Дон Кихота; но тогда ему незачем и следовать за самозванным рыцарем.

А предложенная Кафкой «правда» целиком «снимает» это недоумение.

«Объяснение» получает и почти невероятный недостаток адекватности у Дон Кихота.

Но понятно: бедненький бес – в силу inferнальности своего генезиса – никак не мог избежать нелепостей в своем истовом служении добру.

Составляющие концепта «Дон Кихот – Санчо Панса» неявно используются в новелле для формирования многих катарсических аспектов кафкианской версии.

---

¹ Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб., 2000. С. 219.

Катарсально, например, что добро-этика-честь-*тотем* не обошлись антиэтично с взыскующим добра бесом: ведь этические усилия Дон Кихота вознаграждены безоговорочным признанием всего человечества.

А коннотации, которые связывают кафкианского беса Дон Кихота с животным, доверившимся человеку и наивно вообразившему человеком самого себя, формируют дополнительные аспекты катарсиса.

Так, мифологическое сознание из-за своего синкретизма воспринимает новеллу Кафки именно как дополняющую по отношению к сервантесовскому тексту. Поэтому кафкианский Дон Кихот одновременно «является» еще и человеком, ибо таков сервантесовский.

Значит, бес, покинувший пути зла и принимающий себя за человека, этически вознагражден трикстером Кафкой мифологически непреложным «превращением» в человека.

В заключение расскажем о прямой аллюзии на небольшой фрагмент сервантесовского текста, выявленной нами в новелле Кафки.

Фрагмент таков.

Каторжник (плут) Хинес говорит, что написал книгу, причем рекомендует ее Дон Кихоту в следующих выражениях: «Смею вас уверить, ваше высокородие, что все в ней **правда**, но до того **увлекательная** и забавная, что никакой выдумке за ней не угнаться»¹.

Хинесовская книга контекстуально-метонимически неотличима от жизни своего автора: она называется «Жизнь Хинеса де Пасамонте» и, по заверениям плута, не может быть закончена, «коли еще не кончена моя жизнь»².

Напомним, что текст Кафки завершается словосочетанием, которое характеризует путешествие по жизни сопровождающего Дон Кихота Санчо Пансы как «**увлекательное** и полезное занятие»; а называется новелла: «**Правда** о Санчо Пансе».

И первое слово в названии кафкианского текста, и завершающее новеллу словосочетание имеют прямые лексические соответствия в приведенном фрагменте сервантесовского текста.

---

¹ Сервантес Сааведра М. де. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский: В 2 ч. Москва, 1963. Ч. 1. С. 211.

² Сервантес Сааведра М. де. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский: В 2 ч. Москва, 1963. Ч. 1. С. 211.

Но лексическими совпадениями дело не ограничивается: между двумя текстами наблюдаются и структурно-семиотические параллели.

Ведь фрагмент «Дон Кихота» декларирует свою соотнесенность с существующим в его концептуальном пространстве романом, названный автор которого, Хинес, – персонаж Сервантеса и плут (каторжник).

А новелла «Правда о Санчо Пансе» декларирует свою соотнесенность с присутствующим в ее концептуальном пространстве романом, неназванный автор которого, Сервантес, – персонаж Кафки и плут (лгун, так и не сообщивший миру правду о Санчо Пансе).

Насколько нам известно, эти совпадения никем еще не отмечены. Нельзя, конечно, с достоверностью утверждать, что они представляют собой результат вполне осознанного Кафкой заимствования. Но и вероятность подобной случайности слишком мала.

Итак, концепция гуманизации мифа, используемая при анализе новеллы «Правда о Санчо Пансе» Ф. Кафки, помогла выявить в ней мифологему о благодетельном трикстере, который самого беса сумел настолько искусить добром, что тот преобразился в смеховой архетип защитника добра; дала возможность осмыслить смеховое усиление и развитие двутелого образа «Дон Кихот – Санчо Панса» в новелле; помогла отследить как глубинную соотнесенность кафкианской мифологемы с библейской историей об Иове и с гетевской – о Фаусте, так и их соотнесенность между собой, а также выявить в новелле разнообразные аспекты формирования катарсиса.

*Шорников Игорь,
кандидат исторических наук*

ЗОНДЕРКОМАНДА В ДУБОССАРАХ

В годы немецко-румынской фашистской оккупации массовые убийства евреев происходили в Маркулештах и Кишиневе, на станции Реуцел под Бельцами и в Тирасполе, в Рыбнице и концлагере Вертюжаны, в других местах, но самой кровавой страницей Холокоста в Молдавии остаются расстрелы, проведенные захватчиками в сентябре 1941 г. в Дубоссарах.

Дубоссарская трагедия упоминается в обобщающих трудах¹ по истории Молдавии, а документы Чрезвычайной Государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-румынских захватчиков (ЧГК) в Дубоссарах опубликованы в сборнике «Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза»². Наиболее полный очерк событий находим в статье, написанной главным специалистом по истории Молдавии периода Великой Отечественной войны профессором И.Э. Левитом для энциклопедии «Холокост на территории СССР»³. Тем не менее, авторы, творящие в русле курса «история румын», избегают затрагивать тему массовых убийств евреев вообще и убийств евреев в Дубоссарах в частности⁴. Задача историков заключается в том, чтобы не допус-

---

¹ См.: Афтенюк А., Елин Д., Коренев А., Левит И. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 г. Кишинев, 1970; История Приднестровской Молдавской Республики. Т. 2. Первая часть. Тирасполь, 2001; История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней. Изд. 2-е, перераб. и доп., Кишинев, 2002.

² См.: Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 г. Сборник документов и материалов в двух томах. / Сост.: И. Э. Левит и др. Т. 2. В тылу врага. Кишинев, 1976.

³ См.: Холокост на территории СССР. Энциклопедия. Москва, 2009.

⁴ См.: История Бессарабии (От истоков до 1998 года). Изд. 2-е. Координатор И. Скурту. Кишинэу, 2001; Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial. 1940-1944. Chişinău, 1997; Petrencu A. România şi Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial. Chişinău, 1999; Petrencu A. Basarabia în timpul celui de al doilea război mondial (1939-1945). Chişinău, 2006.

тить забвения этого знакового события оккупационной политики Румынии и Германии на территории Молдавии. Нам уже доводилось обращаться к этой теме¹. Публикация новых документов, в которых затрагивается тема массовых убийств в Дубоссарах², позволяет дополнить и уточнить уже имеющуюся картину событий. Дубоссары были захвачены немецко-румынскими войсками 24 июля 1941 г., через месяц после начала войны, и у населения города имелось время для эвакуации. Так и поступило большинство евреев Бессарабии. В общей сложности ушли в Красную Армию либо, бросив имущество, стали на путь беженства свыше 60 процентов евреев Молдавии, более 170 тыс. чел.³. Всего были призваны в армию либо эвакуировались около 80% взрослых мужчин-евреев. «Большинство евреев, – отмечено в документах правительства Румынии за октябрь 1942 г., – отступили с большевиками»⁴. Однако евреи Дубоссар, как и большинство населения Левобережья, рассчитывая, что на Днестре немецко-румынское наступление будет остановлено, поступили иначе. В 1939 г. в городе проживали 2198 евреев. Лишь незначительная их часть, отмечает И.Э. Левит, была призвана в армию или бежала на восток в начале войны⁵. Вероятно, по этой причине, а также потому, что город находился всего в двух десятках километров от Кишинева, где оставались около 12 тыс. евреев⁶, которых также предполагалось убить, оккупанты отвели Дубоссарам роль концентрационного лагеря и пункта уничтожения.

---

¹ См.: Шорников И. Массовые убийства в Дубоссарах: преступления фашизма не должны быть забыты // Во имя Отчизны. Материалы научно-практической конференции «Победа СССР в Великой Отечественной войне и современность». 12 апреля 2005 г. Тирасполь, 2006. С.41-48; его же. Дубоссарская трагедия // Коллаж [Кишинев]. 2001. №8. С. 6.

² См.: Круглов А. Без жалости и сомнения. Документы о преступлениях оперативных групп и команд полиции безопасности и СД на временно оккупированной территории СССР в 1941-1944 гг. Ч. I-IV. Днепропетровск, 2010; «Натиск на восток»: агрессивный румынизм с начала XX века по настоящее время (Сборник статей, документов и воспоминаний). Тирасполь-Бендеры, 2011.

³ Из 270-280 тыс. евреев, проживавших в Молдавии накануне войны, в гетто и концлагеря были заключены свыше 100 тыс. (Холокост на территории СССР. Энциклопедия. Москва. 2009. С. 284, 613).

⁴ Национальный архив Республики Молдова. Ф. 706. Оп. 1. Д. 483. Л. 611.

⁵ Холокост на территории СССР. Энциклопедия. Москва, 2009. С. 284.

⁶ Там же. С. 419.

Уже в конце июля по приказу румынского префекта Дубоссарского уезда полковника Л. Добричану в Дубоссарах в районе улицы им. 25 Октября и ул. Кирова было создано гетто, а евреев обязали носить «звезду Давида». Охраняли гетто румынские солдаты. Румынские жандармы и организованная ими полиция из местных жителей собирали в гетто евреев, скрывающихся в селах. Снабжать гетто продовольствием оккупационные власти намерены не были, но разрешили заключенным выходить за пределы гетто и покупать продукты. О создании каких-либо производств речи не было: румынские власти явно не рассчитывали на длительное содержание заключенных. Дабы пресечь попытки побега из гетто всем жителям было объявлено, что за укрывательство «посторонних» им грозил арест и наказание «согласно законам военного времени». Тогда же, в июле, начались в городе расстрелы¹.

Однако уничтожение евреев представляло собой также операцию по их ограблению, и немцы, согласившись с ведущей ролью румын в решении еврейского «вопроса» в Бессарабии и Северной Буковине, решительно включились в «решение» еврейского «вопроса» к востоку от Днестра. Для проведения акций массового уничтожения в операционной зоне румынской армии немецким командованием была подготовлена оперативная группа (айнзацгруппа) «D» общей численностью около 600 солдат и офицеров СС под командой штандартенфюрера (полковника) Отто Олендорфа. Айнзацгруппа включала несколько оперативных команд численностью 150-170 чел. каждая, 25-30 сотрудников гестапо и карательный взвод эсэсовцев².

Для того, чтобы убивать безоружных, полагал шеф Главного управления имперской безопасности (РСХА) Р. Гейдрих, нет нужды ни в мужестве, ни в военном профессионализме, ни даже в идеологической одержимости: для этого достаточно чиновничьей исполнительности. Особого отбора в зондеркоманды не было, их сформировали из штатных сотрудников гестапо, уголовной полиции и службы безопасности СД, откомандированных в их состав согласно разнарядке. Естественно, соответствующие службы на-

---

¹ Там же. С.284.

² Moraru P. Basarabia, basarabeniі și serviciile secrete (1918-2005). Dicționar alfabetic. Chișinău, 2005. P. 99, 100.

правляли в зондеркоманды функционеров, без которых могли обойтись. Большинство членов этих команд, утверждает составитель сборника документов о преступлениях оперативных групп СД на оккупированной территории А.Круглов, не испытывали к евреям особой ненависти, они лишь подчинялись приказу. Круг подлежащих уничтожению лиц был доведен до сведения командиров зондеркоманд в устной форме Гейдрихом 17 июня 1941 г. Он включал всех политических и расовых противников нацизма¹. То обстоятельство, что формирования, которым предстояло совершить самые чудовищные преступления против человечности, были созданы из заурядных функционеров, характеризует общественную атмосферу и чиновничий корпус нацистской Германии.

29 июля 1941 г. командование 11-й немецкой армии, соучаствуя в истреблении мирного населения, отдало оперативной группе «D» приказ об «экономическом умиротворении» тылового района восточнее Днестра². Подразделения оперативной группы «D» в это время свирепствовали в Черновцах, затем в Хотине, Могилеве-Подольском, Ананьеве, Кодыме. В Дубоссары, Тирасполь и Рыбницу зондеркоманды были направлены только во второй половине августа. В конце августа в Дубоссары прибыла подкоманда оберштурмфюрера (старшего лейтенанта) СС Макса Дрекслея из состава айнзацкоманды 10а (командир – гауптштурмфюрер (капитан) Густав Носке). До отправки в Дубоссары именно подразделение М.Дрекслея переправило через Днестр в Бессарабию в районе Могилева-Подольского 13 тыс. беженцев-евреев, предварительно обыскав их и отобрав золото и драгоценности³.

Собственно, направление подкоманды Дрекслея в Дубоссары представляло собой нарушение немецко-румынского соглашения, подписанного 30 августа в Бендерах генералами Хауффе и Тэтэрэну, согласно которого территория между Бугом и Днестром передавалась под контроль румынской администрации⁴. Однако немцы относились к румынским союзникам свысока, и румыны с этим ми-

¹ Круглов А. Указ. соч., Ч. I. С. 25, 26.

² Там же. С. 12.

³ См.: Назария С. Холокост: Страницы истории (На территории Молдовы и в прилегающих областях Украины, 1941-1944). Кишинев, 2005. С.150; Круглов А. Указ. соч. Ч. IV. С.205.

⁴ Молдавская ССР в Великой Отечественной войне... Т. 2., С. 563.

рились. Не спрашивая их согласия немцы создали в Дубоссарах собственную комендатуру во главе с неким Ройном. Хотя под командой Дрекслея находились всего 25 карателей, полковник Л. Добричану и румынская оккупационная администрация Дубоссарского уезда фактически оказались в подчинении у младшего офицера СС. Румынским войскам и жандармерии была отведена роль подручных при убийцах из зондеркоманды. Впрочем, их сотрудничество в деле геноцида оказалось бесконфликтным. Именно румынские подразделения доставляли под конвоем в Дубоссары евреев из Кишинева, Григориополя, Тирасполя и районных центров Одесской области: Котовска, Балты, Ананьева, Красных Окон. Румынская жандармерия под командой полковника П.Думитреску разыскивала евреев в селах Дубоссарского уезда. Шеф румынской полиции в Дубоссарах капитан Боженеску, шеф жандармского поста села Цыбулевка Мушат, другие румынские жандармы вместе с немцами проводили расстрелы. В результате мер, принятых румынской администрацией, в начале сентября население Дубоссарского гетто превысило 8 тыс. чел¹.

Свою деятельность в Дубоссарском районе эсэсовцы начали с казней государственных служащих и членов коммунистической партии; в литературе эту группу принято называть советскими активистами. Среди первых жертв оказались и местные немцы. В последние дни августа или в начале сентября Дрексель с группой эсэсовцев выехал из Дубоссар в немецкую колонию Фриденталь. Там каратели схватили пятерых немцев-коммунистов: Энгеля, Мейера, Шмидта и Александра, а также «бургомистра» Фриденсталя Хотцкозек. Их привезли в Дубоссары и подвергли допросам методами гестапо. Хотцкозка эсэсовцы расстреляли вместе с женой и двумя детьми, а Энгеля повесили на дереве близ места своего расквартирования – здания городской поликлиники. Были расстреляны также Мейер, Шмидт и Александр. Еще три немца, которых эсэсовцы сочли «бойцами сопротивления», советскими партизанами, были расстреляны в селе Нойдорф².

¹ Круглов А. Указ. соч., Ч. IV . С. 204, 205; Холокост на территории СССР. С. 284; «Натиск на восток». С. 299.

² Круглов А. Указ. соч., Ч. IV. С. 203-207.

Советских активистов убивали методично, по 8-10 человек ежедневно. «3 сентября 1941 г., – установила в 1945 г. ЧГК, – в с. Дойбаны-1 прибыла машина карательного отряда, который находился в Дубоссарах, и вооруженная команда из 15 человек. Во главе находился немецкий комендант Ройн. Прибыв в село, командующий дал задание сельскому примарю. Было поручено собрать местных жителей, актив села и привести всех лиц. По прибытии требуемых лиц они были окружены вооруженными солдатами из карательного отряда. Их начали гнать к месту расстрела на окраине села, где был вырыт противотанковый ров. В этот день были расстреляны 10 жителей села Дойбаны-1. [...] Кроме местных жителей еще были расстреляны 17 человек, фамилии которых неизвестны. После расстрела трупы были зарыты односельчанами»¹.

Особую активность проявлял в расправах переводчик подкоманды Дрекслея фельдфебель Вальтер Керер, «фольксдойче» с Кавказа, «репатриировавшийся» в Германию в 1930 г. Владея русским языком, он допрашивал задержанных, распоряжался при казнях, отдавал приказы примарю и полицейским, и население именно его сочло командиром карательного подразделения и даже «начальником гестапо». Его фамилию жители восприняли на слух как «Келлер», и под этой фамилией фигурирует он в документах ЧГК.

Эсэсовцы отбирали жертвы по спискам, составленным местными пособниками, и убивали их без выяснения индивидуальной «вины». 7 сентября 1941 г., показал в 1945 г. крестьянин села Перерытое А.С. Верлан, «к нам в село приехали к бывшей примарии 3 немецких легковых автомашины. Нам стало известно, что это приехал из Дубоссар карательный отряд во главе с комендантом обер-лейтенантом Келлер, посоветовавшись в примарии, они вызвали 10 человек бывших советских работников односельчан: Цуркан Иван Семенович, Урсул Андрей Семенович, Катишов Харлампий Степанович, Верлан Иван Иванович, Крачун Константин Иванович, Константинов Георгий Степанович, Добан Власс Петрович, Верлан Демьян Иванович, Моисеев Ванвил Карисович и Башканян Константин Филиппович, которых подвергли сильному избиению. [...] После чего их посадили в автомашины и отправили в Дубоссары,

---

¹ «Натиск на восток». С. 296.

где и расстреляли»¹. В те же дни на Коржевском поле были расстреляны 6 жителей села Кочиеры, 10 жителей сел Магала и Коржево, 5 жителей села Роги².

Политические убийства эсэсовцы совмещали с геноцидом. В Нойдорфе, а также в немецких селах Бергдорф и Глюксталь команда Дрекслея расстреляла 17 местных жителей-евреев. На хуторе Ягорлык, расположенном в устье речки Ягорлык при впадении ее в Днестр, были расстреляны 42 чел. Политическое обвинение было предъявлено только одному обреченному, партизану гражданской войны украинцу В.И. Солоненку, 40 жителей были убиты только потому, что они евреи. Вместе с ними была расстреляна также жительница молдавского села Дойбаны, случайно оказавшаяся свидетельницей расправы. При расстреле жителей Ягорлыка эсэсовцами командовал В.Керер³. Он же распорядился при казни Энгеля.

В начале сентября В.Керер вызвал в штаб зондеркоманды агронома А.И. Деменчука, назначенного румынскими властями примаром Дубоссар, и приказал ему «в кратчайший срок вырыть за городом ямы размером 16 м длины, 4 м ширины и 4 м глубины, а для выполнения этой работы Келлер предложил пригнать население из ближайших сел, как то: с.Лунга, Магала, Карисово, Большой Фонтан, Дубоссарского района и других. Исполняющим эту работу объявить, что ямы готовятся для картофеля». Всего на восточной окраине Дубоссар было выкопано 7 ям. И Деменчук, и евреи-представители гетто поняли, что предстоит массовый расстрел. 11 сентября по приказу Керера Деменчук объявил представителям гетто, что на следующий день евреев «будут переселять» в Тирасполь и другие места⁴. Это было сделано для того, чтобы побудить обреченных взять с собой ценные вещи.

Операция была начата в ночь на 12 сентября. Уже в 5 часов утра под конвоем полиции во двор табачной фабрики были доставлены 2500 чел. «Когда я приехал во двор табачной фабрики, где находились евреи, – показал впоследствии Деменчук, – карательный отряд отделил мужчин от женщин и детей, в это время происходил ужас-

---

¹ Там же. С. 291, 292.

² Молдавская ССР в Великой Отечественной войне... Т. 2. С. 75.

³ «Натиск на восток». С. 293, 294.

⁴ Там же. С. 288.

ный крик. После отделения мужчин женщины и дети были оставлены во дворе табачной фабрики под усиленной охраной полиции, а всех мужчин под охраной повели к заранее подготовленным ямам. Не доходя примерно 100 метров от ям, где должен [был] производиться расстрел, всем евреям было приказано сесть. Затем комендант Келлер и полицейские отсчитывали по 20 человек евреев, подвели к ямам, раздевали их, ставили на колени перед ямой и в присутствии всех остальных производили расстрел...». Таким образом были расстреляны сначала мужчины, а потом женщины и дети. Женщин заставляли держать грудных детей так, чтобы удобнее было в них стрелять. Перед убийством у жертв изымали ценности, вырывали золотые зубы. Этот ужас продолжался около восьми часов. Расстрел был завершён к часу дня¹.

В документах о преступлениях зондеркоманд встречаются упоминания о том, что участие в массовых убийствах психически калечило палачей². В подкоманде Дрекслея подобных явлений не отмечено. Расправившись с очередной партией обреченных, эсэсовские убийцы подходили к столу, уставленному бутылками с крепким алкоголем, выпивали, закусывали, курили. Румынские жандармы и местные полицейские тем временем сбрасывали в ямы тела расстрелянных, предварительно прокалывая им живот вилами. Тем не менее, многие раненые были похоронены заживо. Время от времени служащие зондеркоманды, еще два месяца назад – заурядные немецкие функционеры, – устраивали садистские забавы. При эксгумации тел казненных в 1946 г. были обнаружены отдельно закопанные груды отрубленных рук и ног. Палачи стреляли разрывными пулями, которые вырывали из человеческих тел куски мяса и разбрасывали их. Все это творилось при многочисленных свидетелях. Явно рассчитывая запугать население, в Дубоссарах при массовых расстрелах евреев и казнях советских активистов жандармы заставляли присутствовать жителей-христиан³.

Конвейер массовых убийств был запущен. «Вскоре после массового расстрела [12 сентября], – читаем в обвинительном заключении западногерманского суда по уголовному делу Макса Дрекслея

¹ Там же. С. 288, 289.

² Круглов А. Указ. соч. Ч. I. С. 26.

³ Холокост на территории СССР. С. 239, 284, 285; «Натиск на восток». С. 297.

и Вальтера Керера, – на том же поле в четырех дополнительно вырытых ямах были расстреляны минимум 1000 еврейских мужчин, женщин и детей, которых накануне члены команды и добровольцы доставили в город пешком и которые происходили из расположенных севернее Дубоссар городов Окна и Котовск. Вечером дня прибытия они были заперты в казарме близ бывшей табачной фабрики. Рано утром после сдачи ценных вещей и верхней одежды сначала мужчины должны были отправиться на место казни, позднее за ними последовали их жены и дети. Производился расстрел так же, как и первый массовый расстрел»¹. 16-17 сентября таким же образом были убиты около 1500 мужчин, женщин и детей, пригнанных под конвоем немецких колонистов из районов Молдавии². Всего в сентябре 1941 г. в Дубоссарах были убиты не менее 8 тыс. чел.

Выполнив свою страшную «работу», 28 сентября подкоманда Дрекслея покинула Дубоссары. Преступную деятельность эсэсовцев продолжили румынские власти. В Дубоссарах продолжались расстрелы все новых и новых партий евреев, доставляемых колоннами из соседних районов Молдавии и Украины: из Тирасполя, Кишинева, Котовска, Балты, Ананьева, Григориополя. В октябре сюда были отконвоированы и расстреляны евреи Григориополя – около 500 чел. Шеф уездной жандармерии П.Думитреску подтвердил свою репутацию руководителя всех зверств, совершенных в Дубоссарах в годы оккупации. Новый начальник дубоссарской полиции капитан Шербунеску зарекомендовал себя инициатором массовых арестов и пыток. Дубоссарское гетто было превращено в сборный лагерь. На 1 апреля 1942 г. в нем содержались 228 евреев, а на 1 сентября 1943 г. – 13 евреев из Буковины, видимо, доставленных недавно. По оценке И.Э. Левита, до конца 1943 г. оккупанты казнили в Дубоссарах более 10 тыс. евреев из Молдавии, Одессы и даже из Чехословакии³.

На территории кирпичного завода в Дубоссарах румынская администрация устроила лагерь для политических заключенных, в который бросали молдаван, украинцев и русских – председателей и депутатов сельских Советов, учителей, работников государствен-

¹ Круглов А. Указ. соч. С. 208.

² Там же. С. 41.

³ Холокост на территории СССР. С. 239, 284, 285.

ных учреждений и просто «подозрительных». Их содержали в нечеловеческих антисанитарных условиях, морили голодом и избивали, принуждали к непосильному труду. В январе 1944 г., устроив в селах массовые облавы, жандармы довели число заключенных до 600 чел. В их числе были не только мужчины, но и люди, к движению сопротивления явно непричастные: подростки, девушки, женщины с детьми. Однако фронт приближался, и румынские администраторы понимали, что за содеянное предстоит держать ответ. В феврале большинство заключенных было отпущено. В марте, когда в Дубоссары прибыла на мотоциклах зондеркоманда СС, румынский комендант вывел из лагеря колонну из 72 заключенных, отпустил их в ближайшей лесопосадке, а сам бежал в Румынию. 76 узников эсэсовцы расстреляли¹.

Последовало ли возмездие? В январе 1944 г. правительство И. Антонеску запретило эвакуироваться в Румынию даже лицам, связанным с румынской оккупационной администрацией, по существу передав их в руки НКВД². После освобождения Дубоссар примар города Деменчук, шеф местной полиции Дубоссар И.М. Велов, примар села Коржево Х.А. Студзинский и некоторые другие пособники зондеркоманды были арестованы и преданы суду. Деменчук и двое полицейских были приговорены к расстрелу, а остальные – к длительным срокам тюремного заключения.

Шеф оперативной группы «D» Отто Олендорф уже в 1941 г. получил генеральское звание и продолжил службу в центральном аппарате РСХА в Берлине. После капитуляции Германии он был арестован, выступил свидетелем на Нюрнбергском процессе и признал, что возглавляемая им айнзацгруппа «D» уничтожила на оккупированной территории СССР 90 тыс. чел. В 1948 г. в числе 22 высокопоставленных эсэсовских убийц перед американским трибуналом предстал и сам Олендорф. Он был приговорен к повешению и казнен³.

---

¹ Бардаш И. Г. Румынский миф на страницах «молдавских» учебников. В сб.: Во имя Отчизны. Материалы научно-практической конференции «Победа СССР в Великой Отечественной войне и современность». 12 апреля 2005 г. Тирасполь, 2006. С. 93; «Натиск на Восток». С. 298.

² История Приднестровской Молдавской Республики. Т. 2. Первая часть. Тирасполь, 2001. С. 231.

³ СС в действии. Документы о преступлениях СС. Москва, 1969. С. 66.

Главных организаторов-исполнителей геноцида в Дубоссарах – Макса Дрекслея и Вальтера Керера западногерманская юстиция удосужилась привлечь к суду только четверть века спустя, в начале 70-х гг. Следствие длилось долго, а запоздалое наказание оказалось по отношению к памяти их жертв издевательски мягким. На процессе в Мюнхене 15 ноября 1974 г. Дрексель был приговорен к 5 годам тюремного заключения, а Керер – к 4 годам¹. Остальные эсэсовцы – их сообщники по убийствам в Дубоссарах и других местах так и не были разысканы. Нам не удалось обнаружить в исторической литературе сведений о преследовании по суду полковников Л.Добричану, П.Думитреску и других организаторов массовых убийств Дубоссарах – граждан Румынии.

Акция массового уничтожения, осуществленная оккупантами в Дубоссарах в сентябре 1941 г., представляет собой самый кровавый эпизод фашистского геноцида на территории Молдавии. Эти преступления совершены подразделением СС при активном участии румынской армии и полиции, «гражданской» оккупационной администрации. Дубоссарская трагедия не должна быть забыта.

---

¹ Круглов А. Указ. соч. Ч. IV. С. 208.

*Боршевский Андрей,
доктор истории, и.о. конференциара*

МЕСТНЫЕ ЕВРЕИ-ЮРИСТЫ: XIX – XX ВЕКА

По данным переписи 1817 году, всего в Бессарабии проживало 282063 чел., в т.ч. евреев – 19013 чел.¹; всего, по данным различных чиновников, в Бессарабии насчитывалось до 5 тысяч еврейских семей². По данным 8-ой ревизии населения в 30-е годы XIX века количество евреев в Бессарабии составляло уже 42,3 тыс. человек³. Материалы 10-й ревизии населения, проведенные Бессарабским статистическим комитетом, зафиксировали численность еврейского населения к началу 60-х годов XIX века в 95,9 тыс. чел. (9,6% всех жителей)⁴. В 1897 году в Бессарабской губернии насчитывалось 228620 евреев (11,8% всего населения)⁵. Больше в Бессарабии было лишь молдаван и украинцев⁶.

Начиная с 20-х годов XIX в. Российское правительство принимает многочисленные ограничительные акты, в которых права еврейского населения были ущемлены. Поэтому факт наличия евреев – юристов не может не вызывать восхищения, несмотря на многочисленные ограничения.

Так, в 1846 году бессарабское областное правление запросило Сенат, могут ли евреи и караимы избираться в сословный коммерческий суд. Ответ был отрицательным. Так продолжалось до 1866 года, когда в кишиневский коммерческий суд впервые вошли два еврея. Однако генерал-губернатор П. Е. Коцебу объявил выборы недействительными, причем не только потому, что среди избран-

---

¹ Табак И. В. Особенности расселения евреев в Бессарабии и на левобережье Днестра в XIX – начале XX в. // Евреи в духовной жизни Молдовы. Страницы истории и современность. Кишинев, 1997. С. 159.

² Клейман Р., Шихова И. Культурное наследие евреев Молдовы. Кишинев, 2010. С. 6; Табак И. В. Указ. соч. С. 159.

³ Клейман Р., Шихова И. Указ. соч. С. 6; Табак И. В. Указ. соч. С. 159.

⁴ Табак И. В. Указ. соч. С. 160.

⁵ Краткая еврейская энциклопедия. Т. 1. Иерусалим, 1976. С. 379.

⁶ Табак И. В. Указ. соч. С. 161.

ных оказались евреи, но и в силу самого факта участия евреев в выборах.

В 1886 году была введена в России процентная норма для приема евреев в университеты. В пределах черты оседлости процентная норма составляла для мужских гимназий и университетов в 10% от всех учеников, в остальной части России – 5%, в столицах – 3%.

Однако, несмотря на все эти трудности, в Российской империи трудились еврей-юристы, в том числе выходцы из Бессарабии.

В данной статье рассматриваются биографии ряда евреев-юристов, чья жизнь в XIX–XX веках была связана с нашим краем, т.е. тех, кто здесь родился и/или работал (подчеркнем: приведенный ниже список далеко не полон. Так, туда еще не включены Р. Баршай, Э. Братт, Беленький, Гальперин, И. Геллер, Р. Гринштейн, Л. Дайлис, М. Каллер, И. Пагис, И. Разумный, П. Розенберг, С. Розенберг, Б. Розенхаупт, Т. Речестер, К. Штейнберг и др.).

Итак, обратимся к упомянутым биографиям.

ФЛЕКСОР САМСОН МЕНАХЕВИЧ (1838 – 1907 гг.) – юрист и гебраист, родился в 1838 г. в Бессарабии в Бричанах, умер в Вене (Австро-Венгерская империя) в 1907 году.

С юных лет состоял в переписке со многими еврейскими учеными, в том числе с И. Левинзоном, идеи которого деятельно проводил в жизнь. Практиковал главным образом в Бессарабии, где снискал широкую известность. Самсон Флексор – автор ряда юридических статей в «Юридической газете» и «Бессарабских ведомостях».

Сотрудничал с рядом периодических изданий на древнееврейском языке, публикуя статьи как по юридическим, так и по философским и богословским вопросам¹.

ФЛЕКСОР ДАВИД САМСОНОВИЧ (1871 г. – 1936 г.) – известный российский и советский юрист, видный специалист в области землеустройства и водного права.

Давид Флексор родился в Бессарабии в Сороках в 1871 году в семье известного юриста Самсона Менахевича Флексора (1838–1907). В 1893 году окончил юридический факультет императорского Санкт-Петербургского университета (с золотой медалью) и в

---

¹ Еврейская энциклопедия Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (1908 – 1913 гг.) в 16 томах. Т. 15. СПб., 1908–1913. С. 315–316.

1895 года поступил на службу в Министерстве земледелия и государственных имуществ¹.

Давид Флексор – автор и редактор ряда законодательных актов Российской империи. Принимал участие во многих комиссиях по разработке законопроектов, главным образом в области водного права. Участвовал в работе Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, где был редактором по сводке и обработке трудов местных комитетов².

До 1917 года состоял чиновником особых поручений 5-го класса при главноуправляющем землеустройства и земледелия, заведующим делами мелиоративного законодательства, членом-юристом гидрологического комитета, членом межведомственной комиссии по выработке водного законодательства.

Одним из фундаментальных трудов Д. Флексора в области водного права являлась работа «Право на воды. По разъяснениям Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената», который состоял из трех глав («Право на воды и его пределы. Ограничения в интересах участия общего»; «Ограничение права на воды в интересах участия частного. Легальные сервитуты»; «Разъяснения по отдельным вопросам права на воды»). Работа освещала вопросы прав на воды, выходящих за пределы одного владения; возвращения воды в русло реки, до выхода ее из пределов владения лица, отведшего воду. Работа содержала описание законодательства при засорении реки одним из прибрежных владельцев в ущерб другого, описывала ограничение прав береговых владельцев в интересах судоходства и сплава. Положения работы о предъявлении иска о подтопе к арендатору имения, условия предъявления иска о подтопе оказал практическую помощь многим жителям Российской империи. Не обошел Давид Флексор в работе и интересы крестьян, подробно описав право водопоя и прогона скота в пределах чужого владения. Детальное описание в работе применения к вопросам водного права обычных норм было полезным для Бессарабии, где

---

¹ Флексор, Давид Самсонович. Он-лайн:

http://ru.wikipedia.org/wiki/Флексор,_Давид_Самсонович

² Шпитальник С. Евреи Молдовы: Деятельность евреев в культуре, науке, экономике Молдовы XX века. Кишинев, 2000. С.181.

законодательство в гражданском судопроизводстве в ряде случаев допускало применение обычного права.

Д. Флексора печатался в журнале Санкт-Петербургского юридического общества, Судебной газете, Трудовой помощи и других специализированных изданиях.

С 1921 года профессор кафедры водного и земельного права Петроградской сельскохозяйственной академии. В 1928 году участвовал в составлении Большой медицинской энциклопедии под общей редакцией Н. А. Семашко.

В марте 1935 года вместе с женой Фанни (Анной) Ивановной и дочерью Кирой выслан в Кокчетав сроком на 5 лет, в апреле 1936 года получил разрешение на переселение в Рыбинск, где и умер.

Его дочь Кира в 1924 окончила трудовую школу в Ленинграде, поступила на английское отделение Института иностранных языков, в 1926 – перевелась на романо-германское отделение Ленинградского государственного университета и окончила его в 1930. Работала ассистентом на кафедре английского языка университета и на курсах иностранных языков, имела ряд работ по английской филологии. В марте 1935 г. выслана с родителями в Кокчетав на 5 лет. В апреле 1936 высылка ей отменена, в сентябре вернулась с матерью в Ленинград.

Основные труды: 1) Отмена решений по просьбе третьих лиц, не участвовавших в деле: Опыт историко-догматического исследования. СПб.: Типо-лит. М.Я. Минкова, 1894; 2) Право на воды по разъяснениям Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената. Издание второе, пересмотренное и исправленное. СПб.: Издательство Отдела Земельных Улучшений Министерства Земледелия и Государственных Имуществ. Типография М. Ф. Пайкина, 1898; 3) Аренда. Высочайше учрежденное Особое Сопровождение о нуждах сельскохозяйственной промышленности (Свод Трудов местных Комитетов по 49 губерниям Европейской России). СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1903; 4) Охрана сельскохозяйственной собственности. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1904; 5) Аренда казенных земель (записка, составленная для особого совещания). СПб.: Приложение к «Вестнику финансов», 1904; 6) Законы Франции, Австрии, Пруссии, Бадена, Гессена и Вюртембер-

га о водных товариществах. СПб.: Издательство Отдела земельных улучшений Министерства земледелия и государственных имуществ, 1904; 7) Дело земельных улучшений, его настоящее положение и задачи в будущем. СПб., 1906; 8) Переселенческое дело в 1908 году (составитель Д. Флексор). Переселенческое Управление Главного Управления Землеустройства и Земледелия. СПб., 1908; 9) Действующее законодательство по водному праву. Систематический сборник узаконений об орошении, обводнении, осушении, судоходстве, сплаве, пользовании водой для промышленных целей, рыболовстве, минеральных источниках и прочем с разъяснениями Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1910; 10) Действующее законодательство по водному праву. Систематический сборник узаконений об орошении, обводнении, осушении, судоходстве, сплаве, пользовании водой для промышленных целей, рыболовстве, минеральных источниках и прочем с разъяснениями Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената. 3-е изд., испр. и доп. СПб., Издание юридического книжного магазина И. И. Зубкова под фирмою «Законоведение», 1912; 11) Большая медицинская энциклопедия. Том первый. Под редакцией Н.А. Семашко. Москва: Акционерное общество «Советская энциклопедия», 1928.

МАГДЕР СОЛОМОН ИЗРАИЛЕВИЧ (1887 – 1940 гг.) адвокат, деятель антифашистского движения. Родился в г. Васлуй, умер в г. Бухарест. Окончил факультет права в Ясском университете (Румыния). Принимал участие в гражданских, уголовных и политических дел. Соломон Магдер был связан с прогрессивными еврейскими кругами и защищал евреев в судах. Лидеры еврейских сионистских организаций часто посещали его дом.

Магдер был прогрессивным адвокатом, поддержки и защиты тех, кто боролся с режимом. Он не принадлежит ни к одной политической партии, но его взгляды были близки к социалистической идеологии.

С 1921 г. жил в Кишиневе, активно участвуя в местной еврейской жизни – поддерживал спортивную организацию ХаКоах; подписал воззвание Союза еврейских общин Бессарабии и ЦК комитета помощи голодающим в 1935 г., участвовали различных культур-

ных еврейских мероприятиях¹. Был одним из основателей «Маккаби»² – местной организации для молодых людей в Кишиневе («Маккаби» – международная еврейская спортивная организация; первичной ячейкой общества «Маккаби» является местный спортивный клуб, действующий независимо и на демократической основе).

Магдер был корреспондентом ряда газет Румынии в том числе «Curierul Israelit». Соломон Магдер – автор многочисленных статей о жизни еврейских местечек Бессарабии. Крушение его демократических взглядов и преследования из-за антифашистской деятельности привело его к трагической преждевременной кончине³.

ШВАРЦ ХАНААН ИСААКОВИЧ (1909 – 1967 гг.) – известный юрист, доктор хабилитат права, профессор. В 1956 году Шварц защитил диссертацию по теме «Договоры автомобильной перевозки по советскому гражданскому праву».

В 1959-1967 гг. Х. Шварц был заведующим кафедрой гражданского и процессуального права юридического факультета Кишиневского государственного университета. Первый исследователь права, касающегося автомобильных перевозок, а также правовых вопросов охраны окружающей среды⁴.

Шварц Х.И. – один из авторов учебного пособия «Советское гражданское право» (1955 г.) и учебника «Советское гражданское право» (1965 г.).

В монографиях «Договор автомобильной перевозки» (1955 г.) и «Правовое регулирование перевозок на автомобильном транспорте» (1966 г.) автор впервые в советской литературе осуществил комплексное исследование вопросов правового регулирования работы автомобильного транспорта. Х.И. Шварц, являющийся пионером монографической разработки советского автотранспортного права, предпринял широкое изучение относящихся к избранной им теме проблем общей теории советского права и советского гражданского и административного права. Известное внимание он уделил также международным автомобильным сообщениям.

---

¹ Шпитальник С. Указ. соч. С.180-181.

² Solomon Magder. Он-лайн: <http://centropa.roromedia.at/photo/solomon-magder>

³ Шпитальник С. Указ. соч. С. 181.

⁴ Там же. С. 181.

В общей части книги «Правовое регулирование перевозок на автомобильном транспорте» (стр. 3-26) Х.И. Шварц исследует понятие автотранспортного права как комплексной отрасли советского права и как научной дисциплины, изучающей правовое регулирование деятельности автотранспорта во всем его единстве. Отметив неудовлетворительное состояние источников советского автотранспортного права, автор правильно и обоснованно высказывается за проведение его кодификации в общесоюзном масштабе.

В особенной части (стр. 27-262) значительное место выделено договорным институтам автотранспортного права. С этим можно полностью согласиться, так как именно в договорах проявляется своеобразие правового регулирования автомобильных перевозок¹.

Много интересных соображений высказано автором относительно транспортно-экспедиционных операций при автомобильных перевозках. Правильно отмечена недостаточная урегулированность транспортно-экспедиционной деятельности, в СССР и чрезвычайная пестрота республиканского законодательства. Многочисленные пробелы и противоречия этого законодательства наносят ущерб делу транспортной экспедиции в стране. Автор подробно исследовал договор пассажирской перевозки. Договор перевозки пассажира в автомобиле, по мнению автора, считается заключенным с момента принятия заказа на автомобиль или в момент продажи пассажиру проездного билета. По мнению Х.И. Шварца, права и обязанности по договору перевозки пассажира не прекращаются с выходом пассажира из автобуса, если с пассажиром в пути следования произойдет несчастный случай, находящийся в причинной связи с данной перевозкой².

Монография «Правовая охрана природы Молдавии: Очерки природоохранительного права» (1964 г.) представляет собой книгу, написанную в форме очерков природоохранительного права. В работе были исследованы главные проблемы правовой охраны природных объектов, практика работы природоохранительных органов, а также органов суда и прокуратуры в области охраны природы.

Умер Шварц Х.И. в Кишиневе в 1967 году.

---

¹ Черепахин Б. Б. Х. И. Шварц. Правовое регулирование перевозок на автомобильном транспорте. Москва, 1966 // Правоведение. 1967. № 1. С. 132-135.

² Там же.

Отметим, что труды Ханаана Шварца актуальны до наших дней. Так, в постатейном комментарии к Федеральному закону Российской Федерации от 8 ноября 2007 г. №259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» раздел «Договор перевозки груза» содержит цитирование работы Шварца 1965 года издания (Правовое регулирование перевозок на автомобильном транспорте).

В Учебно-методическом комплексе учебной дисциплины «Проблемы гражданско-правовой ответственности в сфере медицинской деятельности» Южного федерального университета (Ростов на Дону, 2008) работы Х. Шварца входят в список рекомендуемой литературы. В XXI веке ряд работ Шварца Х. были переизданы.

Основные труды: 1) Значение вины в обязательствах из причинения вреда. М., 1939; 2) Обязательства из причинения вреда. М., 1954; 3) Договор автомобильной перевозки. М.: Госиздат, 1955; 4) Правовая охрана природы Молдавии: Очерки природоохранительного права. К.: Картя Молдовеняскэ, 1964. (соавтор – Ю. И. Тютюкин); 5) Правовое регулирование перевозок на автомобильном транспорте. М.: Юридическая литература, 1965; 6) Значение вины в обязательствах из причинения вреда. М., Статут, 2003; 7) Правовое регулирование перевозок на автомобильном транспорте М.: Изд. Юридическая литература, 2006.

БАШКАНСКИЙ ЯКОВ ЗАХАРОВИЧ (1913 – 1977 гг.) – адвокат, юрисконсульт, доктор права, родился в 1913 году в Кишиневе, умер в 1977 г. там же. Учился в гимназии им. М. Эминеску, затем окончил факультет права Ясского университета в Румынии (1939). До 1940 г. был юристом на разных промышленных предприятиях. В годы войны Башканский Я. З. был начальником юридического отдела на военном заводе Караганды (Казахстан). В 1949 г. вернулся в Кишинев; занимал разные должности в Министерстве пищевой промышленности, в других учреждениях. В 1956 г. окончил английское отделение факультета иностранных языков Бельского педагогического института им А. Руссо¹.

В 1966 году вышел один из основных научных трудов Башканского Я.З. «Правовое регулирование поставки продукции винодельческой промышленности (по материалам предприятий Мол-

¹ Шпитальник С. Указ. соч. С.180.

давской ССР)». В работе, состоящей из 6 глав, были освещены основные нормативные акты, регулирующие отношения по поставке винодельческой продукции, порядок и сроки установления договорных отношений по поставкам продукции винодельческой промышленности, условия и порядок поставки продукции винодельческой промышленности, срок и порядок поставки, качество поставляемой винопродукции, цены и порядок расчетов, условия отпуска, исполнение договоров, порядок приемки продукции винодельческой промышленности, имущественная ответственность, ряд других вопросов¹.

В 1970 году защитил докторскую (кандидатскую) диссертацию по теме «Правовое регулирование поставки продукции винодельческой промышленности» (научный руководитель – Х.И. Шварц). Многочисленные труды посвящены правовым вопросам аграрно-промышленных предприятий.

Основные труды: 1) Правовое регулирование поставки продукции винодельческой промышленности: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 1970; 2) Правосубъектность агропромышленных предприятий и объединений. Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1978. (соавтор – Никитюк П.С.); 3) Правовое регулирование поставки продукции винодельческой промышленности (по материалам предприятий Молдавской ССР). Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1966; 4) Поставка продукции винодельческой промышленности. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1969; 5) Виноградарско-винодельческие аграрно-промышленные объединения Молдавии: (Правовые вопросы). Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1976.

АВЕРБУХ ИОСИФ СЕМЕНОВИЧ (1895 – 1973 гг.) – адвокат, доктор права, родился в 1895 г. в Фэлешть, умер в Кишиневе в 1973 году. Иосиф Авербух родился в семье частного поверенного, занимавшегося адвокатской практикой. Иосиф мечтал стать врачом. Три года он проучился в Вене на медицинском факультете, но из-за недостатка средств перешел в Ясский университет на юридический, который окончил с отличием в 1923 г. До 1940-го года занимался

---

¹ См. Башканский Я.З. Правовое регулирование поставки продукции винодельческой промышленности (по материалам предприятий Молдавской ССР). Кишинев, 1966.

частной практикой в Кишиневе, учился мастерству у опытных юристов – адвоката К. Штейнберга, судьи Стере¹.

Иосиф Семенович был бессребреником и человеком щедрым: бесплатно защищал бедняков, давал пожертвования в еврейскую больницу и синагогу. Его пленили коммунистические идеи. На политических процессах он успешно и смело выступал в качестве защитника членов левых партий. Когда один из арестованных покончил с собой, Иосиф Семенович не дал гибельному настроению распространиться среди остальных. Его девиз был – не сдаваться.

После воссоединения Бессарабии с СССР Иосиф Семенович стал председателем Коллегии адвокатов. Ему настойчиво предлагали вступить в партию, но при ближайшем рассмотрении реальное воплощение прекрасных идей, которые когда-то увлекали молодого Авербуха, вызывало недоумение и даже разочарование. Членом ВКП(б) он не стал.

В годы II-ой мировой войны работал в Узбекистане. В сложных условиях эвакуации он, работая адвокатом в райцентре Скент, написал и защитил в Ташкенте диссертацию и читал лекции во Всесоюзном заочном юридическом институте. После войны Иосиф Авербух работал в одной из юридических консультаций Кишинева. Очень многие люди, которым Иосиф Семенович вернул свободу, на всю жизнь сохранили благодарность к своему адвокату. Например, И. Арербух ездил в Москву и обращался в Верховный суд СССР, чтобы был пересмотрен приговор, обрекавший его подзащитного на 15 лет лишения свободы. Ходатайство было удовлетворено. На похоронах адвоката Авербуха этот человек шел в первых рядах за гробом своего спасителя.

И. Арербух – автор многих работ в области юриспруденции².

КУШНИР ЛАЗАРЬ АБРАМОВИЧ (1922 – 1994 гг.) – юрист, прокурор, доктор права, педагог, родился в 1922 г. в Украине, в Могилев-Подольске, умер в Кишиневе в 1994 году³.

По окончании Литературного института в Киеве воевал на фронтах 11-ой мировой войны. В 1946 г. поселившись в Сороке, был

---

¹ Кушнир Сусанна. О них хочется рассказать: Сборник статей, опубликованных в еженедельнике «Еврейское местечко». Кишинев, 2010. С. 41-42.

² Шпитальник С. Указ. соч. С. 179-180.

³ Лазарь Абрамович Кушнир: Некролог // Независимая Молдова. 1994. 9 июля.

следователем, прокурором. Окончил заочное отделение юридического факультета Кишиневского университета в 1952 г. Затем в течение 45 лет работал в городской и республиканской прокуратурах, одновременно преподавал на юридическом факультете Кишиневского университета.

В 1968 году защитил диссертацию доктора (кандидата) юридических наук по теме «Расследование и предупреждение хищений на предприятиях винодельческой промышленности».

Занимался правовой антиалкогольной пропагандой. В последние годы работал в одной из ассоциаций в качестве специалиста по экономике и праву. Был членом правления Кишиневского общества еврейской культуры¹.

Основные труды: 1) Расследование и предупреждение хищений на предприятиях винодельческой промышленности. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1968; 2) Грань преступления. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1970 (соавтор: Кизиков Михаил); 3) Расследование и предупреждение хищений в винодельческой промышленности. М.: ВНИИ Социалистическая собственность неприкосновенна. Кишинев: Кишинев общество «Знание», 1983 (соавтор: К.Н. Флоря); 4) Правовое воспитание и борьба с пьянством. Кишинев, Кишинев общество «Знание», 1985; 5) С законом на «Вы». Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1973; 6) Правовой порядок. Кишинев: Лумина, 1982 (соавтор: В.П. Юдин); 7) Ты и закон: Для учащихся. Кишинев: Лумина, 1988 (соавтор: М.И. Сидоров).

Таким образом, еврей-юристы внесли весомый вклад в развитие юридической мысли исследуемого периода.

Как уже говорилось, здесь приведен лишь далеко не полный перечень биографий евреев-юристов, связанных с нашим краем в XIX – XX веках; автор надеется, что в дальнейших работах этот список будет пополнен новыми именами.

В заключение особо отметим роль Еврейской библиотеки им. И. Мангера и лично С. С. Шпитальник. Труд «Евреи Молдовы: Деятельность евреев в культуре, науке, экономике Молдовы XX века» является ценным библиографическим исследованием, и хочется поблагодарить его автора и выразить надежду на переиздание этой очень важной и полезной книги, дополненной новыми данными.

---

¹ Шпитальник С. Указ. соч. С.180.

*Аленин Игорь,
кандидат филологических наук (Российская федерация)*

КНЯЗЬ СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ УРУСОВ И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

В исторической судьбе Молдовы немного долгих и покойных периодов независимого развития. Летописец назвал этой край страной на перекрестке всех бед. Неудивительно, что Молдове за свою историю пришлось испытать многочисленные культурные влияния: турецкое, венгерское, русское, украинское, еврейское, французское, – порой по своей воле, но еще чаще вопреки ей.

На протяжении 105 лет, с 1812 года по 1917 год, Бессарабия входила в состав Российской империи. Это был один из самых продолжительных периодов развития этого края при единой власти отдельного государства. На протяжении российского правления Бессарабия управлялась наместниками, крупными сановниками империи, губернаторами. Среди многочисленных губернаторов Бессарабии мы бы хотели выделить одну личность, оставившую по себе долгую и в основном благодарную память жителей Бессарабии.

Жизнь этого человека оказалась поделена на две неравные части Октябрьской революцией 1917 года, и потому неудивительно, что одного и того же человека в разные периоды его жизни называли то «образцовым губернатором», «защитником угнетенных при царизме», то «образцом советского работника» и даже «контрреволюционером». Но один эпитет – «юдофила» – может быть отнесен к обеим частям жизни Сергея Дмитриевича Урусова, губернатора Бессарабии с 1903 по 1904 гг. В этом очерке мы постараемся дать краткий обзор того, как формировалось отношение Урусова к еврейскому вопросу во время его бессарабского губернаторства и скажем несколько слов о его судьбе после революции.

«Бессарабские губернские ведомости» за № 72, 1903 года, опубликовали сообщение о том, что исправляющим должность Бессарабского губернатора назначен Тамбовский вице-губернатор, статский советник, князь Сергей Дмитриевич Урусов. О нем сообща-

лось также, что он уроженец Ярославской губернии, родился в 1863 году, образование получил в Московском Императорском университете, окончил курс по филологическому факультету со степенью кандидата. Некоторое время князь служил по Министерству Финансов, занимал должность податного инспектора в Калужской губернии, а затем был избран Перемышльским уездным предводителем дворянства и состоял председателем съезда мировых судей, был почетным мировым судьей. Затем занимал в Москве место инспектора, наблюдающего за типографиями. И наконец назначен Тамбовским вице-губернатором. Князю Урусову при вхождении в губернаторскую должность в Кишиневе было 40 лет.

Беглый взгляд на биографию Урусова может привести к ложному выводу о том, что перед нами чиновник, нигде не пускающий глубоких корней. На должности тамбовского вице-губернатора Урусов состоял всего несколько месяцев, после чего неожиданно и без предварительного запроса получил из МВД телеграмму о назначении губернатором в Бессарабию. Поводом для перевода в Бессарабию стала необходимость принятия мер после печально известного погрома 1903 года. В Бессарабии он пробыл всего полтора года и был перемещен на губернаторскую должность в Тверь. Однако вывод такой был бы скоропалительным.

Присмотревшись к личности Урусова, поражаешься его способности быстро входить в курс дела и предпринимать необходимые шаги по изменению ситуации к лучшему. Терпимость к инаковедующим и инакомыслящим, личное достоинство, уважение к закону и в то же время независимость взглядов чиновникам его ранга в царской России были в целом несвойственны.

О Кишиневе, новом месте службы, Сергей Дмитриевич Урусов знал только из газет и в основном в связи с еврейским погромом 7-9 апреля 1903 года. Любопытно замечание самого князя относительно знакомства с еврейской тематикой до приезда в Кишинев. «Евреями я не интересовался, о положении их и специальных законах, их касающихся, я ничего не знал, а известие об участии правительства в организации погрома считал глупым и злонамеренным вымыслом...»¹.

---

¹ Урусов С. Записки губернатора. Кишинев, 2011. С. 12.

При первоначальном ознакомлении с делами Урусов узнал о трех бытовавших на тот момент версиях погрома: 1) погром был организован правительством и поддержан невежественно-преступной анти-еврейской провокаторской деятельностью отдельных лиц, 2) погром – выражение неудержимой вспышки народной мести в ответ на эксплуатацию местного населения племенем чуждым и враждебным России, поставившим себе целью ее экономическое порабощение, 3) версия Павла Крушевана, выраженная в его газете «Бессарабец», о том, что евреи сами вызвали погром, так как он был им выгоден.

Уже на стадии вхождения в курс дела Урусову стало ясно, что еврейский вопрос станет одним из ключевых в его губернаторской деятельности. В «Записках губернатора» он признается, что до приезда в Бессарабию собственных наблюдений над ролью евреев в России у него было крайне мало. Таким образом, Сергея Дмитриевича «потомственным» юдофилом считать нельзя. «К... случайным и довольно поверхностным наблюдениям я мог отнести, в пользу более широкого взгляда на еврейский вопрос, те общие начала справедливости и терпимости, которые были мне внушены полученным мною общим образованием»¹. При этом Урусов признается, что литературные произведения, в которых часто выставлялись отрицательные и смешные стороны еврейской жизни, тоже бессознательно влияли на него.

Первоначальные выводы новоиспеченного губернатора о будущем отношении к евреям состояли в должном применении всех законов, ограничивающих права евреев, несмотря на высказанные в Петербурге в частных беседах многими компетентными лицами мнение о том, что Временные правила 3 мая 1882 года оказались ошибкой правительства и цели не достигли. С самого начала у Урусова было крепко намерение не только не проявлять в отношении евреев Бессарабии чувства отчужденности, предвзятого недоверия, но, напротив, стараться всегда стоять на том, что евреи — такие же русские подданные, как и все прочее население России. Кишиневский погром он признал преступлением, придерживаясь официального правительственного взгляда, декларированного вскоре после погрома. Министр внутренних дел Плеве напутствовал Урусова та-

---

¹ Там же. С. 19.

ким пожеланием: «Пожалуйста, поменьше речей и поменьше сентиментального юдофильства». Эти слова Урусов посчитал несколько позже весьма проницательными, так как в Кишиневе ему и вправду довелось говорить много речей, и уехал он из Кишинева именно с репутацией юдофила.

Пройдет всего полтора года и тот же министр внутренних дел Плеве весьма холодно примет Сергея Дмитриевича Урусова в Петербурге и поставит в вину два в целом не существенных факта: похороны Торы и визиты, отданные Урусовым несколькими кишиневским евреям. Сам Урусов холодный прием отнесет на счет поданной им записки об изменении Временных правил 3 мая 1882 года о еврейской черте оседлости и ограничении их прав. Таким образом, всего за полтора года у Урусова сложились ясное и четкое понимание еврейского вопроса, всей злокачественности существовавшего еврейского законодательства и репутация толкового губернатора.

Самые первые сведения о Бессарабии по пути на новое место Урусов почерпнул, по собственным словам, из книги «Бессарабия» своего будущего заклятого оппонента, Павла Крушевана. Первой новостью, сообщенной ему 23 июня, в первый день пребывания в Бессарабии, вице-губернатором Уструговым было то, что в Кишиневе можно ожидать беспорядки, ввиду того, что евреи, составлявшие половину 140-тысячного населения города, под предлогом разорения и затишья в производстве не принимают христианских рабочих, носят траур, не ходят на гулянья, в результате чего, резко проявилась племенная рознь и образовалась масса безработного населения, готового начать беспорядки. Вице-губернатор Устругов сам был весьма враждебно настроен в отношении еврейского населения.

Первая же частная прогулка новоиспеченного губернатора была предпринята в ту часть города, которая больше всего пострадала от погрома. Главным последствием погрома было настроение, поддерживающее среди населения рознь и вражду. Надо отметить, что «к приезду князя Урусова из 38 фабрично-заводских предприятий 29 принадлежали евреям, из 5 типографий четырем владели евреи. Деревообрабатывающим, швейным производством занимались евреи. Они занимались также извозным промыслом (балагулы), тор-

говлей сельскохозяйственной продукцией, тканями и одеждой. Евреи были сапожниками, часовщиками, стекольщиками, носильщиками, грузчиками, кровельщиками, кузнецами, плотниками, бондарями, каретниками, переплетчиками, парикмахерами, забойщиками и мясниками. Ремесел было великое множество. Из «интеллигентных» профессий медицина, адвокатура, бухгалтерское дело, иудейская религия и просвещение были их епархией. И вся эта кипучая трудовая жизнь в одночасье замерла, в довершение всего закрылись лавки и лавочки...»¹. Во время погрома было разгромлено свыше 1,5 тыс. еврейских домов, квартир и лавок, 49 человек убито (42 по версии Урусова), 586 ранено и изувечено 35².

В своих «Записках губернатора» Урусов пишет: «Умиротворению препятствовало столько же чувство горя, обиды и, может быть, мести у евреев, сколько чувство досады у многих христиан, чувство, которое можно передать приблизительно так: «теперь из-за этих евреев приходится нести еще нравственную ответственность за преступление». «Эта фраза меня потрясла, – пишет Грета Ионкис в своей еще незавершенной книге под рабочим названием «Утраченный воздух». – Как смог русский дворянин в начале XX столетия найти слова, столь точно выражающие смысл чувств повинных в преступлении христиан (даже если большинство их не принимало участие в погроме) по отношению к жертвам их же злодейства? Как он смог так безошибочно определить этот психологический феномен?! Ведь имя Фрейда в ту пору было почти неизвестно. Работая последние годы над проблемой столь непростых еврейско-немецких отношений в Германии, я вынуждена была принять вывод выживших в Холокосте евреев о немцах: «Они не простят нам Освенцима!» А ведь князь Урусов сформулировал этот парадокс намного-намного раньше: человек ненавидит ближнего за то зло, которое сам же ему причинил»³. Урусов отмечает, что большинство местных жителей-христиан не принимало участие в погроме, многие были им возмущены, но далеко не все они могли с чистой совестью сказать, что ничем ему не поспособствовали.

---

¹ Ионкис Г. Утраченный воздух, (на правах рукописи). С. 5

² Юрьев Б. Кишиневский погром // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 2. Москва, 1996. С. 587.

³ Ионкис Г. Утраченный воздух, (на правах рукописи). С. 5.

Министр внутренних дел Плеве через полтора года поставит в вину Урусову один из 60 первых необходимых визитов. Сам кишиневский губернатор комментирует этот, в сущности, комичный случай так. «При этом (нанесении визитов) произошло только одно недоразумение: намереваясь быть у товарища прокурора Кенигсона, я позвонил и оставил карточку у присяжного поверенного Кенигшаца. Я потом исправил свою ошибку... но визит Кенигшацу был мне поставлен на счет в Петербурге, так как это лицо, помимо принадлежности к еврейству, считалось «неблагонадежным в политическом отношении».

На третий день после приезда Урусова в Кишинев к нему пришла группа представителей местной еврейской общины в количестве 12 человек (купцы, врачи, присяжные поверенные, – все люди с весом и положением. Они хотели знать, что будет дальше и на что надеяться. В заранее подготовленной речи Урусов повторил свое стремление видеть в евреях Кишинева русских подданных, связанных между собой одной религией, и то, что от высшего представителя правительственной власти в губернии нельзя ожидать религиозной нетерпимости, расовой вражды, пристрастного отношения. Лично ему, сказал Урусов, чужда племенная и религиозная рознь, поэтому в отношениях к евреям он намеревался строго следовать требованиям подлежащих законов, не внося в их толкование какой-либо посторонней, личной примеси.

Он заверил, что виновные в апрельских злодеяниях понесли или понесут должное наказание, и пора уже вернуть на улицы города спокойствие, что прошедшие тяжелые дни надо скорее предать забвению.

Одним из первых решений Урусова было распорядиться о возвращении военного гарнизона, расположенного в Кишиневе, в летние лагеря, чему военное начальство было очень радо. Слова, отношение к еврейским представителям и первые распоряжения вернули городскую жизнь в спокойное русло. Меньше недели понадобилось, что евреи перестали носить траур, появились на гуляниях, начали починку домов и магазинов, пострадавших во время погрома.

Еще одно предприятие, которое Урусов аттестует, как «довольно смелое», окончилось благополучно, хотя и позже было поставлено

ему в вину министром Плеве. Главным священным предметом еврейских синагог является ковчег, в котором хранятся свитки священной Торы. Еврейский казенный раввин и другие духовные лица, придя к новому губернатору, объяснили, что по еврейскому обычаю необходимо похоронить остатки этих святынь, поруганных святотатственными руками. Но эта процессия могла привлечь огромное количество верующих – до 30 тысяч человек. Урусов потребовал подробный план маршрута и обязал еврейское сообщество заняться вопросами безопасности, в то время, как полиция за малым исключением будет охранять базар и лавки. Губернатор оставил за собой право выдать разрешение накануне дня, который он изберет для проведения шествия. В результате, все прошло без осложнений, и порядок не был нарушен. «С этого дня, как мне кажется, возникло во мне по отношению к кишиневским евреям какое-то чувство расположения и признательности, – пишет Урусов, сохраняемое мною до сего дня»¹.

Здесь мы позволим себе несколько отвлечься и попытаться очень коротко описать ту морально-нравственную почву, подготовившую проявления толерантности и готовность идти на риск, несмотря на доминирующие в чиновничьей среде неприязнь к евреям и нежелание рисковать карьерой и репутацией. Достаточно упомянуть, что министр внутренних дел Плеве, узнав о похоронах Торы, назвал решение Урусова «безрассудным риском». Но бессарабский губернатор не придавал этому отклику, а равно и высказываниям о том, что кишиневское еврейство теперь имеет повод торжествовать победу над христианством, решающего для себя значения.

По его собственным воспоминаниям, приведенным в очерке историка Нины Хайловой, он и его товарищи по московскому университету ощущали себя «наследниками образа мыслей 1860-х годов»: «Это был не писанный и не выраженный определенно кодекс умственно-нравственных правил, согласно которому «высший свет» следовало воспринимать как собрание легкомысленных бездельников; людей облеченных властью – рассматривать как притеснителей народа; к правительству в целом полагалось относиться если не прямо враждебно, то недоверчиво и т.д. Мы, отчасти бес-

---

¹ Урусов С. Записки губернатора. Кишинев, 2011. С. 42.

сознательно, воспринимали ослабленные расстоянием веяния времен Герценовского Колокола, Современника, Базарова, Чернышевского и Некрасова, слегка видоизмененные в произведениях Щедрина и ежедневно отражаемые в смягченных и более культурных формах «профессорской газетой» «Русскими Ведомостями». Нам казалось, что на верхах упрямо не хотят делать того, что нужно и что вместе с тем представляется для всех очевидным и легко достижимым»¹. Ясно, что, находясь на должности кишиневского губернатора, Урусов, как мог, стремился к исполнению идеалов молодости, что не может не характеризовать его как человека цельного и принципиального.

Сразу возникает в сознании привидение со зловещим и роковым для России названием «Система». Одним из вопиющих проявлений этой системы можно считать унижительное и контр-продуктивное законодательство о евреях. «Мелочное, ставящее почти каждого еврея в положение постоянного просителя и жалобщика. Полиции... нет покоя от еврейских дел, и мне приходилось замечать, – пишет Урусов, – ненависть полицейских чиновников к еврейскому населению питается отчасти теми хлопотами, нареканиями, жалобами, объяснениями, ошибками и ответственностью, которые постоянно приходится испытывать чинам полиции как последствие совершенно бессмысленного и не достигающего цели законодательства о евреях»². Если в России в начале 20 века губернские правления давно были признаны учреждениями совершенно отжившими и лишними, то в Бессарабии дело обстояло иначе. «Там, пишет Урусов, в производстве губернского правления... сосредоточивалось в год 10 тысяч дел, и чиновники изнемогали под бременем составления журналов, особенно по еврейским делам, работая постоянно не только в присутственные часы, но и по вечерам... Направление, которое дал в этом отношении бессарабскому губернатору бессарабскому губернскому правлению бывший вице-губернатор Устругов, состояло в измышлении всевозможных тонкостей и толкований с целью довести до крайних пределов стеснение евреев законами, ограничивающими их права...»³.

¹ Хайлова Н. Кн. С.Д. Урусов. С.14 // www.rusliberal.ru/books/Hajlova_URUSOV.pdf

² Урусов С. Записки губернатора. Кишинев, 2011. С. 55.

³ Там же.

Не стоит переоценивать вклад С.Д. Урусова в изменение административного уклада Бессарабии, все-таки полтора года – недостаточный срок для серьезных преобразований. Нельзя также сказать, что «бациллы страха», вызванные погромом 1903 года полностью были уничтожены во время управления Сергея Дмитриевича Урусова Бессарабией. Напряженная обстановка в Кишиневе сложилась на Пасху 1904 года. «Первыми ласточками весеннего возрождения полузабытых опасений и утихнувшей вражды явились для Кишинева два лица – Пронин и Крушеван, сыгравшие очень значительную роль в погромном движении 1903 и 1905 годов»¹. После апреля 1903 года Пронин оказался на волоске от скамьи подсудимых, что обуздывало его деятельность. Но приблизительно с февраля 1904 года, после начала японской войны, оба патриота подняли головы.

В 1905 году Саша Черный напишет саркастическое стихотворение «Чепуха», в котором среди прочих подмеченных в государственной и общественной жизни нелепиц содержится выпад против антисемитских призывов и действий Павла Крушевана.

...Монастырь наш подарил
Нищему копейку
Крушеван усыновил
Старую еврейку.

После начала русско-японской войны Крушеван, по словам Урусова, получил для газеты новую тему – о помощи, оказываемой японцам евреями, а Пронин стал переводить эту тему на общепонятный народный язык. Вновь в городе стали распространяться слухи о ритуальных убийствах христиан. Но губернаторское распоряжение о высылке Пронина из Кишинева несколько оздоровило ситуацию. К тому же произошел эпизод, в котором Урусов доказал свою приверженность тому, что в современном спорте называется «fair play», когда он оштрафовал врача кишиневской больницы доктора Когана за проведение несанкционированного общего собрания на 40-50 слушателей для чтения своего доклада после посещения одесского благотворительного еврейского общества. Данный

---

¹ Там же. С. 75.

факт доказывает, что Урусова вряд ли можно назвать губернатором, сочувствовавшим только еврейскому населению.

Даже после судебного разбирательства о погроме Урусов очень осторожно дает оценку его причин, склоняясь к выводу, что действительный повод кишиневского погрома остался невыясненным. Урусов был категорически против точки зрения, что замысел погрома созрел в недрах Министерства внутренних дел. Письмо, якобы написанное министром внутренних дел бессарабскому губернатору Раабену, предшественнику Урусова, и оглашенное в английских газетах, Урусов считал апокрифическим. «Не был ли... погром неожиданной и неудержимой вспышкой давно накопленной злобы, отплатой за давние обиды, проявлением стихийной силы народа, расправой угнетаемой евреями толпы над своим исконным врагом? Столь же решительно отвечаю, что такое объяснение кишиневского погрома односторонне, неправильно и совершенно искусственно»¹. При этом Урусов отмечает, что в губерниях, входящих в черту оседлости, объектом грабежей и насилия скорее всего могут оказаться евреи. Главной причиной того надо считать законы, способствующие развитию взгляда на евреев как на бесправных граждан и как на опасный для государства элемент.

В записке по еврейскому вопросу, представленной министру внутренних дел Плеве, Урусов, по собственным словам, избегает проявления того «сантиментального юдофильства», о котором предостерегал его Плеве при отъезде новоиспеченного губернатора в Бессарабию. Не касался он и своих общих соображений по поводу евреев в мировой истории и тех национальных свойств их, признание которых придает рассматриваемому вопросу боевой характер.

По дороге в Бессарабию Урусов, как мы уже упоминали, читал краеведческий очерк Павла Крушевана «Бессарабия», в котором, в частности, о евреях было написано следующее: «В настоящее время, евреи завладели в Бессарабии и торговлей, и промышленностью, что отражается угнетающе на интересах христианского населения края. Многие из них арендуют имения (в обход закона) и, под охраною помещиков, которые показывают их своими приказчиками, притесняют далеко уступающих им в уме и изворотливости поселян. Деморализующее влияние мелких торговцев евреев весьма ве-

---

¹ Там же. С.128.

лико в губернии, особенно в северной и средней ее части. Они имеют в своих руках капиталы, а, следовательно, почти всю промышленность края, и являются монополистами в торговле»¹. За полтора года активной деятельности на должности губернатора Урусов сумел составить собственное мнение о влиянии евреев на отдельные отрасли народного хозяйства. Несмотря на официальный запрет евреям жить в селах, у каждого помещика или крупного виноградаря и винодела и вправду непременно проживало несколько евреев, об их неприкосновенности владелец «усердно хлопочет в полицейском управлении и высших губернских местах. Виноделы и подавальщики в Бессарабии – почти все поголовно евреи...»². Но на то были основания. Урусов вспоминает в своих записках семью Вольфензонов, которые развели лучшие виноградные сады в губернии, подобрав для местного климата и почвы французские и немецкие сорта винограда. Они же создали первые местные питомники филлоксероустойчивых американских лоз. Агроном Этингер, руководящий питомником «Еко», создал целую школу садоводов-практиков и сыграл важную роль в деле улучшения местного плодоводства и виноградарства. Все это происходило на фоне медленно разрушающихся виноградных садов местных жителей, мало знавшими о способах борьбы с филлоксерой и милдью.

Неудивительно, что на запрос министра внутренних дел Плеве губернатор Урусов и вице-губернатор Блок дали свое откровенное мнение, что так называемые Временные правила 3-го мая 1882 года не только обманули ожидания их составителей, так как не смогли удержать в своих границах жизненных стремлений и потребностей еврейства, но что сами тенденции этого закона не совпадают с интересами того населения, которое ставилось целью оградить законодательным вмешательством в те области права, которые везде признаются свободными от воздействия государственной власти. Надо отдать должное принципиальной и последовательной позиции Урусова. Безусловно, среди многочисленных факторов, приведших к Февральской революции 1917 года, был и "еврейский" фактор, выразившимся в неготовности царя и правительства радикально менять дискриминационное законодательство в отношении многих

¹ Крушеван П. Бессарабия // www.oldchisinau.com/lib/bessarabia/bessarabia5.html

² Урусов С. Записки губернатора. Кишинев, 2011. С. 261.

притесняемых слоев населения, в том числе и евреев. В статье Б. Федорова «Попытка Столыпина решить еврейский вопрос» говорится: «В январе 1904 г. Особое совещание собралось для рассмотрения мнения губернаторов по указанному вопросу... В программе работы совещания значился вопрос о недостатках закона от 3 мая 1882 г., его изменениях или полной отмене. Член совещания Виленский губернатор граф К.К. Пален в записке о положении евреев в России, представленной совещанию, предложил отменить все ограничительные законы для евреев, проживающих в черте оседлости, сохранив саму черту. Бессарабский губернатор князь С.Д. Урусов, участвовавший в совещании, в своей записке высказал мнение о том, что Временные правила о евреях не дали ожидаемого результата не только для самих евреев, но и для русского общества»¹.

Совещание прекратило работу, не дав видимых результатов, сразу после начала русско-японской войны. По другой версии, В. К. Плеве посчитал совещание «крамольным» и распустил его. В итоге никаких практических результатов работа Особого совещания не дала, хотя премьер-министр П. Столыпин наверняка знал о его существовании. Позже он сам предпримет попытку внести изменения во Временные правила, но его попытка не увенчается успехом — царь Николай Второй не подписал поданный ему журнал. В сопроводительной записке говорилось: «Возвращаю вам журнал по еврейскому вопросу не утвержденным. Задолго до представления его мне, могу сказать, и денно и ночью, я мыслил и раздумывал о нем. Несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу, — внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала. Поэтому и в данном случае я намерен следовать ее велениям. Я знаю, вы тоже верите, что “сердце царево в руках божиих”. Да будет так. Я несу за все власти, мною поставленные, перед богом страшную ответственность и во всякое время готов отдать ему в том ответ. [...] Николай»².

¹ Федоров Б. Попытка Столыпина решить «Еврейский вопрос» // www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/fed_poputk.php

² Там же.

Изначально представленная записка о решении еврейского вопроса кишиневского губернатора С. Д. Урусова вызвала в министерстве, руководимым Плеве, недоумение. Сам Урусов так формулировал свое отношение к необходимым изменениям, которые должны были сперва произойти в законодательной сфере, и постепенно уместиться в сердцах и головах россиян: «...законодательное признание еврейского равноправия меня нисколько не страшит. Я вижу в нем способ избавиться от развращающих нас приемов борьбы с евреями. Если еврейскому влиянию надо противодействовать, то пусть борьба происходит путем мирного соперничества и естественного развития сил. Я убежден, что русский народ не потеряет при этом ни своих материальных благ, ни своего духовного богатства»¹. Мы видим, что Урусов последовательно проявлял джентльменское отношение к еврейскому населению Бессарабии, которое на государственном уровне призвано было уравнивать в правах не только евреев, но и другие группы населения (например, старообрядцев, защитой которых Урусов также занимался впоследствии). Однако мы сосредоточили внимание на обстоятельствах губернаторской деятельности, которые приобрели Урусову репутацию «юдофила», которая сохранилась за ним и после Октябрьской революции и наряду с прочими фактами его биографии, возможно, уберегла его и его семью во время сталинских репрессий.

По словам дочери, Софьи Сергеевны Урусовой, Сергей Дмитриевич называл октябрьский переворот «величайшим экспериментом в мире». Видя, как тяжело идут реформы в царской России, князь ощущал надвигающуюся катастрофу. Еще весной 1908 г. в разговоре с дочерью Урусов предрек, что Россию ждет революция.

В отличие от многих своих родственников князь не уехал за границу. Вскоре после прихода к власти большевиков Сергей Дмитриевич устроился бухгалтером-инструктором в кооперативное товарищество «Технопомощь», связанное с сельским хозяйством, и продолжал, по словам С.С. Урусовой, «мудро ждать текущих событий»². Однако мирно «вписаться» в новую жизнь князю не удалось. В результате национализации банков Урусовы потеряли все свои накопления, в том числе – 25 тысяч рублей в процентных бумагах,

¹ Урусов С. Записки губернатора. Кишинев, 2011. С. 276.

² Урусова С. Моя жизнь (воспоминания) // Личный архив А. И. Фадеева.

которые хранились в сейфах московского Международного банка. Новая власть лишила Урусова всех гражданских прав на том основании, что в 1903-1904 гг. он занимал должность губернатора. В ноябре 1917 г. Урусовы как бывшие помещики утратили право собственности на имение Расва.

В 1919 году Сергей Дмитриевич был арестован. Судя по сохранившимся документам, главным инициатором освобождения князя из заточения стал член Комитета по борьбе с антисемитизмом при наркомате просвещения, редактор журнала «Свободное воспитание» И. И. Горбунов-Посадов. Сохранилось его письмо от 18 сентября 1919 г., адресованное управделами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичу (который также являлся членом этого Комитета), с просьбой об энергичном содействии к скорейшему освобождению арестованного С. Д. Урусова, которому гонимое при царизме еврейство так бесконечно благодарно за его известные выступления в защиту травимых евреев. Отмечая вообще такую характерную черту управленческого стиля Урусова, как «предоставление населению самой широкой самодеятельности и наивозможное ограничение административного властительства», Горбунов-Посадов особо остановился на губернаторской деятельности Сергея Дмитриевича в Бессарабии вскоре после кишиневского погрома. «С. Д. Урусов употребил все усилия для того, чтобы не только предотвратить возможность подобных ужасов, но и для того, чтобы вообще создать человеческие условия жизни для всего еврейского населения, измученного притеснениями, – напоминал автор письма... – Бессарабию С. Д. Урусов покинул, благословляемый еврейским населением... Достаточно сказать, что портрет его, губернатора, висит в той еврейской больнице, где лежали жертвы погрома, учиненного при содействии его предшественников»¹. Ходатай счел необходимым напомнить о других событиях в жизни Сергея Дмитриевича, которые также свидетельствовали о нем как «о защитнике угнетенных при царизме», «высвечивали» его оппозиционную деятельность. Это – и беспрецедентная добровольная отставка Урусова весной 1906 г. с поста товарища министра внутренних дел после того, как он убедился «в лживости нового правительства»; и его знаменитое выступление в заседании I Государственной Думы; и

¹ Хайлова Н. Князь С. Д. Урусов // www.rusliberal.ru/books/Hajlova_URUSOV.pdf

две дореволюционные судимости – за причастность к подписанию «Выборгского воззвания» и публикацию «интересной и глубоко поучительной книги» «Записки губернатора» (1907) (в ней Пронин и Крушеван увидели «личное оскорбление», подали жалобу, следствием которой стало второе в жизни Урусова тюремное заключение, длившееся несколько месяцев). Стремясь снять даже тень подозрений со своего подзащитного, Горбунов-Посадов особо подчеркнул, что после прекращения деятельности во Временном правительстве Урусов «никакого участия в политической жизни не принимал». Тем не менее, настаивал он, все упомянутое говорит об Урусове, «как о человеке, за которого нашему Комитету следовало бы горячо вступиться. Мало того, я полагаю (и пишу об этом тов. А. В. Луначарскому), что этого деятеля как в высшей степени [компетентного?] полезно было бы привлечь к работе данного Комитета в качестве консультанта, так глубоко и вдумчиво и практически знакомого с всею сутью и изнанкой вопроса о погромах. В заключение Горбунов-Посадов посчитал уместным обратить внимание и на тот факт, что жена Сергея Дмитриевича, урожденная Лаврова, приходится двоюродной внучкой крупному деятелю социалистического движения, одному из идеологов народничества Петру Лавровичу Лаврову. «Освободив Урусова, Советское правительство оказало бы уважение в ее лице семье П. Л. Лаврова. Я не говорю уже, насколько работа Урусова нужна сейчас для поддержки его семьи, не имеющей в настоящее время никаких средств», – таковы были последние решительные аргументы автора письма¹. Позже ходатайство об Урусове на имя председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского (копия – председателю Совнаркома В. И. Ленину) отправил и сам А. В. Луначарский, нарком просвещения и заместитель председателя упомянутого Комитета. В этом письме Сергей Дмитриевич тоже характеризовался как «редкий знаток в вопросах антисемитизма», который мог бы принести немалую пользу в качестве эксперта по этой проблеме. Нарком выражал абсолютную уверенность в том, что и председатель Комитета Максим Горький без колебаний присоединился бы к просьбе об освобождении «этого редкого среди крупных чиновников человека»: «Таких либералов, благородных в лучшем смысле слова ... имевших в свое время мужество, жертвуя

---

¹ Там же.

и своей карьерой, и благополучием, выступать в защиту угнетенных ... следовало бы тревожить арестами лишь при совершенно несомненных указаниях на их контрреволюционную деятельность»¹. Ходатайства об освобождении Сергея Дмитриевича Урусова возымели силу, и он был отпущен.

До смерти в 1937 году Сергей Дмитриевич Урусов, бывший князь, сменил много мест работы. Работал он бухгалтером в Строевом управлении при штабе Морских сил республики. Был управляющим делами особой комиссии при президиуме ВСНХ по исследованию Курских аномалий. В составе группы сотрудников Комиссии был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Спустя 10 лет это обстоятельство сыграло решающую роль по случаю зачисления семью в категорию лишенцев. Работал Урусов секретарем и управляющим делами рентгеновской, электромедицинской и фотобиологической секций, а позже главным инспектором в отделе инспекции при правлении Госбанка РСФСР.

Дочь Софья Сергеевна Урусова вспоминала, как спустя много лет, в начале 1930-х гг., старик-еврей – сторож в проходной одного из «закрытых» московских заводов, куда она не могла попасть по делам службы из-за отсутствия необходимого документа, – узнав, что она дочь бывшего бессарабского губернатора, помог ей со словами: «Если бы я мог, я не только на любой завод, я и в рай бы вам дал пропуск». «...Общие человеки, – говорил Ф.М. Достоевский, – побеждают мир, соединяя его. Нужно очень немного таких, чтобы спасти мир, до того они сильны...». Безусловно князь Урусов остался в памяти многих людей именно таким «общим человеком».

После революции большинство Урусовых оказались в эмиграции, а те, что остались, жестоко поплатились: некоторые были расстреляны при красном терроре, а иные потом долго мучились в ГУЛАГе. Однако этой участи удалось избежать Сергею Дмитриевичу Урусову: 5 сентября 1937 года он умер без вмешательства внешних сил. Князь, образцовый губернатор, советский работник, и во все времена человек, стоящий выше национальных границ и предрассудков, Сергей Дмитриевич Урусов был похоронен в Москве на Даниловском кладбище. Могила его до наших дней не сохранилась.

---

¹ Там же.

*Брик Евгений,
доктор экономики*

СИНАГОГА КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН В БЕССАРАБИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Особенностью рассматриваемого периода является тот факт, что мы можем разбить его по крайней мере на два этапа, во время которых исследуемая территория находилась в разной государственной ситуации. В период до 1812 года исследуемая территория являлась частью Молдавского княжества, где действовала своя юридическая база и этнологическое развитие еврейских общин происходило свободно и практически без системы ограничений со стороны действующей власти.

Нам удалось обнаружить информацию о существовании к 1812 году нескольких синагог в Кишиневе и одной в Бельцах. До завоевания данной территории Российской Империей не существовало ограничений в самом названии «синагога» и поэтому понятие «молитвенный дом» появляется только после 1812 года.

Существует ряд особенностей, благодаря которым помещение может называться синагогой или быть приравнено к статусу синагоги. Различие между синагогой и еврейским молитвенным домом в основе своей связаны с правилами и законами страны, которые определяют статус места, где происходят встречи и отправление религиозных и культурных церемоний. Это следует и из определения синагоги, как культурного и исторического явления.

В 1812 году Бессарабия попадает под юрисдикцию Российской Империи, а с 1818 года включается в черту оседлости. В царском «Положении о евреях» от 1835 г. были установлены следующие ограничения на строительство молитвенных домов: на каждые 30 еврейских домов в населенном пункте – одна школа, бейт-гамидраш, на каждые 80 – синагога. С 1844 г. правила еще более ужесточились: было запрещено возводить синагоги и устраивать молитвенные дома в пределах 100 саженей от христианского храма, если оба

здания находились на одной улице, и 50 – если на разных¹. Исходя из такого положения дел, евреи должны были обладать большой дипломатией, терпением и немалыми финансовыми средствами, чтобы получить разрешение и построить синагогу.

Евреи Бессарабии в составе Российской Империи столкнулись с необходимостью создания такого института, который мог сохранить их идентичность как этноса. С другой стороны в Бессарабии проживали, как было указано ранее, выходцы из разных еврейских субэтнических групп и представители различных еврейских субконфессиональных направлений. Автор считает, что таким институтом, позволившим элиминировать внутри общинный антогонизм явилась синагога и еврейский молитвенный дом.

В разных местах Бессарабии располагалось различное количество синагог и молитвенных домов. Данные о количестве синагог и молитвенных домов в первой половине XIX века колеблются что может быть связано и с временным фактором. Обычно в литературе приводятся такие цифры: 17 синагог и 500 еврейских молитвенных домов. Автор считает, что данные цифры во многом относительны и для их уточнения требуются дополнительные исследования во всех населенных пунктах (городах, местечках, сельскохозяйственных колониях и деревнях), где проживали евреи.

К настоящему времени нами обнаружен список 24 синагог, действовавших в Бессарабии в первой половине 19 века²: Синагога, город Аккерман; Синагога «Главная», местечко Атаки, Сорокский уезд; Синагога, местечко Байрамча, Аккерманский уезд; Синагога «Главная», город Бельцы; Синагога, местечко Бричаны, Хотинский уезд; Синагога «Клоуз», село Вертюжаны, Сорокский уезда; Синагога, местечко Калараш; Синагога «Главная», город Килия; Синагога «Главная», город Кишинев; Синагога «Новобазарная», между Гостинной и Николаевской улицами, город Кишинев; Синагога,

---

¹ Голицин Н. История русского законодательства о евреях. СПб., 1886.

² Материалы по списку синагог и еврейских молитвенных домов представлены и обработаны на основе материалов Учреждения и организации Бессарабии. ВЕК XIX. БЕССАРАБСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО, ИНДЕКС, Электронное издательство «КЛИОСФЕРА». Кишинев, 2010 (Опубликовано на правах рукописи). Проект «Бессарабия. Век XIX» Автор проекта и составитель Индекса Е. А. Румянцев.

местечко Леово, Измаильский уезд; Синагога, местечко Липканы, Хотинский уезд; Синагога, местечко Новоселица, Хотинский уезд; Синагога, местечко Петровка, Бендерский уезд; Синагога, село Резены, Оргеевский уезд; Синагога, местечко Скуляны, Хотинский уезд; Синагога «Большая», город Сороки; Синагога «Златопольская», город Сороки; Синагога, село Талмазы, Аккерманского уезда; Синагога, село Татарбунары; Синагога, село Теленешты, Оргеевский уезд; Синагога «Общественная», местечко Фалешты, Белецкий уезд; Синагога «Большая», город Хотин; Синагога, село Чинешуцы.

В данном списке есть несколько очень интересных особенностей. В ряде городов мы встречаем название «Главная» и «Большая» синагога. Автор считает, что названия «Главная» и «Большая» являются практически одинаковыми. В некоторых случаях такая синагога называлась «Старая».

В 1812 году в Кишиневе хасидский раввин из Черновиц Хаим Тиррер основал Большую синагогу. Ее площадь относительно небольшая, менее 100 квадратных метров. Однако для начала XIX века, она, видимо, значительно превосходила другие синагоги Кишинева. Название «Большая» может иметь и другое значение. Учитывая время ее возведения и расположение на берегу реки Бык, она могла иметь оборонительное значение. Здание синагоги было предназначено и для спасения людей в случае осады города. Каменные оборонительные или крепостные синагоги, обычно назывались в местечках Большими или Старыми¹. Эти синагоги, как правило, были окутаны мифами и легендами. Считалось, что некоторые из них существовали с незапамятных времен и были откопаны переселившимися евреями. Интересно, что по другим поверьям, под ними имелись подземные ходы, ведущие чуть ли не в Иерусалим. Похожие легенды существовали и в Кишиневе еще в начале 60-х годов. Мне рассказывали в середине 60-х годов друзья детства о некоем старом кишиневском здании (слово синагога была под запретом в советском Кишиневе) возле реки Бык, откуда древний проход ведет в сторону бывшего Комсомольского озера и существует отдельный

---

¹ Котляр Е. Образ Иерусалимского Храма в традициях синагогального зодчества. Киев, 2004.

тайный вход на стыке улиц (современное название) Влайку Пыркулэб и Матиевича.

Аналогичные легенды были рассказаны автору во время плановой командировки в г. Бельцы. В Бельцах, как и в Кишиневе, подземные ходы и сооружения были обнаружены. Но в обоих случаях эти подземные сооружения не были проверены или исследованы на возможные связи именно с первыми синагогами города.

Незначительный список синагог в Кишиневе указывает на тот факт, что во времена Российской империи многие синагоги потеряли статус «синагога» и перешли в категорию «еврейский молитвенный дом». Первоначальный статус был им возвращен либо в начале XX века, либо после 1918 года.

Приведем список молитвенных домов Кишинева: Молитвенный дом Б. Нухимовича; Молитвенный дом «Бес-Гамедриш Рыбарей», Килийская ул.; Молитвенный дом «Кавказ», Кировская ул.; Молитвенный дом «Гоцулевка», Килийская ул.; Молитвенный дом «Портняжный», Гостинная ул.; Молитвенный дом «Синайский», Бендерская ул.; Молитвенный дом «Солдатский и бубличных пекарей», Измаильская ул.; Молитвенный дом на Кузнечной улице; Молитвенный дом «Резничный», Измаильская ул.; Молитвенный дом «Постельников», Гостинная ул.; Молитвенный дом «Тальненский», Болгарская ул.; Молитвенный дом «Бес-Гамедриш», Гостинная ул.; Молитвенный дом «Овсяников», Бендерская ул.; Молитвенный дом «Школа бондарей»; Домашняя молельня в доме кишиневского купца Елима (Елиша) Мойше Гальперина; Молитвенный дом «Серебряник», Старо-Армянская ул.; Молитвенный дом «Магиде-Тегилем», Екатерининская ул.; Молитвенный дом «Портняжеский», Часовенный пер.; Молитвенный дом «Маламудский», Ильинская ул.; Молитвенный дом «Клауз», Харлампиевская ул. Молитвенный дом «Гробокопателей», Маклерский пер.; Молитвенный дом «Сапожников», Ильинская ул.; Молитвенный дом «Перекупщиков», он же «Прокупцов», Куприяновская ул.; Молитвенный дом «Шоиль-Лаборкер», при Главной синагоге; Молитвенный дом «Портняжеский», при Главной синагоге; Молитвенный дом «Старо-Псалтир», Грязная ул.; Молитвенный дом «Старая Пасхария», Ильинская ул.; Молитвенный дом «Старая Лимнария», Павловская ул.; Молитвенный дом «Бес-Гамедриш», Фарисеевский

пер.; Молитвенный дом «Мегиде-Телегим», Фарисеевский пер.; Молитвенный дом «Благотворителей», Кагульская ул.; Молитвенный дом «Пекарей», Яковлевская ул.; Молитвенный дом «Талал», Кагульская ул.; Молитвенный дом «Мостовой», Павловская ул.; Молитвенный дом «Ковальский», Ботезатовская ул.; Молитвенный дом «Старо-Бес-Гамедриш», Синагоговская ул.; Молитвенный дом «Старый Ключ», Синагоговская ул.; Молитвенный дом «Купеческое общество»; Молитвенный дом «Водовозов», Синагоговская ул.; Молитвенный дом, подаренный купцом Самуилом Лившицем, Кагульская ул.; Молитвенный дом Перельмутера, Николаевская ул.; Молитвенный дом «Стекольщиков», Якимовский пер.; Молитвенный дом «Шапошников», Ланкастерский пер.; Молитвенный дом старьевщиков; Молитвенный дом на улице Измаильской; Молитвенный дом на Табакерии, в доме Нафтула Беншаца; Молитвенный дом в доме Якоба Беншаца; Молитвенный дом у Скулянской рогатки; Молитвенный дом Вайнроха Ш. и Габелиса В.; Молитвенный дом «Генрих Коган»; Молитвенный дом в доме Яглома.

В Кишиневском уезде находилось 7 еврейских молитвенных домов (причем почти половина из них располагалась в Ганчештах): Молитвенный дом, село Бачой; Молитвенный дом, село Ниспорены; Молитвенный дом, село Варзарешты; Молитвенный дом, село Страшены; Молитвенный дом «Резницкий», местечко Ганчешты; Молитвенный дом «Ремесленный», местечко Ганчешты; Молитвенный дом «Купеческий», местечко Ганчешты.

Интересно, что каждый молитвенный дом назывался по специальности тех людей, которые его посещали. Такое явление в большей степени характерно для синагог, что опять подчеркивает искусственность данного разделения из-за бюрократических законов Российской Империи.

В первой половине XIX века в Кишиневе существовала Синагога Бэйт Таара на «старом еврейском кладбище». Интересен тот факт, что только в Бессарабии такие сооружения принято называть синагогой мертвых. Как правило, недалеко от такой синагоги располагалась еще одна синагога, предназначенная для молитв и литургий.

Большая часть еврейского населения Бессарабии проживала в северных регионах и центре. Поэтому именно в местечках севера Бессарабии, Бельцах и бельцком уезде, как правило, было макси-

мальное количество молитвенных домов. Исключением является еврейское местечко и еврейская колония Теленешты, где была 1 синагога.

Приведем список еврейских молитвенных домов, расположенных в Бельцах: Молитвенный дом «Большой, против церкви», город Бельцы; Молитвенный дом «Раввинский», город Бельцы; Молитвенный дом «Харац», город Бельцы; Молитвенный дом «Старый Раввин на мучном базаре», город Бельцы; Молитвенный дом «Школа биндюжников», город Бельцы; Молитвенный дом «Школа ремесленная, цеховая, около второй бани», город Бельцы; Молитвенный дом «Хахамская (Хабадская)», город Бельцы; Молитвенный дом «Резничная», город Бельцы; Молитвенный дом «Магидем - Телем», город Бельцы; Молитвенный дом «Школа Шамусин », город Бельцы; Молитвенный дом «Общество евреев в доме Пинкуса Розептулера», город Бельцы; Молитвенный дом «В общественном доме по Кузнечной улице», город Бельцы; Молитвенная школа Дикера, город Бельцы.

Мы встречаем в этом списке название «Большой», которое у бельчан ассоциируется с первой синагогой города, построенной представителями литовского направления в иудаизме.

Приведем список молитвенных домов, расположенных в местечках и еврейских сельскохозяйственных колониях Бельцкого уезда: Молитвенный дом «Шакле», село Александрены; Молитвенный дом «Портняжеский», село Вале-луй-Влад; Молитвенный дом «Чоклийский», местечко Фалешты; Молитвенный дом «Майданский», местечко Фалешты; Молитвенный дом «Николаевский», местечко Фалешты; Молитвенный дом «Клауз», местечко Фалешты; Молитвенный дом «Штибль», местечко Фалешты; Молитвенный дом «Бес-Гамедриш», местечко Фалешты; Молитвенный дом «Садигурский», местечко Фалешты; Молитвенный дом «Штефанецкий», местечко Рышкановка; Молитвенный дом «Ракорийский», местечко Рышкановка; Молитвенный дом «Чеклеш», местечко Рышкановка; Молитвенный дом, поселок Пырлица; Молитвенный дом «Шульхен», местечко Скуляны; Молитвенный дом «Бес-Гамедриш», поселок Унгены; Молитвенный дом № 1 (без названия), поселок Унгены; Молитвенный дом № 2 (без названия), поселок Унгены; Мо-

литвенный дом, поселок Корнешты-Перевал; Молитвенный дом «Торговый», поселок Корнешты-Перевал.

Из 8 населенных пунктов, местечек и сельскохозяйственных колоний, более 30% еврейских молитвенных домов было открыто в Фалештах.

Наименьшее количество еврейских молитвенных домов находилось в регионе южной Бессарабии, где проживало меньше еврейского населения и практически отсутствовали чисто еврейские местечки и сельскохозяйственные колонии.

В Аккерманском уезде располагалось 8 молитвенных домов, включая сам город: Молитвенная школа № 2, Аккерман; Молитвенный дом, село Арциз; Молитвенный дом, село Олонешты; Молитвенный дом, село Старый Арциз; Молитвенный дом, село Тарутино; Молитвенная школа, село Тарутино; Молитвенный дом «Ремесленный», поселок Шабо.

В Измаильском уезде располагалось 14 молитвенных домов, включая 1 молитвенный дом в Вилково: Молитвенный дом «Ейше», местечко Леово; Молитвенный дом «Бес-Гамедриш», местечко Леово; Молитвенный дом «Чоклийский», местечко Леово; Молитвенный дом «Портняжеский», местечко Леово; Молитвенный дом «Коса Гамита», город Килия; Молитвенный дом «Бикер-Хойлеш (м)», город Килия; Молитвенный дом «Бес-Гамедриш», город Килия; Молитвенный дом «Галмуд-Тора», город Кагул; Молитвенный дом «Бес-Гамедриш», город Кагул; Молитвенный дом, город Рени; Молитвенный дом, посад Вилков; Молитвенный дом, посад Тузлы; Молитвенный дом, село Баймаклия; Молитвенный дом, село Чичма.

В Бендерском уезде располагалось 24 молитвенных дома: одиннадцать – в Бендерах, 5 – в местечке Каушаны. Интересно, что в сельскохозяйственной колонии Романовка уже были 2 молитвенных дома, хотя к данному времени еврейское население уменьшалось и она потеряла статус колонии, перейдя в статус деревни, то есть ниже местечка.

Список молитвенных домов в Бендерском уезде: Молитвенный дом, местечко Манзырь; Молитвенный дом № 1, местечко Каушаны; Молитвенный дом № 2, местечко Каушаны; Молитвенный дом № 3, местечко Каушаны; Молитвенный дом № 4, местечко Каушаны; Молитвенный дом «Явна», местечко Каушаны; Молитвенный

дом, село Комрат; Молитвенный дом «Фейгинуш», село Манзырь; Молитвенный дом, село Петровка; Молитвенный дом «Бес-Гамедриш» № 1, деревня Романовка; Молитвенный дом «Бес-Гамедриш» № 2, деревня Романовка; Молитвенный дом «Гамедриш», местечко Чадыр-Лунга; Молитвенный дом, местечко Чимишлия; Молитвенный дом № 1, город Бендеры; Молитвенный дом № 2, город Бендеры; Молитвенный дом № 3, город Бендеры; Молитвенный дом № 4, город Бендеры; Молитвенный дом № 5, город Бендеры; Молитвенный дом № 7, город Бендеры; Молитвенный дом № 8, город Бендеры; Молитвенный дом № 9, город Бендеры; Молитвенный дом № 10, город Бендеры; Молитвенный дом «Неки-Конаим», город Бендеры; Молитвенная школа, город Бендеры.

В Оргеевском районе интересен молитвенный дом Гробокопателей в Оргееве, где находится самое древнее в Бессарабии еврейское кладбище.

В Оргеевском районе располагалось 14 молитвенных домов: Молитвенный дом гробокопателей, город Оргеев; Молитвенный дом «Бес-Гамедриш», город Оргеев; Молитвенный дом «Талпер Клоуз», город Оргеев; Молитвенная школа, город Оргеев; Молитвенный дом, село Биешты; Молитвенный дом «Бужский», местечко Ганчешты; Молитвенный дом, село Гульбоки; Молитвенный дом «Явни», местечко Калараш; Молитвенный дом, село Кобылка; Молитвенный дом, местечко Криуляны; Молитвенный дом, село Пересечено; Молитвенный дом, село Суслены; Молитвенный дом, Село Телешево; Молитвенный дом «Брухис», село Тузора.

В Сорокском уезде был 21 еврейский молитвенный дом; большая часть из них находилась в еврейских сельскохозяйственных колониях, в том числе в Згурице – 6 и в Домбровенах – 5: Молитвенный дом «Бес-Гамедриш большой», город Сороки; Молитвенный дом «Клоуз-Барила», город Сороки; Молитвенный дом «Клоуз-Хахомович», город Сороки; Молитвенный дом «Новая школа (Клоуз)», город Сороки; Молитвенный дом «Немецкий клоуз», город Сороки; Молитвенный дом «Бес-Гамедриш – малый», город Сороки; Молитвенный дом «Клоуз», местечко Атаки; Молитвенный дом «Бес-Гамедриш», местечко Атаки; Молитвенный дом в доме Роота, местечко Атаки; Молитвенный дом № 1, колония Згурица; Молитвенный дом № 2, колония Згурица; Молитвенный дом № 3, колония

Згурица; Молитвенный дом «Бес-Гамедриш», колония Згурица; Молитвенный дом «Молитвенная школа, пожертвованная по завещанию Рувином Франком», колония Згурица; Молитвенный дом, пожертвованный Ноихом Бройтманом и Элей Гомерианом, колония Згурица; Молитвенный дом «Старый Клоуз», колония Домбровены; Молитвенный дом «Новый Клоуз», колония Домбровены; Молитвенный дом «Бес-Гамедриш», колония Домбровены; Молитвенный дом «Ремесленная школа», колония Домбровены; Молитвенный дом «Бес-Гамедриш» (второй), колония Домбровены; Молитвенный дом «Общественный», колония Капрешты.

Больше всего молитвенных домов располагалось в Хотинском уезде, как в самом уездном городе, так и в таких знаменитых еврейских местечках, как Липканы и Бричаны: Молитвенный дом, село Атаки; Молитвенный дом, село Бабино; Молитвенный дом, село Клишковцы; Молитвенный дом «Боянский», местечко Новоселица; Молитвенный дом «Старый Клоуз», местечко Новоселица; Молитвенный дом «Подарованный», местечко Новоселица; Молитвенный дом «Бес-Гамедриш», местечко Новоселица; Молитвенный дом № 3, местечко Единцы; Молитвенный дом «Школа Мордки Трахтенбройта», местечко Единцы; Молитвенный дом «Школа Сисписа», местечко Единцы; Молитвенный дом «Школа № 2», местечко Единцы; Молитвенный дом «Школа № 5», местечко Единца; Молитвенный дом «Школа Цегольная», местечко Единцы; Молитвенный дом «Школа Бедных», местечко Единцы; Молитвенный дом «Школа Гробокопателей», местечко Единцы; Молитвенный дом «Школа Портных», местечко Единцы; Молитвенный дом «Школа сапожников», местечко Единцы; Молитвенный дом «Школа Садигурская», местечко Единцы; Молитвенный дом «Школа Русской Ма ...»», местечко Единцы; Молитвенный дом «Клоуз», местечко Липканы; Молитвенный дом «Бес-Гамедриш», местечко Липканы; Молитвенный дом «Клоуз», местечко Липканы; Молитвенный дом «Хусидов», местечко Липканы; Молитвенный дом «Бес-Гамедриш» (второй), местечко Липканы; Молитвенный дом «Портных», местечко Липканы; Молитвенная школа «Клоуз», местечко Липканы; Молитвенный дом «Голландская школа», местечко Бричаны; Молитвенный дом Ицки Вартикауцкого, местечко Бричаны; Молитвенный дом «Старый Клоуз», местечко Бричаны; Мо-

литвенный дом «Бес-Гамедриш сельский», местечко Бричаны; Молитвенный дом № 1, местечко Бричаны; Молитвенный дом «Сапожнический», местечко Бричаны; Молитвенный дом «Портняжеский», местечко Бричаны; Молитвенный дом «Кушнирский», местечко Бричаны; Молитвенный дом «Садигурский», местечко Бричаны; Молитвенный дом без названия, местечко Бричаны; Молитвенный дом Берка Ройтмана, местечко Бричаны; Молитвенный дом Хаима Ципера, местечко Бричаны; Молитвенный дом Вольки Бронштейна, местечко Бричаны; Молитвенный дом «Старый Клоз», местечко Секуряны; Молитвенный дом «Бес-Гамедриш», местечко Секуряны; Молитвенный дом Абрама Зисмана, местечко Секуряны; Молитвенный дом Суры Шильман, местечко Секуряны; Молитвенный дом Гершана Аарона, местечко Секуряны; Молитвенный дом Герша Ходородского, местечко Скуляны; Молитвенный дом Рахмиля Койфмана и Иося Майданчика, местечко Скуляны; Молитвенный дом Мошка Лернера, город Хотин; Молитвенный дом «Хирик», город Хотин; Молитвенный дом наследников Юфы, город Хотин; Молитвенный дом «Перкамен», город Хотин; Молитвенный дом Серебенника, город Хотин; Молитвенный дом Вайсмана, город Хотин; Молитвенный дом Шмуля Шабельмана, город Хотин; Молитвенный дом «Черепковская», город Хотин; Молитвенный дом «Косовская», город Хотин; Молитвенный дом «Резницкая», город Хотин; Молитвенный дом «Бес-Гамедриш», город Хотин; Молитвенный дом «601», город Хотин; Молитвенный дом «Фройма Котляра», город Хотин; Молитвенный дом «Янкеля Дувиды Гофмана», город Хотин; Молитвенный дом «Бес-Гамедриш № 1», город Хотин; Молитвенный дом в доме Семена Склера, город Хотин; Молитвенный дом в общественном доме, город Хотин; Молитвенный дом в доме Гофта, город Хотин; Молитвенный дом в доме Хормана, город Хотин; Молитвенный дом в доме Вайсмана, город Хотин; Молитвенный дом «Старая Гурская в общественном доме», город Хотин; Молитвенный дом в доме Абрама Либерзона, город Хотин; Молитвенный дом «Бес-Гамедриш», город Хотин.

Синагоги и молитвенные дома помогли сохраниться евреям как этносу: ведь, благодаря феномену существования таких центров, сохранились язык и традиции еврейского народа.

THIS BOOK WAS FUNDED BY A GRANT FROM THE DUTCH JEWISH HUMANITARIAN FUND. THE OPINIONS, FINDINGS AND CONCLUSIONS STATED HEREIN ARE THOSE OF THE AUTHORS AND DO NOT NECESSARILY REFLECT THOSE OF THE DUTCH JEWISH HUMANITARIAN FUND.

THE DUTCH JEWISH HUMANITARIAN FUND (JHF) STARTED OPERATING IN 2002. THE FOUNDATION WAS ESTABLISHED AS A RESULT OF THE NEGOTIATIONS ON JEWISH WAR CLAIMS IN THE NETHERLANDS. IN THE SETTLEMENT BETWEEN THE DUTCH JEWISH COMMUNITY, THE DUTCH JEWS IN ISRAEL, AND THE DUTCH GOVERNMENT, IT WAS AGREED TO ALLOCATE PART OF THE DUTCH GOVERNMENT'S CONTRIBUTION TOWARD A FUND SUPPORTING PROJECTS DEDICATED TO RESTORING JEWISH LIFE IN CENTRAL AND EASTERN EUROPE.

THE AWARD POLICY OF THE DUTCH JEWISH HUMANITARIAN FUND IS BASED ON THE PRINCIPLES OF HUMAN RIGHTS AND TZEDAKAH. TZEDAKAH IS NOT A PRIVILEGE BUT A RIGHT. THE AIM OF TZEDAKAH IS TO ESTABLISH A JUST SOCIETY. THESE PRINCIPLES ARE EMBEDDED IN THE JEWISH TRADITION. IN LEVITICUS XIX (9) IS THE ADMONITION "NOT [TO] WHOLLY REAP THE CORNERS OF THY FIELD" BUT TO LEAVE THEM FOR THE POOR. THE JHF LOGO (A RECTANGLE WITH A CORNER CUT OFF) SYMBOLIZES THESE VALUES.